

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

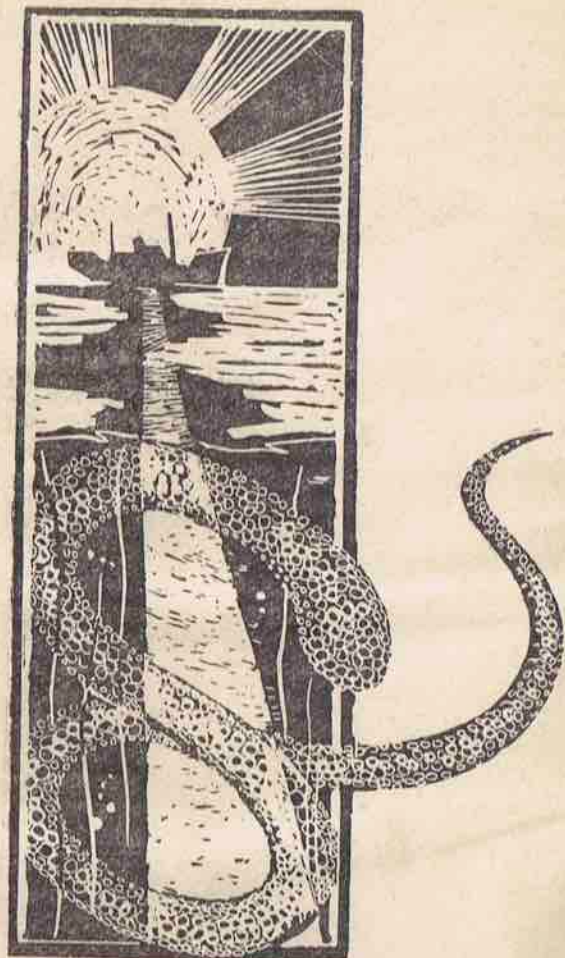
коп.

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ

ГОСТЬ ИЗ МОРЕЯ

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ

ГОСТЬ
ИЗ
МОРЕЯ

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ

ГОСТЬ ИЗ МОРЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
МОСКВА • 1967

ПРОЛОГ. ГИБЕЛЬ „ВЛЮБЛЕННОЙ СИРЕНЫ“

Как и все на палубе «Влюбленной Сирены», я тоже услышал вдруг треск и грохот, но не понял, что это взрыв.

Я был в это время на баке и, оглянувшись, с удивлением увидел, как над кормой поднялся столб воды, взметнув кверху какие-то доски. Повиснув на миг в воздухе, вода и обломки тяжело обрушились на капитанский мостик.

Раздался новый треск и звон стекла. А палуба под моими ногами вдруг начала крениться.

Судно быстро садилось на корму.

— Что случилось? — крикнул я пробежавшему мимо матросу.

Он ответил что-то по-польски.

Тонем? Ноги понесли меня вслед за моряком на корму, под уклон кренившейся палубы.

Дальше все замелькало и завертелось перед глазами, точно в кинофильме, вдруг пущенном с ненормальной скоростью.

По трапу, ведущему на палу-

бу с капитанского мостика, осторожно-потясь, спускались два матроса, неся на руках чье-то обмякшее, безжизненное тело в окровавленном кителе...

Из своей рубки выскочил вихрастый парнишка-радиот и зачем-то торопливо полез на мачту, таща за собой длинный провод...

Капитан Стах, высунувшись до пояса из разбитого окна капитанской рубки, внимательно наблюдал за ним. Окровавленной рукой он зажимал правую щеку.

Из носового кубрика один за другим выскакивали полуодетые матросы...

Траулер все больше оседал на корму, заваливаясь на левый борт.

А море кругом оставалось совершенно спокойным и безмятежным. В его мирной зеркальной глади отражались пушистые облака, неподвижно висевшие в небе.

Тут я увидел боцмана, тащившего охапку спасательных поясов, и бросился к нему.

— Что случилось?

— Взрыв. Мина, — коротко ответил он и сунул мне в руки один пояс.

— Сильные повреждения? — крикнул я ему в догонку.

Но он даже не оглянулся.

Больше расспрашивать некого. Все вокруг понимали не больше моего в этом неожиданном взрыве, да и мало кто из команды мог хорошо говорить по-русски. А я не знал польского языка.

Из люка высунулась взлохмаченная голова Логинова. Увидев меня, он сердито крикнул:

— Помогите! Что стоять истуканом.

Я бросился помогать ему протаскать сквозь узкую горловину люка два ящика. Снизу их подталкивал Волошин.

Наконец ящики пролезли. Они были тяжелые. Волошин выбрался на палубу и сел на один из них, размазывая по лицу пот грязной рукой. Щеголеватый кремовый костюм его был весь перепачкан, на левом рукаве зияла большая рваная дыра.

— Серьезная авария? — спросил я, переводя взгляд с Логинова на Волошина.

Теперь я был среди земляков и мог расспросить их обо всем. Надо и в дальнейшем держаться с ними.

— Нет, пустяки, — тяжело отдуваясь, ответил Волошин. — Тонем — только и всего. «А в остальном, прекрасная маркиза...»

— Я схожу к капитану, — прервал его Логинов и направился на мостик.

— Координаты не забудьте уточнить! — крикнул ему вслед Волошин. — А то уплывем еще куда-нибудь в Аргентину.

Он посмотрел на радиста, спускавшегося с мачты.

— Молодец, все-таки успел!

— А что он там делал? — спросил я.

— Устанавливал аварийную антенну. Вы же видите, основная оборвана.

Только теперь я заметил, что судовая антенна, натянутая между мачтами, в самом деле куда-то исчезла.

— Мы наткнулись на мину? — допытывался я. — Но почему же кормой? Ведь взрыв произошел там. И откуда могла взяться мина? Сколько лет прошло после войны, а тут ведь район весьма развитого судоходства, наверняка все мины выловлены.

Волошин посмотрел на меня и насмешливо ответил:

— Вы смотрите в самый корень. Из вас вышел бы неплохой следователь, такой дотошный Шерлок Холмс. Ваши вопросы совершенно справедливы, жаль только, некому на них ответить. Есть только загадочные факты: в одиннадцать часов тридцать две минуты по местному времени, в чудесный весенний день, польский рыболовный траулер типа СРТ, носящий гордое имя «Влюбленная Сирена», порт приписки Гданьск, потоплен таинственным взрывом в кормовой части судна и затонул в Большом Багамском проливе, примерно в ста милях к северо-востоку от берегов Кубы... Координаты сейчас уточнит Андрей Васильевич. Таковы факты. Причина взрыва, боюсь, так и останется одной из многих загадок моря. Но вот идет Логинов, может, он ответит на ваши жгучие вопросы. Что, дела неважны? — спросил он у подошедшего Логинова.

Тот покосился на меня и ответил:

— Да, положение серьезное. Пробойну не заделать, одна шлюпка разбита в щепки, взрыв пришелся как раз под ней. Вторую никак не могут снять со шлюпбалок, заклинило из-за сильного крена.

— Так, — сказал Волошин и задумчиво присвистнул. — Значит придется форсировать океан на подручных средствах. И за каким чертом я полез на эту галеру? Сколько у нас времени?

— Не больше получаса.

— Ясно.

Волошин встал и начал снимать пиджак.

— Советую и вам раздеться, — сказал он мне. — Дольше продержитесь на воде. Слава богу, что мы не в Арктике и хоть водичка здесь теплая.

Я уже ничего не спрашивал, хотя вихрь тревожных вопросов кружился в голове. Молча разделся и глупо стоял в одних трусах, держа одежду в охапке и не зная, куда же ее девать.

Волошин посмотрел на мое растерянное лицо и засмеялся.

— Чудесный у вас сейчас видик, весьма фотогеничный, — сказал он. — А это, — ткнул он пальцем в мою одежду, — это можете бросить за борт, авось отвлечет акул на некоторое время.

— А тут есть акулы?

— Есть, — жестко ответил Логинов.

Он тоже разделся, но не стал выбрасывать свою одежду за борт, как это сделал Волошин и я вслед за ним, а аккуратно развесил ее на ближайшем леере, словно для просушки после стирки.

Потом мы с Логиновым прошли на корму, где матросы все еще тщетно пытались спустить единственную уцелевшую шлюпку.

«Сирена» уже так легла на левый борт, что удержаться на палубе можно было, только цепляясь за бортовые леера.

Боцман с двумя матросами накачивал воздух в большой оранжевый резиновый плот. Два таких же спасательных плотика поменьше, уже надутых, были прислонены к стене рубки.

— Берите один из них, — сказал капитан, высунувшийся из разбитого окошка. — Вас трое?

Логинов кивнул.

— Тогда возьмите еще одного. Вот Стасик. Он понимает немножко по-русски, будет проще.

— Добже! — шуплый паренек в тельняшке протиснулся в покореженную взрывом дверь. Он был от загара совсем

черный, как негр, а волосы, наоборот, у него так выгорели, что казались седыми. Кажется, я видел его за рулем?

— Забирайте плот и отходите от судна, — продолжал капитан. — Будут водокруты, может затянуть. Отходите подалее. Компас не забыли?

— Взяли, — хмуро ответил Волошин.

— А как же вы, Стах? — спросил я.

Он пожал плечами:

— Капитан уходит последний.

— Связь есть? — спросил Логинов.

— Есть. Непрерывно даем «SOS», но пока никто не ответил. Будем сигналить до крайности.

Тут капитана окликнули из глубины рубки, и он исчез, даже не успев попрощаться с нами.

А мы втроем понесли плотик по опустевшей палубе, вставшей уже почти дыбом, к Волошину, поджидавшему нас возле ящиков. Кроме ящиков, откуда-то появились еще непонятные приборы, Волошин тщательно укутывал их в прозрачную пластиковую пленку.

— Выдержит? — спросил он, с сомнением пощупав ногой резиновый плотик.

Логинов посмотрел на ящики, покачал головой и ответил:

— Рискнем. Во всяком случае, выбросить их никогда не будет поздно.

Плотик закачался на воде. Первым спустился на него Волошин, и мы подали ему сначала запеленатые в пленку приборы, а потом оба тяжелых ящика.

— Теперь лезьте вы, — приказал Логинов.

Когда я ступил на плотик, он почти совсем погрузился в воду. Как же мы поплывем?

— Ну, что же вы? — нетерпеливо спросил меня Волошин.

— А что я должен делать?

— То же самое, что я, — с этими словами Волошин сполз с закачавшегося плотика в воду. — Вот так поплывем, уважаемый представитель прессы, а за плотик будем только держаться. Так сказать, моральная опора...

Логинов и Стасик, так и не пожелавший расстаться с тельняшкой, тоже прыгнули в воду.

И мы поплыли от тонущего траулера, толкая перед собой веселенький оранжевый плотик...

Я все оглядывался на «Сирену». Вот от нее поспешно ото-

шел большой плот. На нем разместились почти вся команда. Третий пока оставался возле борта.

— Странно, чего они мешкают, — пробормотал Волошин. — Стах на плоту уже или нет, не видите?

— Нет. Капитан на мостку, — ответил Стасик. — Он такой... Он радиста не бросит.

— И радист еще на борту? — возмутился Волошин.

— Вон они бегут! — обрадовался Стасик.

Две фигурки перелезли через планшир, уже почти касавшийся воды, и последний плотик покинул гибнущее судно.

Стасик неожиданно всхлипнул. По загорелому лицу его текли слезы, оставляя светлые полосы.

— Шкода, добже «Сирена» была, — виновато проговорил он, отворачиваясь от нас.

— Хорошая была «Сирена», — согласился Волошин.

В тот же миг судно резко рванулось, словно в смертельной агонии... Нос его высоко поднялся и...

Все было кончено. Только три резиновых плотика покачивались на легкой волне.

А вокруг сверкала безбрежная морская синева, сверху палило беспощадное тропическое солнце, и до ближайшего берега десятки миль.

— Хорошая была галера, — вздохнув, пробормотал Волошин. — Но за каким чертом мы на нее попали?

Пожалуй, я с большим основанием, чем все другие, мог задать себе этот вопрос. Ведь только вчера поздно вечером я впервые поднялся на борт «Влюбленной Сирены», покидавшей порт Сантьяго де Куба.

Я провел на Кубе в командировке почти полтора месяца и теперь получил задание от своей редакции срочно прислать материал о том, как наши рыбаки помогают кубинским друзьям осваивать новые методы лова. Мне сказали, что самая большая флотилия сейчас находится в районе Серебряной Банки, туда как раз должен отправиться польский рыболовный траулер «Влюбленная Сирена», он может меня захватить, мне повезло...

Поднялся я на борт траулера уже поздно вечером, страшно усталый после многочасовой гонки на машине по горным дорогам. Так что, едва успев познакомиться лишь с капитаном, я завалился спать на койке, отведенной мне в носовом кубрике.

Траулер вскоре вышел в море — сквозь сон я еще слышал громкие слова команды, непривычно звучащие на польском языке, и перезвон каких-то гитар, доносившийся из открытого иллюминатора.

Утром выяснилось, что я не единственный гость из России на борту. Капитан Стах познакомил меня с двумя загорелыми людьми, с большим почтением в голосе представив их как «добже крупных спецов по рыбацкому делу».

Они как-то не очень были похожи на великих ученых, эти два загорелых до черноты человека. Один, представившийся мне Сергеем Сергеевичем Волошиным и даже учтиво шаркнувший при этом ножкой, был высок, худощав и строен. И лицо у него было тонкое, узкое, приподнятая левая бровь придавала ему насмешливо-скептическое выражение. Одет он был так, словно выехал на воскресную прогулку с веселой компанией, а не вышел в море к рыбакам: щеголеватый, отлично сшитый кремовый костюм, из кармашка выглядывал уголок вишневого платочка, светлая клетчатая рубашка, на ногах — легкие плетеные туфли.

Второй был в шортах, обнажавших крепкие волосатые ноги, и в легкой полотняной курточке, черноволос и довольно мрачноват на вид — может, потому, что не успел побриться и все время потирал ладонью колючую щеку.

— Логинов, — коротко представился он и так крепко пожал руку, что пальцы у меня побелели и заныли.

Задумчивой беседы с земляками как-то не получилось. Волошин спросил:

— Давно из Москвы?

— Да вот уже месяца полтора.

Услышав это, они сразу потеряли ко мне интерес и отошли в сторонку, где и стали о чем-то беседовать между собой. Вернее, говорил только Волошин, время от времени настойчиво тыча товарища пальцем в грудь. А Логинов лишь кивал и потирал небритую щеку.

Раз ученые тоже плывут на Серебряную Банку, я еще успею взять у них интервью попозже, а пока надо поискать капитана. Звали его Стах, был он молод, застенчив, смущался своего ломаного русского языка. Мы присели с ним у стены капитанской рубки, где яркими красками была нарисована весьма кокетливая забавно-карикатурная русалка, призывно раскрывшая объятия — шутилая эмблема судна, — и за-

вели длинный разговор об уловах, о новой технике добычи, о лучших матросах. Тема эта была близка молодому капитану, и постепенно он разговорился, перестал смущаться.

Побеседовав с ним, я уже хотел взяться за ученых, как тут-то все и произошло: внезапный взрыв среди ясного, мирного дня, тревожная беготня по палубе, обломки и кровь...

И вот нет уже никакой «Влюбленной Сирены», только расплываются по синей воде последние нефтяные пятна и покачиваются на легкой волне три оранжевых спасательных плотика, все дальше расходясь друг от друга...

— Что же все-таки это было? Диверсия? — спросил я. — Или в самом деле наткнулись на плавучую мину?

Мне никто не ответил. Тихо и ласково журчала вода, обтекая наш плотик. Она была теплой и удивительно чистой. Плыть в ней одно удовольствие. Я даже окунулся с головой, чтобы освежить лицо.

Но сколько нам так придется плыть, толкая перед собой плотик? Несколько часов? Сутки? Или несколько дней?

Куда занесут нас течения, весьма причудливые и сильные в этих краях, где рождается Гольфстрим?

— Не болтайте так сильно ногами! — сердито сказал мне Логинов.

— Почему? Мне так легче плыть.

— Акулы улавливают трепыхание быющей на крючке рыбы по крайней мере за полкилометра, — меланхолично заметил Волошин.

Услышал ли кто-нибудь сигналы бедствия, которые до последней минуты посылал в эфир отважный парнишка-радист? Или нам придется так вот плыть, пока волны не прибьют нас к какому-нибудь островку? Хорошо еще, если он окажется населенным.

А тут еще акулы...

— Все-таки очень уж подозрительный взрыв, — задумчиво проговорил плывший слева от меня Волошин. — Именно в кормовой части, где машина, и аккуратно под шлюпкой. Тут расчет тонкий, математический.

— Значит, вы думаете, все-таки диверсия? — спросил я.

— Похоже, — вздохнув, ответил вместо Волошина Логинов.

— Но какой смысл? Кому нужно топить маленький рыбацкий траулер?

— Дотошный человек, все доискивается смысла, — насмешливо откликнулся Волошин. — Запугать, чтобы не плавали сюда, не помогали свободной Кубе. Задушить ее одиночеством — вот и весь смысл. На запад от нас Куба — первая свободная территория Америки, а на восток — Гаити с полицейскими застенками кровавого диктатора Дювалье. И вы думали, будто это самый тихий и мирный уголок планеты?

— Надо нам повнимательнее следить за курсом, а то течение сильное, вон как оно уже растащило все плоты в разные стороны, унесет к необитаемым коралловым рифам. Там ни воды, ни пищи, — озабоченно перебил его Логинов.

— А куда мы должны плыть? — спросил я.

— Ближе всего остров Большой Инагуа. До него миль сорок. Там есть постоянные поселения.

— А где он?

Волошин неопределенно махнул рукой.

Я посмотрел в ту сторону, словно надеясь заприметить на пустынном горизонте хоть какой-нибудь ориентир, но увидел совсем иное и воскликнул:

— Акулы!

— Где? — Волошин до пояса высунулся из воды, опираясь на плотик. — Фу, черт. Бросьте эти глупые шутки. Нам пока везет. Это дельфины, а не акулы. Акулы никогда не ходят такими дружными стаями.

Через несколько минут мы уже оказались в самой середине дельфиной стаи. Гибкие мускулистые тела сновали вокруг нас во всех направлениях.

Впервые я видел дельфинов так близко. Чего только они не выделяли! То высоко выскакивали из воды и падали, обдавая нас брызгами. То стремительно уходили на глубину и потом мчались оттуда живыми торпедами прямо на шаткий наш плотик, сворачивая в сторону буквально за несколько сантиметров. Я видел их забавные, словно смеющиеся морды, озорные глаза — дельфины явно хотели повеселиться и поиграть с нами.

Особенно резвился один молодой дельфин. Каждый раз, промчавшись рядом с плотом или поднырнув под него, он обоглаживался и смотрел на нас, будто приглашая бросить эту глупую резиновую штуку и отправиться вместе с ним свободно рассекать и вспенивать теплую ласковую воду.

Как я им завидовал! Они свободны, и море для них — родной дом. А какие беды готовит оно для нас?..

Ни один из дельфинов ни разу не задел никого из нас. Но я все-таки то и дело опасливо поджимал ноги, так же как и Стасик.

Озабоченны были и Волошин с Логиновым, но по какой-то иной причине. На резвящихся дельфинов они не обращали никакого внимания, а, высываясь из воды, часто осматривались по сторонам. Неужели рассчитывают так быстро увидеть какую-нибудь землю?

Скоро дельфины оставили нас в покое. Плотик плыл слишком медленно. Им стало скучно. Стая начала уходить на восток, продолжая играть и выскакивать из воды.

Провожая их завистливым взглядом, я пытался найти два других плота. Но их уже не было видно.

Мы остались совсем одни в океане.

И тут Логинов негромко сказал:

— А вот и акулы.

Инстинктивно поджав ноги и высунувшись из воды, я увидел острый косой плавник, быстро приближавшийся к нашему плоту. Чуть правее виднелся второй, за ним третий... Сразу три акулы!

— Всем как можно выше подняться на плот, только чтобы не перевернуть его, и не болтать ногами! — приказал Логинов.

Но акулы не спешили нападать. Одна из них, не приближаясь, кружила метрах в трех от плотика. Вторая ушла на глубину и словно притаилась в голубоватом сумраке, выжидая, наверное, удобного момента.

А третья... Третья акула неподвижно застыла в прозрачной воде, чуть ниже плота, рассматривая нас маленькими злыми глазами. Возле ее острой морды так же неподвижно застыли на одном месте, быстро перебирая плавниками, две полосатые рыбешки. Лоцманы? Я никогда не видел их прежде.

— Почему они не бросаются? — не выдержал я.

Логинов только покосился на меня и промолчал, а Волошин сказал:

— Они тоже любят поиграть. Известен случай, когда одного эквадорского летчика, потерпевшего аварию, носило по морю тридцать часов. Два его спутника умерли и были тут

же съедены акулами. А его самого ни одна не укусила, хотя все это время акулы кружили так близко, что он порой касался их ногами. Хотя это уже, может быть, ему показалось с перепугу.

— Но ведь есть же какие-то химические таблетки, говорят, отпугивающие акул? — с надеждой спросил я. — У вас их нет с собой?

Логинов только усмехнулся, а Волошин ответил:

— Таблетки, порошочки... Все это из серии «насыпьте комару соли на хвост» и тому подобных рецептов. Я как-то больше верю в убедительность багра. — И он взял в правую руку один из трех острых багров, лежавших на плоту.

И тут же, словно только и ожидая этого, акула, прятаясь в сумрачной глубине, ринулась в атаку. Она мчалась прямо на плот, будто намереваясь сначала протаранить его, а потом уже без помех расправиться с нами.

— Бей ее! — крикнул Логинов.

Но Волошин неожиданно отложил багор в сторону, погрузился в воду с головой и загудел, закричал что-то неразборчивое, выпустив тучу водяных пузырей.

Акула резко метнулась в сторону...

И две ее подруги, испугавшись, отплыли подальше!

— Вспомнил этот способ, — проговорил вынырнувший Волошин, переводя дыхание. — Советовал кричать под водой Ганс Хасс. Кажется, не липа. Отпугивает...

— Ты можешь вернуть их? — вдруг спросил Логинов, схватив товарища за руку.

— Кого?

— Дельфинов.

— Как? Постой, постой, понимаю, — лицо Волошина посветлело. — Пожалуй, получится. Их язык мы ведь изучили неплохо. А что будет? Что они смогут сделать?

— Посмотрим. У них же сильно развиты стадный инстинкт и чувство взаимопомощи.

Волошин уже не слушал его. Вскрабавшись на плотик, он начал торопливо распаковывать один из ящиков. Логинов, подтянувшись, взялся за другой. Мы со Стасиком переглядывались, ничего не понимая.

— Следите лучше за акулами, нечего глазеть по сторонам, — рявкнул на нас Волошин.

Вовремя!

Я глянул вниз — и обмер. Один из полосатых лощанов кружил возле моих ног, словно обнюхивая их.

И самая крупная акула уже подплыла ближе, с интересом наблюдая за маневрами своего лощмана...

Торопливо схватив багор, я выставил его стальное острие навстречу акуле.

Между тем Волошин и Логинов вынимали из ящиков какие-то приборы и соединяли их между собой проводами. Делали они это быстро, с привычной ловкостью людей, часто занимающихся этим. Они словно забыли, что находятся на резиновом плотике, окруженном акулами.

«Самое подходящее место для научных опытов», — подумал я и невольно нервно хихикнул. Но, к счастью, никто этого не заметил.

С тем же деловым и сосредоточенным видом Волошин внимательно осмотрел какую-то круглую штуковину, похожую на микрофон, укрепленную на конце толстого гибкого кабеля, и осторожно опустил ее в воду. Потом посмотрел на Логинова и задал ему какой-то непонятный вопрос:

— Два слитных сигнала, один нарастающий, второй затухающий?

Логинов молча кивнул.

— Частота триста пятьдесят?

Логинов кивнул снова.

— Ладно. Включаю.

Мы со Стасиком во все глаза смотрели на аппарат, ожидая от него неведомо какого чуда: может, наш плот вдруг поднимется из воды и станет парить над морем на какой-нибудь волшебной воздушной подушке?..

Но ничего не происходило. Внутри приборов тихонько гудело, за решетчатыми стенками смутно мерцали лампы.

Волошин и Логинов больше не обращали на аппарат никакого внимания. Они всматривались куда-то в даль. Волошин даже встал во весь рост, опираясь на плечо Логинова, так что плотик заходил ходуном и едва не перевернулся.

Все дальнейшее припоминается как-то смутно — Логинов потом объяснил мне, что такая «вибрация памяти» случается в результате нервного перенапряжения.

Акулы вдруг начали поспешно удаляться от нашего плота, а на смену им вернулись дельфины. Они опять резвились и играли вокруг нас, и я все никак не мог поверить, что дель-

фины приплыли не просто так, случайно, а повинаясь призыву Волошина, по сигналу о помощи, переданному чудесным аппаратом.

Одна акула попыталась все-таки прорваться к плоту, глубоко поднырнув снизу. Но тут же наперерез ей стремглав ринулись три довольно крупных дельфина, и акула обратилась в бегство.

Меня все не оставляла тревога: вот дельфинам надоест защищать нас, они уплывут, акулы вернутся...

Но теперь дельфины словно приняли нас в свою дружную и веселую семью. Они вовсе не собирались расставаться с нами: кружили, прыгали, ныряли, подплывали к самому плоту. И пока мы были под их защитой, ни один акулый плавник не появлялся поблизости!

Сколько прошло времени?

Час? Или два?

Нет, кажется, больше. Солнце уже начинало спускаться, готовясь погрузиться в океан до утра, и я с ужасом подумал, что ночью-то дельфины наверняка покинут нас и оставят на растерзание акулам, когда Стасик вдруг закричал что-то непонятное:

— Статек! Статек!

Уж не рехнулся ли он, выкрикивая свое так странно исковерканное имя?!

— Нет, ведь это же он кричит:

— Пароход! — только от волнения по-польски!

И мы в самом деле увидели на горизонте сначала черный дымок, а потом черную точку. Значит, пароход плыл в нашу сторону, он приближался!

Волошин достал из прорезиненного мешка ракетницу. И в небо одна за другой взвились три ракеты, оставляя за собой дымящийся след.

Их заметили. Вот пароход уже совсем близко. С него спускают шлюпки...

А дельфины все кружат возле нас, не покидая до самой последней минуты, к изумлению всей команды «Лотты».

Поднявшись на его борт, мы узнали, что этот западно-германский пароход принял сигнал о бедствии, который успел передать радист «Влюбленной Сирены». Они сразу изменили курс и направились к нам.

Но все равно подлинными нашими спасителями были все-

таки дельфины... Если бы не они, моряки с «Лотты» нашли бы, наверное, в море только пустой резиновый плотик.

...Вот так довелось мне познакомиться с двумя основными героями этой книги. Согласитесь, что после такого необычного знакомства мне захотелось узнать о них побольше — об этих удивительных людях, так кстати умеющих в нужный момент найти общий язык с обитателями моря.

Мы вскоре расстались. Логинов и Волошин вернулись на Кубу, я продолжал свой прерванный путь к рыбакам. Стасик присоединился к своим землякам — их, к счастью, тоже удалось спасти, — и, наверное, никто из друзей не верил его рассказу о том, как дельфины защищали нас от акул.

Я дал себе слово непременно рассказать о том, над чем работают ученые в институте, название которого прочитал на черном клейме — им были помечены ящики с приборами, помогавшими Волошину вызывать дельфинов: «Институт морской бионики». Я запомнил его.

1. СТРАННЫЙ ИНСТИТУТ

Прошло два месяца. И вот я стою у каменных ворот с черной деловой дощечкой, на которой написано: «Институт морской бионики».

Самая обыкновенная вывеска, не предвещающая никаких чудес. И вполне обыкновенной выглядела проходная будка, где возле телефона скучал вахтер с редкими и торчащими во все стороны, как у старого кота, усами. А на подоконнике дремал старый ободранный кот с усами, как у вахтера.

Оба они посмотрели на меня весьма недовольно, когда я нарушил их покой.

Вахтер долго вертел в прокуренных пальцах мои документы, а командировочное удостоверение посмотрел даже на свет, словно надеясь увидеть какие-то потайные знаки. Потом он положил руку на телефон и спросил меня:

- Из Москвы?
- Из Москвы.

Вахтер набрал номер, долго слушал размеренные гудки, доносившиеся из трубки.

— Не отвечает директор. Вышедши...

Бедный вахтер явно не знал, что же дальше делать. Он еще несколько минут мучительно думал, испытующе рассматривая меня голубыми младенческими глазками, опять стал изучать мои документы и, наконец, тяжело вздохнув, распахнул передо мной дверь.

— Идите все прямо по дорожке, никуда не сворачивая. Вон белый дом виднеется. Там и контора. Только никуда не сворачивайте! — повторил строго вахтер, и в голосе его мне почудилась тревога.

И кот проснулся окончательно, выгнул воинственно спину и зашипел, глядя на распахнутую дверь тоже с явной тревогой и опасением. Когда я шагнул через порог, кот посмотрел на меня — теперь уже с несомненным сочувствием.

Ничего не понимая, я зашагал по выложенной мелкими камнями дорожке в ту сторону, где среди высоких сосен белела стена дома. Где-то совсем рядом, спрятавшись за соснами, шумело море.

«Неплохое местечко отхватили для института», — подумал я и замер на месте.

На повороте дорожки сидел здоровенный белый медведь. Он с интересом рассматривал меня и несколько раз ободряюще кивнул: дескать, подходи поближе, не робей.

Не сводя с него глаз, я начал потихоньку пятиться. Тогда медведь, укоризненно покачивая головой, поднялся на задние лапы и вразвалочку направился ко мне...

Я повернулся, намереваясь поскорее ретироваться в будку вахтера...

И с ужасом увидел, что путь отступления отрезан: метрах в пяти от меня поперек асфальтовой дорожки лежал молодой леопард и, прищурившись, поглядывал на меня.

Теперь я понял, почему кот с таким мрачным сочувствием провожал меня, когда я так беспечно шагнул через порог сторожки в этот опасный мир.

Переводя взгляд то на медведя, то на леопарда, я сошел с тропинки и начал осторожно отступать в кусты.

Бежать нельзя, это я понимал: леопард немедленно бросится на меня. А так он, может, подумает, будто вовсе не боюсь его и просто гуляю.

Кажется, леопард так и думал. Во всяком случае, он продолжал лежать спокойно на теплом асфальте и даже не смотрел в мою сторону. Глаза у него совсем закрылись от блаженства. Неужели он и вправду задремал?

Но медведь явно хотел познакомиться со мною поближе. Сначала он шел за мной на задних лапах, широко раскинув передние, словно намереваясь заключить меня в объятия. Но убедившись, что я вовсе не разделяю его желания, мишка сердито рывкнул, встал на все четыре лапы и припустился за мной по-настоящему. И я, уже забыв о леопарде, ринулся от него сквозь кусты.

Успею ли добежать до ближайшей сосны?

Сумею ли вскарабкаться на нее? Ведь ствол снизу совершенно гладкий, точно мраморная колонна...

Я выскочил на маленькую полянку и едва не налетел на пеликана, деловито выковыривавшего что-то своим громадным клювом из старого пня. Он испуганно замахал крыльями и отскочил в сторону.

Взлететь он, видно, не может, надо бы спасти его от медведя. Но как? Мне было не до того, треск веток слышался уже за самой спиной.

Подбежав к спасительной сосне, я начал судорожно подпрыгивать, пытаясь ухватиться хоть за какой-нибудь сучок, и все срывался.

Я хотел бежать дальше, к другой сосне, как вдруг до меня дошло, что треск сучьев за спиной почему-то смолк. Или медведь забыл обо мне и занялся пеликаном?

Я медленно обернулся, страхась увидеть кошмарно-кровавую дикую сцену, и обмер.

Медведь отступал! Виновато понурив голову, он пятился, словно щенок, от пеликана, а тот, грозно раскинув крылья, уже нацеливался своим чудовищным клювом, выбирая подходящую точку на мишкином лбу...

Но медведь не стал ждать удара. Жалобно рывкнув, он скрылся в кустах.

Пеликан, не обращая на меня внимания, опять принялся деловито долбить старый пень. А я начал приводить себя в порядок: попытался отчистить костюм от сора. Я запачкал его, когда карабкался на смолистый сосновый ствол.

Из этого ничего не получалось, потому что руки я тоже перепачкал смолой. Не успел я подумать: «Хорошо, хоть ни-

кто не видел, как я улепетывал и занимался этими физическими упражнениями», — как тут же, подняв голову, заметил всего в пяти шагах от меня человека.

Он стоял, прислонившись к стволу березы и скрестив на груди руки, насмешливо рассматривал меня уже, видно, давно.

— Добрый день, — сказал я. — Вы здесь работаете?

Незнакомец весьма изысканно поклонился.

— Мне бы хотелось повидать директора института, — кашлянув, продолжал я.

— А почему вы решили, будто он должен сидеть именно на этой сосне? У него есть кабинет, как у настоящего директора.

Знакомый насмешливый голос... Да это же Волошин! Как я сразу его не узнал?

— Здравствуйте, Сергей Сергеевич, — сказал я. — Вот я до вас и добрался.

Он посмотрел на меня сначала недоуменно, потом тоже узнал:

— А, да мы встречались! И, помнится, в довольно пикантной обстановке. Здравствуйте, здравствуйте. Итак, вы приехали, чтобы поблагодарить нас за спасение? Очень мило с вашей стороны. Неплохой предлог, но как вас все-таки пропустил сверхбдительный дядя Федя?

— Вахтер?

— Да, вахтер.

— Ну, я запасаюсь солидными бумажками.

— Ах, так. Боюсь, что на нашего директора они не произведут никакого впечатления. Любая казенная бумажка на него действует, словно красный плащ на быка. Он очень сейчас занят.

— Но я надеюсь, вы мне поможете...

— Я вам спас жизнь, а теперь еще должен вас здесь опекать? Не кажется ли вам, что это слишком много?

— Я слышал, что у какого-то племени, кажется в тропической Африке, есть хороший обычай. Спасаящий человеку жизнь тем самым становится в дальнейшем как бы ответственным за него.

— Вот как? Дикий, варварский обычай. Чудовищно извращенная форма взятия на поруки. Но я из другого племени. Эти обычаи на меня не распространяются. Все, что я могу,

это проводить вас к директору и присмотреть, чтобы вас больше не обижали наши довольно буйные питомцы.

— Они специально охраняют вас от непрошенных посетителей? — спросил я. — Ловко придумано. Но зачем же еще вахтер?

— Нет, просто все мы очень любим разных зверюшек. А ездить в экспедиции приходится повсюду, вот и привозим, кто что сможет.

— Хм... А змей тут у вас нет?

— Есть и змеи.

Над аллежкой, которая вела к главному корпусу, был перекинут плакат:

«Время делает свое дело. А ты, человек?»

Мы поднялись на широкое крыльцо, и Волошин обратил мое внимание на серый каменный щит, укрепленный возле двери. На нем я увидел математический знак интеграла, за верхний конец которого был прикреплен паяльник, а к нижнему — хирургический скальпель.

— Наш герб, — пояснил Сергей Сергеевич. — Правда, не слишком броский. Можно бы придумать эмблему и получше. Вот я в одном гидротехническом институте видел, в лаборатории каменный сфинкс стоит.

→ Зачем?

— Символизирует загадочность водной стихии, — с удовольствием и, пожалуй, с некоторой завистью в голосе ответил Волошин.

Коридор, по которому мы шли, был пустынным, как и подобает академическим научным учреждениям. Только на стенах висели довольно странные лозунги:

«Науки принуждения и насилия терпеть не могут.

Петр Первый».

«Хромой калека, идущий по верной дороге, может обогнать рысака, бегущего по неправильному пути.

Френсис Бэкон Верулемский».

«Чтобы найти, надо знать, где искать.

Менделеев».

— Вот мы и пришли, — сказал Волошин, останавливаясь у одной из дверей. Возле нее тоже висел лозунг:

«В вопросах науки авторитет тысячи ничего не стоит перед скромными рассуждениями одного человека.

Галилео Галилей».

— Что же это, на двери даже дощечки никакой нету? — спросил я. — Могут подумать, что директором у вас сам Галилей.

— А вы думаете, на дверях кабинета Галилея была табличка? — усмехнулся Волошин. — Или, может, даже было написано: «Без доклада не входить»? Боюсь, что из такого кабинета он бы не заметил, что Земля вертится.

С этими словами Волошин распахнул дверь, пропуская меня вперед. Я вошел в просторный и светлый кабинет. Не знаю, что именно ожидал я увидеть, но обычный длинный стол для заседаний, да еще покрытый традиционным миллиардным зеленым сукном, как-то разочаровывал.

У окна стоял большой письменный стол, и за ним, погружившись в мрачные размышления над кипой канцелярских бумаг, сидел, потирая щеку... Логинов. Похоже, что он так и не успел побриться с тех пор, как мы плавали на резиновом спасательном плотике посреди океана.

— Мы же договорились — вечером, — сердито сказал Логинов, мельком глянув на нас и явно меня не узнав. — Вечером, Сергей Сергеевич!

— Я-то могу ждать хоть до завтрашнего вечера, — ответил Волошин, — но вот товарищ из Москвы, представитель всемогущей прессы. Он не может ждать. Он жаждет рассказать человечеству, чем мы тут занимаемся, в тени стройных сосен, на берегу моря.

Логинов мрачно посмотрел на меня и вздохнул. Я думал, что он все еще не узнает, но Андрей Васильевич сказал:

— А, это вы, — он явно не обрадовался моему появлению.

Я начал ему объяснять, зачем приехал, показал все бумаги, которыми запасся предусмотрительно в Москве. Логинов молча слушал меня, и лицо его все больше мрачнело. А бумажки он и смотреть не стал.

Волошин подошел к окну и распахнул его. В прокуренную комнату ворвались свежий морской ветер, шелест сосен и щебетанье птиц. Сергей Сергеевич стоял у окна спиной к нам, всей своей позой говоря: «Привести вас сюда я привел, а теперь умываю руки...»

— Сегодня ни минуты я вам уделить не могу, — устало сказал Логинов, когда я исчерпал все аргументы и замолчал. — Смета, — прибавил он таким тоном, похлопав по разложенным на столе бумагам ладонью, что я сразу поверил:

ему действительно очень некогда, иначе не сидел бы он в этом скучном кабинете в такой веселый день.

Но я не впервые приходил брать интервью в научные учреждения, привык к подобным приемам и предложил:

— Может быть, вы дадите указания и я смогу пока побеседовать с руководителями лабораторий? А потом уже вы как бы подведете итоги.

— На жаргоне канцеляристов это называется «гнать зайца дальше», — насмешливо вставил, не оборачиваясь, Волошин.

В глазах Логинова промелькнула усмешка, но лицо по-прежнему хранило мрачное выражение.

— Да все сейчас заняты, — нерешительно пробормотал он, привычным жестом потирая небритую щеку. — Скоро уйдим в море... Хлопот у всех много...

— Но вот, кажется, Сергей Сергеевич сейчас свободен. Может быть, он... — просительно сказал я.

Волошин поспешно обернулся, но сказать ничего не успел.

— Закрывайте окно! Васька летит! — крикнул кто-то во дворе.

Волошин попытался закрыть окно, но не успел.

В комнату влетел крупный иссиня-черный ворон, сделал плавный круг над зеленым заседательским столом и величественно опустился на правое плечо Логинова.

Я немножко растерялся. Директор института с вороном на плече — согласитесь, довольно странная картина.

— Где ваш фотоаппарат? — напустился на меня Волошин. — Редкий кадр: директор обсуждает бюджет со своим тайным советником — мудрым старым вороном по кличке Васька-вор... «Отпустить ли добавочные средства лаборатории Волошина?» Каркнул ворон: «Nevermore!»*

— В самом деле, Сергей Сергеевич, может, вы пока что-нибудь покажете гостю, — нерешительно проговорил Логинов, с тоской посмотрев сначала на меня, потом на бумаги, заполонившие стол.

Я тоже просительно стал смотреть на Волошина, и он сдался:

— Ладно, только из уважения к прессе. Пошли!

* «Никогда!» (англ.) — повторяющийся рефрен из знаменитой поэмы Эдгара По «Ворон».

— Захватите Ваську, — попросил оживившийся Логинов, осторожно снимая ворона со своего плеча.

— Нет уж, я с его клювом знаком, — попятился Волошин, подталкивая меня к двери.

Логинов подошел к окну, легким взмахом руки бросил Ваську в воздух и поспешно закрыл створки. Мы все-таки успели расслышать негодующее карканье ворона.

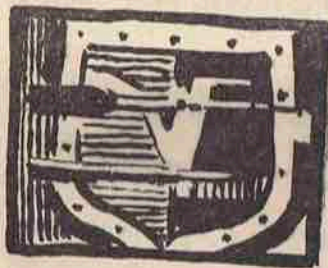
Директор странного института снова склонился над опостылевшими бумагами, но, когда мы уже были в дверях, поднял на миг голову и бросил нам вдогонку фразу, которая заставила меня насторожиться:

— Вы уж там полегче, Сергей Сергеевич... Не перегружайте слишком его нервную систему.

Волошин успокоительно помахал ему, но, посмотрев на меня, довольно зловеще хмыкнул. Постояв минуту в задумчивости, он подошел к висевшему на стене телефону и несколько минут вел с разными лицами какие-то переговоры, малопонятные для меня:

— Казимир Павлович? Это Волошин, добрый день. Скажите, кто у вас нынче в аквариуме? Ах, так! Прекрасно, это будет даже для меня любопытно. Мы к вам заглянем... с одним товарищем. Да, да, что поделаешь, надо развлекать. Пока!

— Инкубатор? Это кто, тетя Паша? Добрый день, тетя Паша, Волошин беспокоит. Как у вас там, есть созревшие утята или цыплята? Ну, двенадцатидневные, да, да. Утята? Отлично! Вы придержите одного, никому не давайте. Мы скоро зайдем. Да, с одним приедем товарищем, из Москвы. Ну, вот и все, — повернулся он ко мне. — Можем теперь начать коротенькую пробежку по нашей стране чудес.

2. КОЗА В АКВАРИУМЕ И ДРУГИЕ ЧУДЕСА

От этого дня у меня осталось самое сумбурное впечатление.

Волошин водил меня из лаборатории в лабораторию, знакомил все с новыми и новыми людьми. Каждый из них терпеливо рассказывал мне, над чем работает, а я торопливо записывал все в блокнот. Но открыв его снова поздно вечером в маленькой комнатке, отведенной для приезжих гостей, я с ужасом убедился, что даже сам ничего толком не могу понять в этих отрывочных, беглых записях:

«Центральным звеном превращения химической энергии в механическую является реакция сокращения белка мышц. При этом насыщенная энергией аденозинтрифосфорная кислота (АТФ), соединяясь с сократимым белком мышц (актомиозином) в присутствии воды, отдав свою энергию, превращается в аденозиндифосфорную кислоту (АДФ) с выделением фосфорной кислоты...»

Тут же была пометка:

«К. П. Бек. Ассиметричное лицо, странно блестят глаза, словно вставные, искусственные...» «Знания — это еще не ум!» Но что она означала, я, хоть убей, теперь не понимал. И даже не мог вспомнить, как же выглядел этот, видимо заинтересовавший меня именно своей внешностью, человек. Смутно мелькали в памяти какие-то лица — старые и молодые, загорелые, бледные, хмурые, улыбающиеся, усталые, розовощекие. Кто же из них Бек?

Да, это была тонкая месть. Волошин ловко подшутил надо мной, а в моем лице — над всеми газетчиками. Он был радушен до предела, показал мне поистине все, но в таком бешеном темпе, что это все теперь превратилось в моей голове в ужасающую мешанину.

И главное: каким же сложным и необычным оказалось то, что я увидел!

Помню, как сначала Волошин завел меня в инкубатор. Это был превосходный, но совершенно обыкновенный инкубатор: сверкающий чистотой, жарко натопленный, звенящий от неистового писка только что вылупившихся цыплят.

— Подождите меня здесь, — сказал лукавый проводник, оставляя меня одного в маленькой, совершенно пустой комнате.

Дверь Сергей Сергеевич не закрыл, и я слышал, как он кого-то попросил:

— Дайте мне вполне созревшего, двенадцатидневного.

Через минуту Волошин вернулся, бережно держа в руках какой-то желтенький пушистый комочек. Он присел, осторожно разжал руки и тут же, поспешно отскочив, спрятался за дверью, оставив только узенькую щелочку. Можно было подумать, что он принес по крайней мере очковую змею или какого-нибудь экзотического ядовитого паука, и я на всякий случай слегка отступил.

Но передо мной был всего-навсего забавный крошечный утенок, похожий на комочек золотистого пуха. Он с интересом поглядывал на меня и раза два вопросительно пискнул.

— Походите перед ним, — предложил сквозь дверную щелочку Волошин.

— Что сделать?

— Походите по комнате. Туда-сюда. Пусть он на вас полюбуется. Да не бойтесь, он не укусит.

Чувствуя какой-то подвох, я пожал плечами и неуверенно прошелся по комнате, поглядывая на утенка. Он снова зашипел — теперь, как мне показалось, радостно — и вперевалочку засеменил ко мне.

— Все в порядке, — удовлетворенно сказал Волошин, распахивая дверь. — Теперь мы можем продолжить нашу прогулку.

Мы вышли из инкубатора и неторопливо зашагали по асфальтовой дорожке. Громкий писк заставил меня оглянуться.

Утенок спешил за нами.

— Придется идти потише, он отстанет и будет плакать, — сказал Волошин.

— Ничего, вон тут сколько утят и цыплят во дворе бегают. Он сейчас к ним пристанет, — ответил я, не обращая большого внимания на утенка.

— Вы так думаете?

Тон Волошина заставил меня оглянуться.

Не обращая никакого внимания на своих пушистых братьев и сестричек, не отвечая на призывное криканье уток, копошившихся в траве, утенок упрямо ковылял за нами. Со стороны это выглядело, наверное, забавно: в окнах домика, мимо которого проходила наша странная процессия, я заметил несколько смеющихся лиц, которые тут же скрылись.

— Это гипноз? — осторожно спросил я, опасливо оглядываясь на утенка, деловито ковылявшего за нами.

— Нет. По-научному это называется импринтинг. Как это перевести поточнее? «Запечатление», что ли? Любопытное явление. Но о механике его вам лучше как-нибудь подробно расскажет Логинов. А «в двух словах», как вы любите, дело в том, что многие животные считают своим родителем первое движущееся существо, которое они увидят через определенное время после появления на свет. Или даже первый неодушевленный предмет — не важно, лишь бы двигался...

— Значит, я теперь вроде как его папаша? — тревожно перебил я, снова оглядываясь на утенка.

Обрадованный, что я обратил на него внимание, он замахал пушистыми крылышками и засеменил еще быстрее.

— Да. Отныне на вас лежат все заботы по его воспитанию, — сочувственно проговорил Волошин. — Это я вам в от-

местку за то, что пытались меня шантажировать, ссылаясь на обычай каких-то там африканских племен. Сознаться, что вы этот обычай выдумали, а?

— Нет, правда, где-то читал.

— Любопытно. Приятно встретиться с начитанным человеком. Всегда узнаешь что-нибудь поучительное.

Утенок сопровождал нас, наверное, добрых полтора часа. За это время мы успели побывать в двух лабораториях, и он каждый раз терпеливо ждал нас на крылечке, приветствуя мое появление возбужденным писком. Наконец Волошин сжалился — не знаю, над кем: надо мной или над утенком? — и попросил одного из молодых лаборантов отнести его обратно, в инкубатор, «на перевоспитание»...

А мы пришли в лабораторию биохимии, где в просторной полутемной комнате почему-то стоял громадный, в человеческий рост, аквариум, доверху наполненный водой.

А в аквариуме, в воде, стояла живая коза и меланхолично рассматривала вокруг, время от времени выпуская из рта серебристые пузырьки воздуха, словно самая обыкновенная рыба.

Я смотрел то на подводную козу, то на Волошина.

Коза оставалась спокойной и невозмутимой. Похоже, ей было скучно. Глядя на меня, она «мекнула», только беззвучно. Лишь целая гирлянда воздушных пузырьков вылетала у нее из рта.

Зато Волошин наслаждался моим изумлением. Лицо его прямо-таки излучало сияние.

— Здорово? — спросил он. — Скоро и мы так с вами будем нырять, без всяких там аквалангов или скафандров. — Он подмигнул козе и добавил шепотом, оглянувшись по сторонам: — Но я все-таки предпочитаю акваланг.

От подводной козы Волошин повел меня к «двоедушной обезьяне по имени Протей», как он ее представил.

Обезьяна выглядела самой обыкновенной макакой. Она сидела в обычной клетке, покачиваясь на трапедии, и деловито уплетала банан.

— Симпатичная обезьянка? — спросил меня Волошин.

— Забавный зверек, — осторожно ответил я, ожидая снова какого-нибудь подвоха.

— Это единственная в мире обезьяна, — настойчиво подчеркнул мой проводник.

Я опять внимательно посмотрел на обезьяну и не увидел в ней ничего особенного — разве вот только правый глаз прикрыт черной нащепкой, наверное, повредила его в драке.

Словно поняв, что я не слишком лестно о ней думаю, обезьяна, доевшая тем временем свой банан и вертевшая в лапах оставшийся кусочек кожуры, ловко швырнула им в меня — спасла решетку.

— Что же в этой макаке уникального? — спросил я.

— У нее две души.

— То есть скверный характер? Это заметно...

— Нет. У нее два разных характера. У нее мозг и вся нервная система разделены на две независимые друг от друга части. Эту тончайшую операцию сделал Логинов. Золотые руки! Мне бы такие, я бы блоху подковал. День обезьяна живет в одной обстановке и изучает ее левым глазом. А на другой день ей закрывают этот глаз и помещают совсем в иную обстановку, и она познает другим глазом уже совсем иной мир. Таким образом, две души позволяют ей одновременно прожить как бы две совершенно разные жизни. Типичное раздвоение личности, вы сейчас увидите.

— Кости! — позвал Волошин.

Вошел строгий паренек в белом халате, неся под мышкой продолговатый ящичек. Поздоровавшись со мной, он просунул ящик в дверь клетки и оставил там, сняв с него крышку.

— Следите за обезьяной, — торопливо проговорил у меня над ухом Волошин.

Обезьяна обрадовалась Косте, соскочила с трапедии и бросилась к ящичку...

На тут же в страшной панике кинулась карабкаться на соседнюю решетку, увидев, как из ящика выползают два ужа. Ужи были совершенно безобидны, но обезьяна забилась под самый потолок и ни за что не хотела оттуда слезать, хотя Кости и пытался приманить ее весьма красивым апельсином.

Даже когда он ловко поймал обоих ужей и запрятал обратно в ящик, обезьяна долго не решалась спуститься вниз и взять у него апельсин.

Наконец она успокоилась, занялась апельсином, и тогда лаборант сменил у нее повязку — с правого глаза перенес на левый. Обезьяна отнеслась к этому спокойно, только вдруг

начала с большим интересом озиаться вокруг, словно не узнавая клетку. Лаборант тем временем снова открыл ящик и опять выпустил из него ужей...

И произошло чудо. Теперь змей совершенно не пугали обезьяну. Она поглядывала на них равнодушно и даже попыталась схватить одного ужа за хвост.

Поразительно! На моих глазах зверек вдруг словно ментально лишился самого древнего и прочного инстинкта, который заставлял бесчисленные поколения обезьян немедленно спасаться, увидев где-нибудь змею.

Я, конечно, схватился за блокнот, чтобы засыпать лаборанта вопросами, срывавшимися у меня с языка. Но Логинов потянул меня за рукав.

— Тут дела сложные, с тайнами мышления связаны, так что пусть их вам сам Логинов объясняет, — сказал он.

— Но в двух словах: для чего это надо, Сергей Сергеевич? — взмолился я.

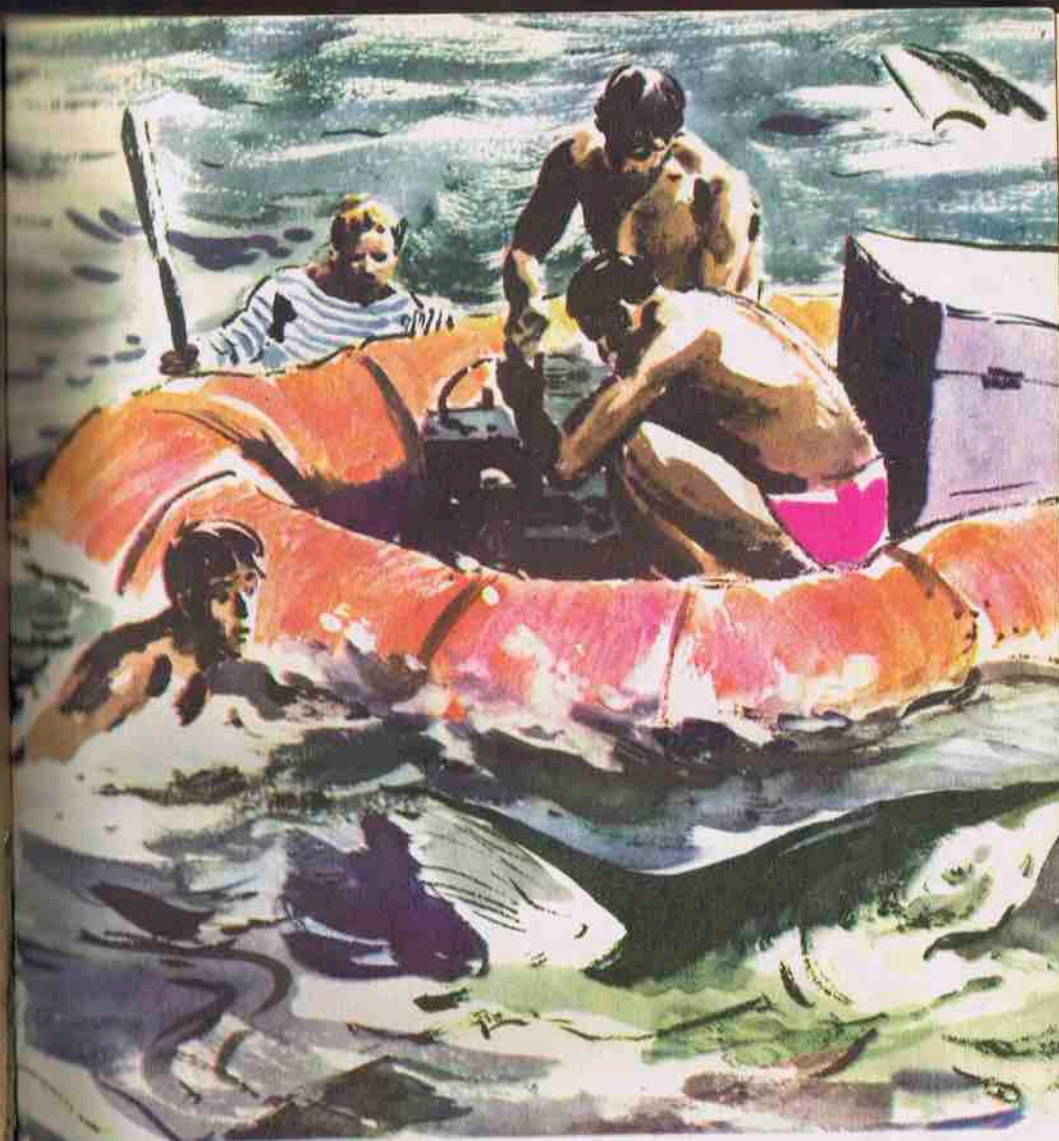
— Опять в двух словах! Логинов и его помощники пытаются дознаться, где же у нас с вами память прячется, но это он вам сам расскажет. Да и вообще для изучения психики такое раздвоение весьма любопытно. Много может дать интересного. Но я подозреваю, что Логинов сделал этой симпатичной макаке две души главным образом в корыстных целях...

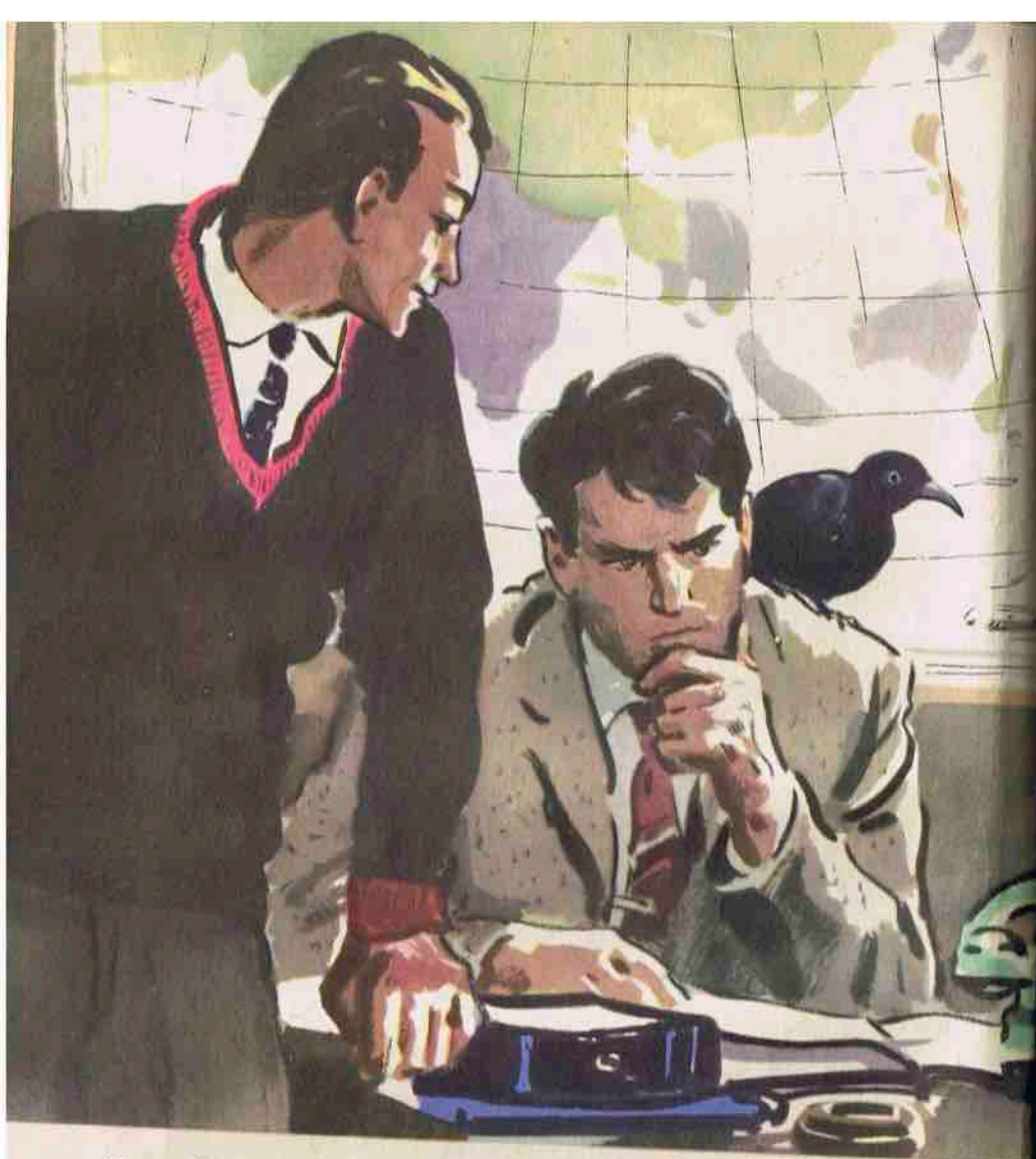
— То есть?

— Это Ивану Петровичу Павлову отпускали денег на обезьян, сколько он потребует. А у нас бюджет жесткий, Логинову приходится изворачиваться. Вот он и решил сэкономить: за ту же сумму приобрести сразу двух обезьян в едином теле. Ни один ревизор не подкопается...

— А теперь я покажу вам интереснейшую вещь, — торжественно объявил Волошин. — Оригинальную модель электронно-биологического мозга.

Этот «мозг» занимал отдельный небольшой домик, стоявший в стороне от других на тенистой полянке среди сосен. Сначала мы вошли в комнату, почти все стены которой занимали щиты управления и панели с мигающими разноцветными лампочками. На столах стояли пишущие машинки и перфораторы. Я оглядел все это довольно равнодушно, потому что уже не раз бывал в разных вычислительных центрах.

К стр. 25

— Какой марки у вас машина? — спросил я, поздоровавшись, у девушки в синем халате, сидевшей за одним из пультов.

Она не успела ответить, вмешался неугомонный Волошин:

Марку мы еще не придумали. Пока занимаемся назидкой машины. Но тут смотреть нечего, вы правы. Давайте углубимся к биологической части этого электронного мозга.

С этими словами он открыл дверь в другую комнату и пропустил меня вперед.

Я ожидал увидеть самые неожиданные вещи, но все-таки растерялся.

Небольшую сводчатую залу, куда мы вошли, нельзя было назвать иначе, как конюшней. На меня пахло густым и каким-то очень уютным запахом навоза и свежего сена. Сено в самом деле было навалено пышной грудой в одном из углов.

А посреди зала я увидел стойло, а в нем — серого ослика с длинными ушами. Вкусно похрустывая, он жевал сено и с интересом поглядывал на меня.

— Перед вами главная часть этого электронно-биологического мозга, — сказал за моей спиной Волошин.

Я уже догадывался, что стал в этот день жертвой одного довольно распространенного приема, с помощью которого работники некоторых институтов нередко спасаются от чересчур любопытных экскурсантов, мешающих им спокойно работать. Специально для таких посетителей устраивают своего рода «парад аттракционов», призванных зримо и просто, а также доступно пониманию даже школьника, продемонстрировать «безграничную силу науки».

Длинные гости всякими хитроумными роботами, механическими руками, двухголовыми телятами или четырехглазыми лягушками, восхищенно ахают, а тем временем хозяева могут спокойно заниматься в своих лабораториях не такими впечатляющими, но по-настоящему важными и сложными проблемами, отнимающими порой годы и десятилетия.

Тут, в Институте морской бионики, явно занимались действительно важными и интересными делами. А мне подсовывали аттракционы, словно несмышленому новичку. Впрочем, сам виноват: «Расскажите, пожалуйста, в двух словах...»

Но все-таки этот осел в стойле — уж слишком! Мое терпение допало.

В. Е. Родубен

Я посмотрел на Волошина с такой укоризной, что он поспешил сказать:

— Нет, в самом деле, это очень интересно и важно. Мы пробуем вмонтировать в электрическую сеть машины живые нервные клетки. Видите провода? Через них нервная система осла соединяется с электронной машиной... Но тут я боюсь чего-нибудь перевернуть, лучше вам Логинов о тонкостях расскажет.

— Но почему же именно осла! — не выдержал я.

— А что же осел — не человек? Почему бы и ему не участвовать в прогрессе науки? Дорогой мой, вас ослепляют предрассудки. Вы просто недооцениваете осла. Посмотрите, как он внимательно слушает.

Ослик в самом деле насторожил уши и даже жевать перестал, не сводя с нас глаз.

— Ясно, ясно! — взмолился я. — Но хватит аттракционов.

— Вот так... В двух словах, — закончил Волошин.

Я попытался «морально убить» его взглядом, но без малейшего успеха. Тогда я сказал:

— Ведите меня в вашу лабораторию и покажите что-нибудь настоящее. Любую обыкновенную машину или прибор, чтобы только работали честно, без всяких фокусов, без вмешательства осла, «двоедушной обезьяны» и прочей нечистой силы. Я уже устал от этих слишком впечатляющих зрелищ.

— Ладно, — засмеявшись, кивнул он. — Но только у нас в лаборатории сейчас нет ничего такого... интересного.

Техническая лаборатория, куда привел меня Волошин, выглядела довольно обычно. Во всяком случае, оглядевшись, я не заметил никакой живности — только надежные, спокойные приборы и аппараты повсюду, переплетения проводов, горьковатый запах дыма и металла. У одного окна стоял токарный станок, у другого — верстак. На этот верстак, постелив газету, и предложил мне сесть Волошин, а сам пристроился на подоконнике: ни одного стула почему-то в лаборатории не было.

— Итак, что же вас интересует?

— Ну, для начала хотя бы тот прибор, которым вы призывали дельфинов на помощь.

— Ах, тот чудесный аппарат, действие которого вам так запомнилось лишь потому, что он некоторым образом спас

вашу шкуру от акульих зубов? Но в нем, к сожалению, нет ничего чудесного. Элементарный излучатель ультразвуковых колебаний. Вся штука в том, чтобы знать, какой именно сигнал надо послать, остальное уже технически не представляет никакой трудности.

— А как он называется, этот прибор?

Волошин в некоторой растерянности поморгал, потом задумчиво ответил:

— Как называется?.. В самом деле, надо бы его окрестить. Назовем его хотя бы Эль-Эр-Бэ-Эм. Дайте я сам запишу вам в книжечку, чтобы вы, упаси господи, не переверали. — Он отобрал у меня записную книжку и вывел посреди чистой страницы крупными четкими буквами: ЛРБМ.

— Очень милая аббревиатурка, весьма удобная для произношения, — с удовольствием сказал он. — Эль-Эр-Бэ-Эм. Звучит!

— А как ее расшифровать?

— Расшифровывается она очень просто: «Ловись Рыбка Большая и Малая».

Я с досадой захлопнул записную книжку и стал засовывать ее, не попадая, в карман.

— Ну, не сердитесь, — мягко сказал Волошин, трогая меня за рукав. — Грешный человек, люблю пошутить. Знаю за собой такой недостаток. Как говорится, «ради красного словца не пожалею ни матери, ни отца». Все вокруг уже привыкли, но новым людям это должно действовать немножко на нервы, я понимаю. Не сердитесь.

Он заставил меня снова достать записную книжку, сам раскрыл ее, настойчиво сунул мне в руки карандаш и, расхаживая по комнате, заговорил:

— Все очень просто. Известно, что у большинства морских обитателей органы слуха развиты гораздо лучше, чем зрение. Это связано с особенностями среды, где они обитают. На больших глубинах царит вечная тьма, а звук вода, наоборот, пропускает очень хорошо. Он в ней распространяется, как вы помните со школьных лет, в пять раз быстрее, чем в воздухе. Поэтому большинство морских жителей видит, если можно так выразиться, главным образом ушами, ну, или там другими органами, воспринимающими звуковые колебания. Под звуком в данном случае надо понимать очень

широкий диапазон инфра- и ультразвуковых колебаний, нашим, человеческим ухом, к сожалению, не воспринимаемых. Но человек, как царь природы, создает аппараты, способные преобразовать эти неслышимые звуки в любые другие или даже, по желанию, в изображение — сделать звук, так сказать, видимым. И вот, имитируя эти звуки с помощью приборов, мы можем приманивать или отпугивать рыб, дельфинов и прочую морскую живность. Свидетелем и даже до некоторой степени участником успешной демонстрации такого прибора вам и посчастливилось быть в Карибском море. Мы с вами целы, поэтому я склонен считать, что опыт прошел довольно успешно. А ваше мнение?

— Это было просто потрясающе!

— Благодарю вас. Но для меня эта тема уже не очень интересна. Она в общем-то исчерпана, пройденный этап. Мы уже знаем, скажем, все тридцать два сигнала, которыми располагают дельфины, и можем их воспроизводить. Можем заманивать нужную рыбу в сети, а хищников отпугивать. Тогда, на плоту, мы ведь тоже приобрели кое-какой небесполезный опыт, и теперь, очутившись в подобном положении — чего мне, по правде говоря, не очень хочется, — я бы не стал призывать на помощь дельфинов, а просто отпугнул бы акул, так что ни одна не решилась бы приблизиться ко мне на двадцать метров. Такой приборчик мы теперь имеем. Правда, там работает не ультразвук, а электромагнитные колебания, но это уже не важно. Суть в том, что мы постепенно становимся хозяевами моря. Теперь дело за биологами. Пусть они лучше изучают сигналы рыб, осьминогов, каракатиц там всяких, а мы уж всегда найдем с ними «общий язык». Эта проблема решена, и занимаюсь я ею только попутно, в свободное, так сказать, время. Любопытно, конечно, приручить дельфинов, но этим увлекается наша станция на Черном море.

— А что же вас интересует сейчас?

Волошин грустно посмотрел на меня и хмыкнул.

— Ну вот, вы, газетчики, неисправимы. Совершенно невозможный народ. Хотите, чтобы я просто и ясно изложил вам в двух словах — непременно в двух, не больше! — то, над чем думаешь, бьешься, ломаешь башку годами, без выходных дней и перерывов на обед. Вы думаете, когда я сплю, то не работаю? Нет, даже ночью снятся всякая чертовщина,

формулы какие-то снятся, чертежи. А вы хотите в двух словах...

Он ласково погладил металлическую стенку стоявшего рядом на столе прибора, помолчал и вдруг весело сказал, тряхнув головой:

— Ладно. В двух словах. Самую суть, вернее, задачу. Вы помните, какой девиз был у Кречинского?

— Какого Кречинского?

— Ну, «Свадьбу Кречинского» читали? Сухово-Кобылина? Хотя вы, газетчики, такой народ, вы все пишете, читать вам некогда...

— Я читал, но не помню же эту пьесу наизусть.

— Но этот девиз надо бы знать, он запоминается. — И, подняв тонкий палец, Волошин наставительно произнес: — «В каждом доме есть деньги, нужно только знать, где они лежат...»

Я засмеялся.

— У меня девиз примерно такой же, — невозмутимо продолжал Волошин: — «Мир прозрачен, только нужно найти способы убедить в этом других». Все прозрачно, — добавил он, широко взмахивая руками. — И эти бетонные стены, и скалы, и любая толща морской воды, и сталь. Только нужно иметь ключик, чтобы он любую преграду превращал в прозрачное стекло.

— Над этим вы сейчас и работаете?

— Над этим мы и работаем.

— И что-нибудь получается?

— Кое-что, кое-что, — задумчиво пробормотал Волошин, подходя к большому сосуду, стоявшему у окна на высоком столике. Он был наполнен какой-то темной, почти черной жидкостью и прикрыт сверху куском толстого стекла.

— В этом сосуде нефть, — сказал Волошин. — Верите мне на слово или хотите понюхать?

— Верю.

— Очень мило с вашей стороны. Вы можете что-нибудь увидеть сквозь этот сосуд?

— Нет.

— А если я вам скажу, что там, в сосуде, лежит стальная плитка с поучительной надписью, — вы мне поверите?

Я пожал плечами.

— А если я вам ее покажу, не выливая нефть из сосу-

да? — с этими словами Волошин включил какой-то прибор, стоявший на другом столике. Он напоминал небольшой телевизор. Его большой экран засиял мягким, неярким светом.

Волошин поднес к сосуду продолговатую трубку на длинном проводе.

— Смотрите на экран.

На экране возникло изображение сосуда.

Негромкий щелчок переключателя — и вдруг нефть, налитая в сосуд, стала на экране прозрачной. Она словно исчезла, испарилась. И я увидел пустой сосуд, в котором лежала на дне небольшая квадратная плитка. На ней было написано: «Самое удивительное в чудесах то, что они иногда случаются».

Я перевел взгляд с экрана на сам сосуд. Он был все так же наполнен черной маслянистой нефтью, сквозь нее ничего не удавалось рассмотреть.

— Ловко, — сказал я. — А сквозь стену показать мне мир можете?

— Могу, — засмеялся Волошин, выключая удивительный аппарат. — Но не так быстро, больно вы прыткий. Многое еще не получается, и вот это-то самое интересное. Но о нем в «двух словах» не расскажешь. Если вы хотите всерьез понять, чем мы тут занимаемся, то поживите у нас, побродите по лабораториям, потолкуйте с людьми, сирятав записную книжку, вот тогда, может, что-нибудь поймете. А народ у нас веселый, добродушный, и живем мы тут довольно интересно, скучать не будете...

3. БУРНАЯ НОЧЬ

„Живем мы тут довольно интересно, скучать не будете», — вспомнил я слова Волошина и невольно рассмеялся в темноте, хотя еще минуту назад мне было вовсе не до смеха...

Я так замерз, что от непрерывной дрожи у меня время от времени щелкали зубы, и промок, похоже, в самом деле до мозга костей — вовсе не фигурально.

Непогода усиливалась. Дождь лил с черного зловещего неба все сильнее, ледяными струйками просачиваясь за воротник, как ни старался я закутать шею. Мы то и дело хватались за черпаки, но вода в лодке все прибывала — она явно была дырявой. Сапоги мои тоже оказались дырявыми, и зверский холод все злее сковывал промокшие ноги. Простуда обеспечена, если не воспаление легких...

Когда редкие вспышки молний на миг разрывали непроглядную дождливую тьму непогожей весенней ночи, я видел непода-

леку вторую лодку, неподвижно застывшую на реке, рябой от дождевых капель. Черные фигуры в ней так же скрючились, замерзли, как и мы с Волошиным.

Посмотрев в другую сторону, я бы мог увидеть и третью лодку. Но поворачиваться мне не хотелось, потому что от малейшего движения за воротник хлынули бы новые потоки ледяной воды.

Река разлилась, пенилась. Мутные потоки закручивались то и дело водоворотами.

«За каким чертом полез я на эту галеру?» — вспомнилась мне знаменитая мольеровская реплика, которую несколько раз повторял Волошин, когда мы очутились на резиновом плотике посреди Карибского моря.

В самом деле, какая нелегкая заставила меня сидеть здесь под холодным дождем, посреди пустынной реки, в эту бурную, ненастную ночь, вместо того чтобы спокойно нежиться в теплой постели?

Ситуация была схожей, только там было тепло. И сегодня нас никто не взрывал, не топил. Мы сами добровольно пришли на эту речку, забрались в протекающие лодки и вот сидим, промокшие до последней нитки, коченея и боясь повернуться, затаившись в бурной штормовой ночи, словно какие-то пираты, ожидающие сигнала, чтобы ринуться на abordаж...

И сборы были какие-то суматошные, словно мы отправлялись в разбойничий набег.

Начать с того, что в самый разгар увлекательного сна кто-то грубо сдернул с меня теплое одеяло и зловеще сказал над ухом:

— Пять минут на сборы, или мы уезжаем. И оденьтесь потеплее.

Сразу забыв, что мне такое интересное снилось, и ничего не соображая, я сел на койке. В комнате царила крошечная тьма. За окном завывал ветер и шумел дождь. Я уже протянул руку к выключателю, как вдруг за окном сверкнула молния и на миг залила комнату призрачным слепящим светом.

При ее блеске я успел заметить, что никого больше в комнате не было. Кто же срывал с меня одеяло? Чей это был голос? Или все мне приснилось?

Я зажег свет под гулкий раскат подоспевшего грома и

увидел мокрые следы на полу, тянувшиеся от двери до моей койки. Значит, кто-то в самом деле будил меня.

Сквозь плеск дождя донеслись спорящие голоса, и тогда, окончательно проснувшись, я поспешно кинулся одеваться. Свитер, сапоги, плащ...

Может, надеть еще один свитер?

За окном загудел мотор. Как бы в самом деле не уехали без меня! Поспешно сунув запасной свитер в сумку, я бросился к двери.

Люди, сновавшие под проливным дождем вокруг грузовика, выглядели при вспышках молний форменными заговорщиками. Верзила, тащивший на плече какой-то ящик, прикрыв низко надвинутым капюшоном плаща все лицо, вовсе не походил на щеголеватого Волошина. Я узнал его, лишь когда он сердито рывкнул:

— Все еще не проснулись? А ну-ка, подсобите.

— Так это вы меня разбудили? Спасибо...

— Спасибо потом. Сначала держите ящик, у него какие-то чертовски острые углы.

Вдвоем мы забросили тяжелый ящик в кузов машины. Его принял у нас какой-то толстяк в ушанке, я не сразу узнал в нем заведующего лабораторией биофизики Макарова.

— Залезайте и сами, уже все погружено, — сказал он мне и подмигнул. — А то как бы командующий не передумал...

Я последовал его совету, торопливо забрался в кузов и пристроился среди ящиков и мокрых мешков в самом дальнем углу, чтобы не попасться до отъезда, в самом деле, на глаза нашего строгого директора: вдруг решит избавиться в моем лице от лишнего груза...

Я начал расталкивать мешки, пытаюсь устроиться поудобнее, как вдруг под самым моим ухом невучий голос жалобно произнес:

— Ой, вы сели мне на ногу!

— Простите, пожалуйста, Елена Павловна, я вас совсем не заметил.

Прожив в необычном институте уже целую неделю, я не только познакомился со всеми научными сотрудниками, но, оказывается, уже научился различать их по голосам.

Елена Павловна была женой Макарова. Хотя они работали в разных лабораториях — она помогала Логиннову, —

их часто можно было видеть вместе — маленькую и тонкую Елену Павловну, похожую на мальчишку, особенно в брюках, которые она обычно носила в рабочие будни, — и плечистого, медвежатого ее мужа с широким и скуластым обветренным лицом и хитрыми глазами, запрятавшимися куда-то глубоко в узенькие щелочки под лохматыми бровями. Забавная пара.

— Вы-то зачем едете, Елена Павловна? — спросил я. — Такая ужасная погода, еще простудитесь.

Она тихонько засмеялась в темноте и ответила:

— Как же это я не поеду, ведь угри — моя тема. А погода отличная. Нам, ихтиологам, к сырости не привыкать. Садитесь рядом. А я тут давно захватила лучшее местечко. Дорога будет трудная. Но вы устраивайтесь поудобнее, все уместится. Я сейчас подвинусь. Вот так.

— Все сели? — услышал я голос директора.

Андрей Васильевич заглянул к нам под брезентовый тент, освещивая ярким фонариком.

— Елена Павловна, может, все-таки, переберетесь в кабину?

— Спасибо, я чудесно устроилась, пригласилась и даже начала дремать.

— Ладно. Где Макаров?

— Как всегда, побежал захватить что-то совершенно необходимое, — ответил откуда-то, из самой толщи наваленных мешков, Волошин.

— Ага, вон он бежит, — проговорил Логинов, убирая свой фонарик. — Ваня, на что тебе термос, ведь все равно разобьешь по дороге.

— Ничего, я его буду всю дорогу прижимать к груди, — весело ответил Макаров, ловко перебрасывая свое грузное тело через борт грузовика. — Зато вы все мне в ножки поклонитесь, когда хлебнете горяченького кофейку перед тем, как лезть в воду. Поехали!

— А пресса здесь? — вдруг спросил Логинов.

— Здесь... помогает мне придерживать ящики, — ответил Макаров, усаживаясь рядом со мной и заговорщицки подталкивая меня в бок.

— И делает он это, все еще не проснувшись, — немедленно подхватил из своего укрытия Волошин. — Поразитель-

но! Редкие способности, нам повезло, будет масса ценных наблюдений над этим уникальным человеком...

Я понимал, что он шутит. Но, по-моему, момент для шуточек был не самый подходящий. К счастью, наш строгий начальник уже исчез.

Мы тронулись в путь. Штормовое море ревело грозно и так близко, будто уже победно ворвалось на берег. Казалось, что к нам под брезентовый тент не захлестывает ветром дождевые холодные струи, а ломаются морские волны. Сосны вдоль дороги скрипели от натуги, борясь с порывами ветра.

В лесу дубы, как вымокшие свечи,
Над головой склоняются, треща,
И дождь, ломаясь на лету о плечи,
Стекает в черный капюшон плаща, —

торжественно начал было декламировать Волошин, но тут же чертыхнулся и смолк, потому что машина выехала за ворота, свернула с асфальта на проселочную дорогу, и нас начало швырять во все стороны.

Мешки и ящики ожили, каждый из них норовил занять самое лучшее местечко, а мы, естественно, сопротивлялись этому, и завязалась между нами борьба, не прекращавшаяся уже, с переменным успехом, всю долгую дорогу...

Куда и зачем мы мчались по глухим лесным дорогам в эту ненастную весеннюю ночь?

Уже несколько дней я слышал в институтской столовой, где собирались за обеденными столами все научные сотрудники, загадочные отрывочные разговоры:

— Ну как? Не двинулись?

— Нет, хотя Прокофьевич уверяет, будто глаза уже большие.

— Можем прозевать...

Вечером опять:

— Не двинулись?

— Нет. Погода мешает.

— А как прогноз?

— Завтра существенных перемен не предвидится.

— Так, может, они вообще нынче не станут скатываться?

— Ну нет, это исключено.

Я слушаю и ничего не понимаю. А через день снова то же:

— Говорят, в Темной речке уже двинулись?

— Нет, это Макаров панику сеет. Куда они двинутся? Вон ночи какие лунные стоят.

— А как прогноз?

— Кажется, к концу недели обещают дожди и грозы...

— Как бы не прозевать. А то скатятся в океан, попробуй их там найти!..

— Не уйдут!

— Могут уйти...

Ловя ученых мужей одного за другим и расспрашивая их где-нибудь в уголке, из которого они не могли выскочить и удрать от меня к своим неотложным опытам, я постепенно узнал, что таинственные речи идут об удивительно интересных вещах. Это была одна из основных тем, над нею в институте работало сразу несколько лабораторий, и готовилась даже специальная экспедиция, смета ее и доставляла столько хлопот директору.

Предметом этих исследований были речные угри. Наверное, многие, как и я, не раз лакомились этой вкуснейшей рыбой. Лакомились и не подозревали, какие интереснейшие загадки с нею связаны.

Оказывается, угри вовсе не всю свою жизнь проводят в реках. Метать икру они уходят в море, в Атлантику, и не куда-нибудь наугад, а в строго определенный район, расположенный к северо-востоку от Багамских островов — в те края, где нас спасали от акул дельфины. Здесь, в сумрачных глубинах Саргассова моря, из икры речных угрей, которую, кстати сказать, не видел своими глазами еще никто на свете, рождаются крошечные личинки длиной всего в несколько миллиметров.

Целых три года, постепенно подрастая, плывут они до берегов Европы. А здесь с ними происходят сложные перемены. Сначала личинка становится короче и делается прозрачной, почти как стекло. Таких маленьких угорьков, массажи входящих в устья рек, и называют «стекловидными». Попав в пресную воду, они движутся навстречу течению, забираются за сотни и даже тысячи километров к самым истокам рек и здесь живут по десять-пятнадцать лет, превращаясь в тех жирных, упитанных красавцев-угрей, которых мы видим на прилавках рыбных магазинов.

Так что каждый речной угорь за одну свою жизнь проживает как бы три, совершенно различные и одна на другую

вовсе не похожие: сначала он крошечной личинкой три года странствует по Атлантическому океану, потом основную часть своей жизни проводит в пресных реках Европы, чтобы в конце концов, повинаясь какому-то таинственному зову природы, снова отправиться в свое последнее странствие за тысячами километров, в те тропические воды, где он когда-то появился на свет в глубинах Саргассова моря.

Начинают угри свое движение из рек в море — «скатываются», как говорят рыбаки, — непременно в дождливые и ветреные, непогожие ночи. Буря словно окончательно пробуждает их от зимней спячки в толстом слое ила на дне озер и рек, под защитой ледяного панциря.

Наступает такая ночь, и теперь уже никакие преграды не могут задержать загадочных странников в реке. Встретив на пути плотину, угри выползают на берег и движутся прямо по росистым лугам. Они обладают чудесной способностью чувствовать воду даже за полтора-два километра, всегда поворачивают к морю и ползут, извиваясь в мокрой траве, словно змеи, так быстро, что человеку бывает нелегко за ними угнаться.

Немало пришлось ученым потрудиться, пока они разобрались в сложной и запутанной жизни речных угрей. Долгое время никак не удавалось даже понять, где именно угри мечут икру, и биологи были вынуждены довольствоваться странной «гипотезой», которую выдвинул еще две с половиной тысячи лет назад древнегреческий философ Аристотель. Он считал, будто угри чудесным образом возникают из ничего в иле на дне болотистых озер — из каких-то таинственных «кишочек земли»...

Даже когда в середине прошлого века удалось впервые поймать частой сетью личинок угрей в океане, их приняли просто за какой-то новый вид странных рыбешек, дотоле неизвестных науке, и назвали лептоцефалами — «плоскоголовками». Никто и не подозревал, что это личинки речных угрей, которых так давно и тщетно искали в илстых озерах, пока в одном из аквариумов экзотические лептоцефалы, постепенно подрастая, не превратились буквально на глазах у изумленных ученых в молоденьких угорьков!

Но еще пришлось исследовательским судам немало бороздить моря, пока удалось, наконец, выяснить, откуда же появляются загадочные лептоцефалы. Окончательно разведал

район нереста речных угрей в Атлантике датский ученый Йоганнес Шмидт сравнительно недавно — всего лет сорок назад.

Однако на этом загадки не кончились, и во всем ученом мире интерес к угрям вовсе не пропал, а, наоборот, стал возрастать. Все новые и новые вопросы вставали перед исследователями.

Почему речные угри совершают такие далекие странствия? Почему для метания икры они выбрали лишь один уголок в безбрежном Мировом океане? Каким образом они находят к нему дорогу за тысячи километров? Какие загадочные ориентиры в океане, где одна волна неотличима от другой, служат им надежными «маяками»?

И какая таинственная сила уверенно ведет крошечные личинки древней морской дорогой их предков к берегам Европы, через проливы Каттегата и Зунда, через Босфор и Дарданеллы, в устья рек, где им суждено превратиться в речных угрей, достигающих порой полутора метров в длину?

Как было бы заманчиво разгадать все эти тайны и попытаться наделить чудесными способностями угрей находить себе верную дорогу в море навигационные приборы наших кораблей, подводных лодок, может быть, самолетов!

Вот над этим-то и работали мои новые друзья из Института морской бионики. Изучением речных угрей тут занимались ~~на~~ первый год. Совершили уже несколько плаваний по маршрутам морских скитальцев, и в Одессе специальное экспедиционное судно «Богатырь», как я узнал, уже готовилось снова выйти в море. Оно ждало, когда угри двинутся в свой дальний путь, сначала «скатываясь» вниз по рекам и ручейкам, потом через проливы в океан, к заветному Саргасову морю, чтобы плыть за ними следом.

Ждали этого момента и мы. Но угри долго не отправлялись в путь. Они тоже ждали. Ждали какого-то неведомого сигнала природы. Ждали вот этой дождливой, ветреной, штормовой ночи...

...Лихой разбойничий свист, вдруг разорвавший усыпляющий шелест дождя, испугнул мои мысли.

— Наконец-то, — пробурчал Волошин, скрючившийся на корме лодки. — Я уже так закоченел, что не смогу, наверное, разогнуться.

Кашляя и кряхтя, словно столетний старец, он зажег яркий электрический фонарь. Загорелись фонарики и на других лодках. Теперь уже можно было не таиться. Настало время вытаскивать невод.

Это была нелегкая работа. Упираясь коленом в накренившийся борт лодки, я тащил, тащил, тащил мокрый капроновый трос, режущий ладони даже сквозь брезентовые рукавицы, а ему, казалось, не будет конца. Рядом со мной тяжело пыхтели два рыбака. Волошин сидел на веслах.

Постепенно лодки сближались, подтягивая тяжелый невод к берегу. Похоже, улов неплохой: по рывкам троса мы уже чувствовали, как неистово бьются в неводе пойманные угри.

Дальше все пошло в таком бешеном темпе, что мне скоро стало жарко и я готов был сбросить брезентовую куртку и хоть один свитер, да времени для этого не хватало.

Кряхтя и надрываясь, мы пытались перевалить невод через борт лодки, рискуя каждую секунду перевернуть ее.

Угри были скользкими, удержать их в руках никак не удавалось. Я крепко обхватывал извивающихся рыб обеими руками, обнимал, прижимал к шершавому брезенту мокрой куртки, и все-таки они ловко выскальзывали и норовили сильным прыжком уйти обратно в реку.

И ведь ловить этих бестий надо было так, чтобы не причинить им ни малейших повреждений!

Их скользкие, гибкие тела сжимались, словно резиновые, и тут же вдруг распрямлялись с мощью стальной пружины, сбивая нас с ног.

Один угорь так сильно ударил меня хвостом по голове, что шапка слетела в воду и поплыла, подхваченная быстрым течением...

Волошин хотел зацепить ее багром, но сделал слишком резкое движение и рухнул в ледяную воду, едва не перевернув лодку! Я пытался вырвать из уключины весло и протянуть его Волошину. Весло не поддавалось. А Волошин вдруг скрылся с головой в воде... Его затягивало водоворотом!

Не раздумывая, я сбросил с себя брезентовую куртку, обрывая пуговицы, и прыгнул за борт.

Вода обожгла тело. Тяжеленные рыбацкие сапоги тянули на дно. Я нырнул поглубже, вытянув вперед руки, успел ухватить Волошину за край куртки...

Но в тот же миг течение вырвало его у меня из рук и

поташило в сторону. А я почему-то не мог плыть за ним. Моя левая нога словно попала в капкан.

А течение тянуло меня, давило, утаскивало на глубину...

«Сетка! — догадался я. — Нога запуталась в сети...»

И лишь в последний момент, когда я уже захлебывался, чьи-то сильные руки выхватили меня из воды. Я почувствовал такую резкую боль в ноге, что подумал: «Оторвалась...»

Но нога была цела. Только сапог слетел с нее и остался где-то в сетке.

Это, оказывается, Макаров рванул меня из всей своей медвежьей силушки и втащил в свою лодку. Волошин был тут же, сидел, обхватив себя руками за плечи, на дне лодки и громко лязгал зубами.

— Как вас-то угораздило свалиться? — буркнул он.

— Свалиться?! — возмутился я. — Да я же бросился вас спасать. Вас же затянуло водоворотом, вот я и...

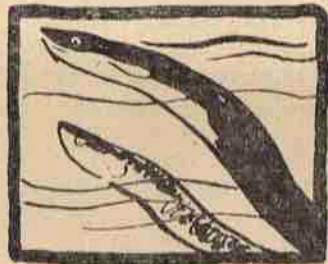
— Ничего меня не затягивало. Как только я попал в водоворот, то сам нырнул поглубже, чтобы из него вырваться, у самого дна это легче.

— Кто же вас знал, что вы такой опытный пловец? — огрызнулся я.

— Ну как, довольны? — насмешливо спросил меня Волошин. — Не пора ли вам возвращаться домой? Дважды знакомство с нами едва не сделало вас утопленником...

— Нет, уж теперь я от вас не отстану! — ответил я, с трудом шевеля окоченевшими губами.

Больше всего я боялся, что заработаю после такого купания воспаление легких и тогда уж меня наверняка не возьмут в плавание. Но как ни удивительно, никто из нас даже насморка не схватил!

4. ОТДАТЬ ШВАРТОВЫ!

До самой последней минуты, пока не отдали швартовы, я все-таки побаивался, как бы меня не вернули на берег. Поэтому даже в торжественный момент прощания я старался не попадаться на глаза Логинову или капитану.

Все толпились на палубе, стараясь протиснуться поближе к борту и помахать на прощание родным, друзьям или просто родной земле, а я слонялся по бесконечным коридорам и трапам, поспешно прячась за углами, словно какой-то преступник, едва впереди послышатся шаги.

Только вчера вечером мы прилетели из Калининграда, привезя в огромных чанах пойманных в прибалтийских речках и озерах угрей. Их путь к своей далекой родине был на время прерван, и маршрут его изменен. Теперь им придется искать дорогу к местам нерестилищ не через проливы Каттегат и Зунд, где когда-то они проплывали мальками, а из неведомого им

Черного моря — через Босфор и Гибралтарский пролив. Справятся ли они с этой задачей?

Но вот наверху бодро и требовательно проревел последний гудок, от заработавших машин мелко задрожал пол под ногами, я ринулся на палубу и пробился к самому борту. Наш «Богатырь» уже отвалил. Полоса воды, расцвеченной радужными пятнами мазута, между нами и причалом, заполненным провожающими, все расширялась, расширялась...

— А ведь есть еще возможность отправить лишних на берег на лоцманском катере, — зловеще пробормотал у меня над ухом мрачный голос Волошина.

Но я даже не оглянулся. Нет, теперь не оставалось никаких сомнений: мы уходили в дальнейшее плавание!

Прославленный бронзовый Дюк с высоты набережной с завистью смотрел нам вслед и простирали руку, словно заклиная взять и его с собой.

Берег вскоре растворился, растаял в предвечерней дымке. Зарываясь носом в крепчавшую волну, убежал обратно в гавань провожавший нас катерок, посигналив на прощание флажками какое-то напутствие. И мы остались одни — только наш «Богатырь» и море, только волны до самого края небес...

Мы вышли в море, и постепенно жизнь на корабле приобретала размеренный строгий ритм. Утром побудка, торопливо съедается завтрак, и все исчезают в лабораториях, чтобы в полдень снова встретиться за обеденным столом. Обед тянется уже подольше и проходит более оживленно. За всеми столиками обмениваются новостями. А вечерами, после раннего ужина, уже никто никуда не спешит, и не только кают-компания, но и салоны превращаются в дискуссионный клуб. Даже на палубе в это время не найдешь тихого уголка. Едва сойдутся хотя бы два ученых, как тут же разгорается спор. Я так и метался по всему кораблю, стараясь не упустить чего-нибудь интересного.

Меня поселили вместе с Волошиным в тесноватой, но уютной каюте на полубаке. Я был весьма рад, потому что мне нравится этот находчивый и остроумный человек. К тому же он связан буквально со всеми лабораториями и поможет лучше разобраться, чем в каждой из них занимаются.

Но в начале плавания мы с ним почти не виделись. Сергей Сергеевич приходил в каюту только ночевать, целыми

днями пропадая в лабораториях и налаживая оборудование.

Волошину помогала группа молодых инженеров и техников, не чаявших в нем души. Они так и ходили за ним стайкой. Ребята все были молодые, очень разные внешне и в то же время отличались каким-то своеобразным единым стилем: все одевались щеголевато, но со вкусом, подражая Волошину, все были насмешливы и остроумны. «Кандидаты в Эдисоны» — называл их Сергей Сергеевич, а когда сердился — не так уважительно: «Моя банда».

Первые дни плавания у меня, конечно, ушли на детальное знакомство с «Богатырем». Я облазил его весь — от знойного, полного гула машинного отделения до марсовой смотровой площадки на топе фок-мачты.

Я забрался даже в трубу «Богатыря». Это оказалось не так сложно, потому что труба была фальшивой, установленной лишь по традиции, для красоты. На самом деле в ней помещалась радиорубка, а настоящая выхлопная труба из машинного отделения находилась в борту судна.

Высоко над палубой поднималась штурманская рубка, похожая из-за множества всяких новейших навигационных приборов тоже на научную лабораторию. Здесь царили тишина и строжайший порядок, за поддержанием его бдительно следил капитан Аркадий Платонович Щербатых. Он был полный, круглолицый, румяный, весьма добродушный на вид. Но скоро мы все убедились, что внешность у Платоныча была обманчивой.

Капитан оказался строгим. Уже в первые часы плавания он начал донимать нас всякими запретами, их зычно провозглашали по всем палубам и каютам репродукторы. Запрещалось курить на всех палубах, кроме шлюпочной. Запрещалось курить, лежа на койке в каюте. Запрещалось выбрасывать окурки за борт, играть на палубе в неположенные часы на гитарах и других музыкальных инструментах, опаздывать в столовую и свистеть (это, видимо, чтобы не накликать непогоду — дань морским суевериям)...

«Богатырь» строился специально для морских исследований, и все на нем продумано до мелочей. Среднюю часть палубы занимали мощные лебедки с намотанными на барабаны километрами тонкого и необычайно прочного нейлонового плетеного троса. Нейлон в воде невесом, как объяснил

мне Волошин, так что можно, не опасаясь обрыва, опускать на этих тросах грунтовые колонки, батометры и другие приборы на любую глубину.

Специально сконструированный гидравлический кран был предназначен для опускания за борт исследовательского глубоководного кораблика, которым особенно гордился Сергей Сергеевич.

«Батискаф», записал было я в блокнот, но Волошин тут же поправил меня:

— Назвать так это судно было бы технически неграмотно. Наш снаряд не имеет поплавка и предназначен для средних глубин, до шести тысяч метров. Так что правильное его называть мезоскафом от греческого «мезос» — середина. Предельные глубины нам не нужны, зато он куда более маневрен, чем обычные батискафы.

Установленный на особой площадке, мезоскаф напоминал подводную лодку с тупой, округлой носовой частью, или, пожалуй, точнее, громадную торпеду. Длина его достигала десяти метров.

Над палубой мезоскафа выступала рубка с установленным на ней большим винтом, что делало подводный корабль похожим отдаленно на вертолет. Сергей Сергеевич объяснил, что мезоскаф так точно рассчитан, что имеет в воде почти нулевую плавучесть. Винт, вращаясь, позволяет ему свободно перемещаться то вверх, то вниз. Для всплытия же на поверхность нужно продуть водяные цистерны, а в случае какой-нибудь неполадки автоматически сбрасывается стальной балластный киль.

Внутри мезоскафа мне пока заглянуть не удалось. Волошину было не до любознательных экскурсантов.

Здесь же, на площадке, помещалось другое детище Сергея Сергеевича и его «банды» — легкая гондола дирижабля. Дирижабль был разборный, мягкой конструкции, и пока его свернутая оболочка лежала где-то в трюме. Сергей Сергеевич уверял, что наполнить ее газом можно за полчаса и дирижабль будет готов к полету.

Так что ученые могли вести исследования не только с борта «Богатыря», но и ныряя в морские глубины или возносясь, при желании, под облака. Была на судне также специальная установка для запуска метеорологических ракет.

Но главный интерес ученых вызывала, конечно, всякая

морская живность, прятая под водой. Ее можно было не только ловить глубоководными сетями, но и постоянно фотографировать и даже наблюдать, так сказать, живым глазом в привычной обстановке. Для этого вовсе не приходилось останавливать судно.

В стальном форштевне «Богатыря» были большие иллюминаторы, находившиеся метра на три ниже ватерлинии. Возле этих окон в подводный мир, удобно улегшись на пестрых поролоновых матрасиках, всегда — днем и ночью — дежурили по очереди биологи, включая в нужный момент кинокамеру, чтобы запечатлеть на пленке заинтересовавших их рыб, медуз и других обитателей моря.

Конечно, все ученые умели отлично нырять с аквалангами. Для легковоголазных костюмов была отведена особая каюта на средней палубе, которая так и называлась «водолазной». Создатели судна предусмотрели возможность погружаться в аквалангах и в штормовую погоду, когда даже опытному ныряльщику не так-то просто спуститься за борт: волна может в любой момент разбить его о стальную обшивку.

Но для этого на «Богатыре» и не надо было спускаться за борт. В средней части все судно насквозь пронизывал стальной колодец. Спустившись в него, можно через специальный люк очутиться под дном корабля, на глубине четырех метров от поверхности бушующего моря. А здесь никакие волны уже не страшны аквалангисту.

Каждый день для меня открывались какие-нибудь еще неведомые интереснейшие уголки. Одних ведущих лабораторий на «Богатыре» ведь шестнадцать — настоящий плавучий институт, странствующий по океанам! И все они оснащены самым новейшим оборудованием, разобраться в котором было не так-то просто.

Специальную большую каюту, напоминавшую зал солидной электростанции, занимала электронно-вычислительная машина, делающая расчеты для ученых и для штурманов «Богатыря». Машина оказалась обычной, серийной конструкции.

Биологи располагали для своих исследований не только мощным электронным микроскопом, но и двумя лазерами. Елена Павловна мне объяснила, что луч лазера служит им как бы хирургическим скальпелем при тончайших операциях на отдельной клетке.

При биологической лаборатории была также настоящая

операционная с бестеневыми лампами и стерилизаторами. Один из столов в ней был оборудован сверкающими хромом и никелем механическими руками — микроманипуляторами для операций на самых крошечных объектах, которые можно рассмотреть лишь в микроскоп.

В эти первые дни плавания Елена Павловна, похоже, и почевала у себя в лаборатории — возле больших бассейнов, или, точнее, аквариумов, ибо они были наглухо, герметически закрыты. В них находились живые угри, пойманные нами в ту бурную ночь в маленькой речушке и привезенные на самолете с берегов Прибалтики.

В этих громадных аквариумах «угри должны были чувствовать себя как дома» — так сформулировал однажды Сергей Сергеевич нелегкую задачу, которую поставили перед инженерами биологи. Специальные хитроумные приборы автоматически поддерживали в них именно тот состав воды и температуру, какие были в глубинах моря, где невидимками плыли сейчас другие речные угри — свободные, отправившиеся к далеким местам нереста из рек, впадающих в Черное и Азовское моря. Менялся там, в глубине, химический состав воды или ее температура, и приборы немедленно, точно так же автоматически изменяли и режим в аквариумах. Это была сложная задача, так что Волошин тоже то и дело заглядывал в лабораторию биологов, все что-то подправлял, уточнял, заменял некоторые приборы новыми, только что изобретенными им или кем-нибудь из его преданных «кандидатов в Эдисоны» и немедленно изготовленных в их мастерской, оборудованию которой мог бы позавидовать любой институт на суше.

— Мы с Иваном Андреевичем придерживаемся магнитной гипотезы ориентировки угрей, — объясняла мне Елена Павловна (говоря о научных проблемах, она всегда называла мужа официально — по фамилии или по имени-отчеству). — Большинство исследователей предполагает, будто угри находят дорогу к местам нереста, ориентируясь прежде всего по изменениям температуры и солености воды. Вода Саргассова моря отличается как раз самой высокой средней температурой в Атлантике и наивысшей соленостью. Так что, считают многие биологи, угри просто плывут в ту сторону, где вода теплее и солонее, и в конце концов как бы автоматически оказываются в Саргассовом море...

— По принципу детской игры: «Теплее... Еще теплее... Горячо?»

— Вот именно. Но есть факты, противоречащие этой, вроде бы весьма простой и стройной гипотезе. Дело в том, что в Средиземном море температура воды и соленость еще больше, чем в Саргассовом. Почему же угри все-таки уходят отсюда на нерест в центр Атлантики, а не остаются в Средиземном море? Непонятно. Чтобы как-то преодолеть, снять это противоречие, сторонники «температурной гипотезы», если можно ее так назвать, вынуждены выдвигать добавочные предположения: будто угрей из Средиземного моря просто выносит к местам нереста через Гибралтар глубинное течение. Но это уже весьма усложняет гипотезу. Получается, что европейские угри, родившиеся некогда в одном месте, потом, при возвращении на свою родину, в Саргассово море, ведут себя совершенно по-разному, в зависимости от того, где они провели свою жизнь — в реках бассейна Средиземного моря или Прибалтики: одни плывут по течению, другие — против него.

— А какова же ваша точка зрения?

— Мы с Макаровым считаем, что в основе ориентировки угрей главную роль играет земной магнетизм. Как раз в районе Саргассова моря расположена сильная магнитная аномалия, открытая, кстати сказать, нашими, советскими учеными во время плаваний известной шхуны «Заря». Вот угри и плывут сюда отовсюду, ориентируясь по изменениям магнитного поля...

— То есть у них вроде есть магнитный компас, как и у людей?

— Примерно так, но только, конечно, у речных угрей это гораздо сложнее. Мы до сих пор не знаем, каким именно органом могут они воспринимать изменения магнитного поля...

— Где именно прячут они свой таинственный компас?

— Да. Но лабораторные опыты показывают, что угри весьма чувствительны к магнитным воздействиям, правда, лишь определенного вида. Но я не стану забивать вам голову цифрами. — Елена Павловна улыбнулась. — И так, наверное, у вас голова уже пухнет. В каждой лаборатории — свое, и все надо понять... Хотя бы приблизительно.

— Пухнет голова, Елена Павловна, вы угадали, — вздох-

нул я. — Уже шляпа не налезает, в которой я прилетел из Москвы. Цифр, в самом деле, пожалуй, мне пока не надо. А вот в самых общих чертах: как вы надеетесь проверить свою гипотезу во время нашего плавания?

— Ну, не случайно мы отправились из Черного моря. Путь угрей, плывущих на нерест из Прибалтики, проследили в прошлом году. При этом впервые велась непрерывная запись всех изменений магнитного поля по дороге. Теперь такие же всесторонние исследования предстоит провести и по маршруту угрей, плывущих к местам нереста из Черного и Средиземного морей. У Босфора мы выпустим в море и тех угрей, что привезли из Прибалтики. Очень интересно узнать, найдут ли они дорогу, по которой им никогда в жизни не приходилось раньше плавать, или станут сбиваться с пути? Надеемся, что это даст возможность окончательно проверить, какая именно гипотеза является правильной, и разгадать, наконец, тайну ориентации речных угрей в открытом океане.

Мне приходилось нелегко. Посудите сами: после беседы об угрях с Еленой Павловной я попадал в лабораторию биохимии, и здесь Казимир Павлович Бек ошеломлял меня совсем иными проблемами.

Казимир Павлович был сутуловат, медлителен в движениях, всегда задумчив и немного рассеян. Беседуя, он любил расхаживать, заложив руки за спину. Пожалуй, он больше всего приближался к традиционному типу кабинетного затворника по сравнению с другими учеными на «Богатыре» — особенно по сравнению с такой «несолидной» на вид, похожей на мальчишку Еленой Павловной или насмешливо-щеголеватым Волошиным. Но потом мне суждено было узнать, что такое мое представление о Беке оказалось совершенно ошибочным...

С первого знакомства мне так запомнилось странно-асимметричное лицо Казимира Павловича — правая сторона его словно принадлежала полному, круглощекому человеку, а левая — кому-то исхудавшему после долгой болезни, — что я даже сделал пометку в блокноте. И глаза у Бека как-то странно порой поблескивали, когда он поворачивал голову к свету, словно стеклянные, искусственные. Запоминающееся лицо.

— Одна из проблем, которыми занимается наша лаборатория, — это поиски способов ныряния человека на большие

глубины, — рассказывал он размеренным, глуховатым голосом, рассеянно выстукивая пальцами в то же время какую-то сложную мелодию по столешнице.

— Без глубоководных снарядов — скафандров или батискафов?

— Да. Настало время человеку осваивать глубины океанов, и это задача не менее важная, чем освоение космоса. И пожалуй, не менее сложная. Не так давно на Международном конгрессе по исследованию глубин известный французский подводник Жак-Ив Кусто даже предложил хирургическим путем создать новый вид людей — «человека подводного». Для этого он предлагает дать человеку искусственные жабры, снабдить его миниатюрным легочно-сердечным аппаратом, который бы вводил кислород из воды непосредственно в кровь и удалял из нее углекислоту. Чтобы тело человека могло противостоять давлению воды на глубинах, по идее Кусто, придется легкие и все полости костей заполнить какой-нибудь нейтральной жидкостью, а нервные центры дыхания — соответствующим образом затормозить...

— Похоже, что мечта Беляева об Ихтиандре становится уже рабочими планами ученых?

Казимир Павлович улыбнулся:

— Пожалуй. Только, естественно, в более сложном виде.

— А как вы относитесь к этой идее? Мне показалось по вашему тону, что вы ее не разделяете. Считаете невозможной?

— Я не люблю этого слова: «невозможно», — ответил Бек, пожав плечами. — Думаю, что такому умельцу, как наш Сергей Сергеевич, не составило бы особого труда сделать искусственные жабры, а блистательный хирург вроде Логина сумел бы вживить их в человеческий организм. Но мы думаем, что можно обойтись и без уродования человека. Есть полная уверенность, что в самое ближайшее время люди смогут нырять на глубину двух километров в обычном акваланге, и даже вообще без него.

— Над этим вы и работаете?

Казимир Павлович кивнул.

— А в чем заключается суть ваших исследований? — спросил я и добавил: — В самых общих чертах.

Поспешность, с какой я, видимо, это сказал, заставила Казимира Павловича снова улыбнуться.

— Ну, в самых общих чертах, мы пытаемся найти такой состав газовой смеси для дыхания, чтобы он при погружении на большие глубины обеспечивал аквалангиста достаточным количеством кислорода, а в то же время не вызывал опасных заболеваний, вроде «глубинного опьянения», о котором вы, наверное, слышали, и кессонной болезни при подъеме на поверхность...

— И эти смеси вы проверяете на козе? — спросил я, вспомнив удивительное зрелище козы в аквариуме, которым поразил меня Волошин при первом осмотре института. — Вы взяли ее с собой?

— Козу? Конечно, даже не одну, а целое стадо — пять коз.

— И они сейчас сидят у вас все под водой? — спросил я, озираясь по сторонам.

Но в том уголке лаборатории, где мы беседовали, никаких коз не было. Все выглядело совсем обычно: бесконечные ряды пробирок на лабораторных столах, масса всяких сосудов, соединенных между собой причудливо изгибающимися стеклянными и резиновыми трубками. В углу темнел зев вытяжного шкафа.

— Нет, сейчас козы отдыхают, — улыбнулся Бек. — И здесь мы их не держим. Они спокойнее себя чувствуют в стойлах.

— Но почему именно коз выбрали вы для опытов по нырянию на большие глубины?

— Просто потому, что дыхательная система у них ближе всего к нашей, человеческой.

Потом я не раз видел этих коз — и когда они отдыхали между опытами, меланхолично жуя сено и сердито поглядывая на меня желтыми глазами из-за загородки, и во время опытов, когда они стояли в просторном аквариуме и как ни в чем не бывало пускали пузырьки воздуха, будто заправские морские жители, или скучали в барокамере, пытаясь сбросить забавные, специально скроенные по козьей голове акваланги. Давление в барокамере менялось, и, оставаясь в лаборатории, коза как бы погружалась все глубже и глубже, разведывая для людей надежную дорогу в таинственные пучины океана.

— Когда вы закончите исследования и добьетесь победы, этим козам бы неплохо поставить памятник, как знаменитой

подопытной собаке у академика Павлова в институте, — сказал я Беку.

— Они вполне этого заслужили, — серьезно ответил он.

Телеметрическая лаборатория со множеством непонятных приборов... Лаборатория атмосферных возмущений. Отдел гидрооптики...

Разнообразие и необычность научного материала, в котором следовало разобраться, приводили меня в тихое отчаяние. Даже вечерами я сидел в каюте, штудирова научные отчеты.

— Что, тяжеленько приходится? — подтрунивал Волошин, возвращаясь поздно вечером в каюту и приступая к традиционному ритуалу дыхательной гимнастики «по системе йога Радхакришнана» и умыванию перед сном. — Слушайте, хотите, я буду впихивать в вас знания во сне? Гипнопедия нынче в моде. Подключу к вам магнитофончик, и будет он вам нашептывать: «Принятая система отсчета...»

5. СЛЕД ПОТЕРЯН

Но надо отдать справедливость моему веселому соседу по каюте: Сергей Сергеевич никогда не отказывался помочь разобраться в каком-нибудь трудном вопросе, хотя и не мог обойтись без своих постоянных шуточек. Я только сам стеснялся его допытывать расспросами, видя, как он занят и сильно устает. Бывало, что он засыпал, даже не докончив очередной шутилой фразы.

— Совсем замучили меня братья-ученые, — жаловался по утрам Волошин, пока мы брелись, подталкивая друг друга у маленького зеркала. — Одному создай вокруг аквариума с угрями такое магнитное поле, чтобы он мог все время менять его по своему усмотрению. Другой требует, чтобы я ему придумал хитрый аппаратик, способный менять химический состав воды. Третьему еще что-нибудь. Сбегу! Сяду на дирижабль и улечу под облака. Объявлю себя вольным сыном эфира.

Но тут же, забыв об усталости и своих жалобах, он с отрешенным видом начинал лихорадочно рисовать на первом попавшемся клочке бумаги или просто на сигаретной пачке схему какого-нибудь нового хитроумного прибора, а потом мчался скорее в мастерскую, чтобы проверить осевшую его идею. А из своих кают, узнавая пробежавшего мимо обожаемого шефа по звуку шагов, уже довязывая на бегу галстуки и натягивая курточки, выскакивали «кандидаты в Эдисоны». Так что в мастерскую Волошин входил уже в сопровождении всей своей «банды» — и все немедленно брались за работу.

Очень занят был в эти первые дни плавания и начальник экспедиции. Мне лишь изредка удавалось увидеть, как он быстро проходит по коридору, упрямо наклонив голову и все время выставляя вперед левое плечо. Эта привычка придавала его походке какую-то особенную стремительность.

Подробно поговорить с ним никак не удавалось. Но я все-таки остановил его однажды прямо на трапе и упрямил ответить хоть на несколько вопросов.

Вот что я успел записать в блокноте:

«Изучение навигационных способностей угрей — главная задача нашей экспедиции. Если все пойдет успешно, мы надеемся, наконец, выяснить, какая именно из гипотез является правильной, и попытаться на основе полученных данных разработать новые навигационные приборы для вождения судов и подводных лодок в океане. Но темного тут пока еще много...

— А что лично вас, Андрей Васильевич, больше всего интересует в этой проблеме? Ведь вы по своей основной научной специальности, насколько мне известно, зоопсихолог. Может быть, есть какие-то основания говорить о разумном выборе угрями пути в океане, раз их поведение выглядит таким сложным? Трижды на протяжении своей жизни они так резко меняются, словно превращаясь из одного вида рыб в другой? И так уверенно находят себе путь без всяких ориентиров — ведь это очень сложное поведение...

— Ну, о каком-то разуме речных угрей говорить, конечно, не приходится. Это чепуха. Ими движут инстинкты, но только за миллионы лет эволюции так усложнившиеся, что людям малосведущим вроде вас в самом деле это может показаться сознательным поведением. Дело тут проще, хотя

и не менее интересно. Просто изменяющиеся природные условия как бы включают поочередно определенные инстинкты.

— Но ведь для этого где-то в организме угрей уже должны быть заложены предпосылки для таких последовательных включений?

— Конечно, и вот это-то для меня самое интересное. План всей их жизни — сначала в море, потом в пресной воде, в озерах и реках, а затем снова в море — строго запрограммирован природой. Перемены внешних условий лишь последовательно включают одну часть этой жесткой программы за другой. И вот разобраться в этом чрезвычайно любопытно...

— Это даст какие-то новые идеи кибернетике?

— Возможно. Но пока мы заняты более частной проблемой: как и где запрограммировано у речных угрей столь совершенное «чувство ориентации», — вы эти два слова лучше возьмите в кавычки, это все-таки не совсем научный термин, как бы к вам ни придрались.

— А работы Казимира Павловича Бека как-нибудь связаны с этой проблемой?

— Ага, коза в аквариуме вас озадачила. Ну, вам еще многое покажется, вероятно, странным в наших методах. Мы придерживаемся, так сказать, тактики «свободного полета». Бионика — наука принципиально коллективная, ее проблемы можно решить лишь общими усилиями представителей разных наук. Но в то же время и каждая наука находит в процессе общих исследований что-нибудь особенно интересное и важное именно для нее. Навигация речных угрей, как я уже говорил, наша главная тема. Но гонять ради нее одной по океанам такой плавучий институт, как наш «Богатырь», конечно, было бы глупо. Одновременно, параллельно мы решаем несколько проблем, и каждая лаборатория имеет свой особый план работ. И планы эти гибкие, они могут меняться. Мы считаем, что так полезнее. Для современного исследователя очень важно, по-моему, умение мыслить одновременно в нескольких различных направлениях — психологи называют такое мышление «сингулярным». Ведь как делаются научные открытия, вы не задумывались об этом? Новое начинается на границах известного. Вот вы ведете какие-то опыты, исследования и вдруг сталкиваетесь с непонятным явлением. Можно отмахнуться от него, как от до-

садной помехи, какой-то неприятной ошибки в методике эксперимента. Это самое опасное! Сколько открытий не было сделано из-за того только, что люди, столкнувшись с непонятным, уходили от него в сторону или принимали за несущественное. А новое-то открывается чаще всего именно с «несущественного». Профессор Ивановский случайно заинтересовался одной из болезней растений и открыл целый мир вирусов, дотоле неизвестных человечеству. Самое важное в эксперименте вовсе не то, что он подтверждает уже существующую, пусть даже вашу собственную, взлелеянную гипотезу, хотя это, конечно, тоже нужно. Но все-таки самое важное и интересное — то, что гипотезе противоречит. Тут и нужно копать. Поэтому мы лишь радуемся, когда наши сотрудники отвлекаются в сторону, почаще задумываются над вдруг возникшими непонятностями...

— Но так можно отвлекаться без конца и ни одной работы не завершить.

— Ну, к сожалению, неожиданности происходят не так уж часто, как бы нам хотелось, иначе бы мы просто завалили мир открытиями. Но наша методика предусматривает и весьма тщательную проверку «непонятного», детальное исследование его. Лаборатория биохимии давно ведет опыты по нырянию на большие глубины. Это вовсе не мешает им помогать другим лабораториям в разработке темных мест главной темы — навигации угрей. И кто знает, может, навигация что-то подскажет биохимикам и по физиологии ныряния? А если вдруг выплывает еще какая-то тема, мы все будем только рады.

— И все-таки... Скажем эта... «двоядушная обезьяна», как ее называет Сергей Сергеевич? Какая связь между ней и навигацией угрей?

— Связь есть, хотя и не прямая. Обезьяна с двумя не зависящими друг от друга нервными системами в одном теле позволяет нам разобраться в механике мышления, особенно запоминания, памяти. Ведь именно память является основой того, что принято называть личностью, — вы согласны? Как и где откладывается информация, опыт — разве эти исследования не связаны и с навигацией угрей? А использование биологических элементов в разных технических конструкциях — весьма перспективное направление в бионике. Мы называем его «обратным моделированием»...

Я хотел подробнее расспросить Логинова, как же именно опыты с козой и «двоедушной обезьяной» могут помочь в разгадке тайны ориентации угрей, но тут Андрея Васильевича срочно вызвали на капитанский мостик.

Мы подходили к берегам Турции, и настало время выпустить на свободу плененных угрей, которых с такими приключениями ловили под проливным дождем, в непогожую ночь, а потом мчали на самолете с берегов Балтики на Черное море.

Это был торжественный момент, привлекий всех на палубу. Прежде чем пустить угря в море, Волошин сам проверял миниатюрные сигнализаторы, укрепленные у каждого из них на гибком, мускулистом теле так, чтобы не мешать свободно двигаться в любом направлении. Выглядели эти хитроумные приборы довольно невзрачно — просто небольшая пластмассовая коробочка. Но из рассказов Волошина я знал, как пришлось «Эдисонам» поломать головы, чтобы уместить в этих коробочках достаточно мощный источник сигналов, которые можно улавливать сквозь толщу воды за несколько десятков километров, и батарейки электропитания.

— Работают в них бактерии, которых полным-полно в морской воде, — нахваливал свое детище Волошин. — Практически вечный двигатель, ей-богу, опровергает второй закон термодинамики...

Сейчас Сергей Сергеевич был сдержан и серьезен. Проверив и включив сигнализатор, он торжественно передавал угря Елене Павловне, которая так же осторожно пускала его в специальный шлюз. А мы, свесившись с борта, следили, как угри один за другим, без малейшего всплеска, исчезают в морской глубине.

Пожелав последнему угрю доброго пути, Волошин поспешил в камеру звуковидения, которую все почему-то упорно называли «локаторной», хотя к судовому локатору она никакого отношения не имела. Я последовал за ним.

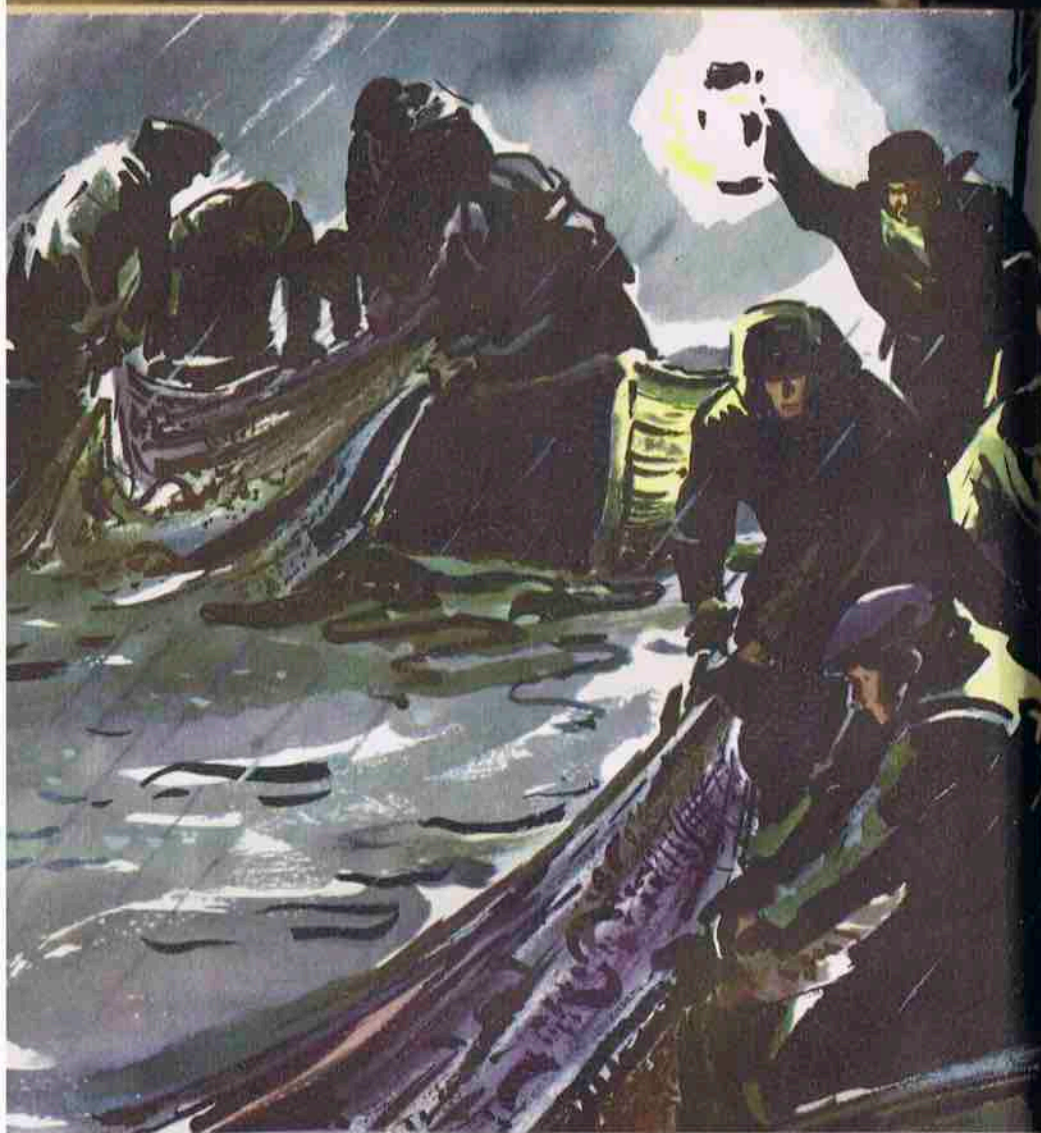
В локаторной перед пультом сидел техник в синем комбинезоне и, прижимая обеими ладонями к голове круглые каучуковые пластины, вслушивался в таинственные голоса океана.

— Есть? — еще с порога спросил Волошин.

Техник понял вопрос Сергея Сергеевича по движению губ и весело ответил:

К стр. 30

К стр. 47

— Порядок! Сигналят всюю, что твой маячок. Послушайте сами, Сергей Сергеевич.

Волошин сел рядом с ним и взял вторые наушники. Лицо его постепенно теряло непривычную серьезность и становилось опять насмешливым и задорным.

— Идут вместе и черноморские и привозные, слышите? — спросил Волошина техник.

Тот кивнул. Техник, перехватив мой взгляд, снял наушники и протянул их мне.

Сквозь какие-то подводные шорохи и поскрипывания время от времени отчетливо доносились призывные сигналы. Они были различные: один выше тоном и короткий, другой — протяжнее, басовитей. Первый сигнал мне уже был знаком, я слушал его вчера. Это нам сообщали о своем движении в морских глубинах местные угри, пойманные и снабженные сигнализаторами перед выходом в море из крымских и кавказских рек. А теперь к ним присоединились и гости с берегов Балтики, чтобы вместе плыть в далекое Саргассово море. Найдут ли они туда дорогу?

Сигналы звучали бодро и успокаивающе, вторя один другому.

— Ну как?

Я оглянулся и увидел, что в дверь рубки заглядывают Елена Павловна и Логиннов, а за ними собралась целая толпа.

— Как по компасу, — весело ответил Волошин, снимая наушники. — Жмут прямо на Босфор!

Следом за угрями мы, не останавливаясь, миновали Босфор и вышли в Средиземное море. И здесь нас поджидал шторм.

Крутые валы, увенчанные белыми султанами пены, один за другим бросались на острый стальной форштевень «Богатыря», обдавая палубу брызгами. Судно сразу сбавило ход.

Ночью Волошина вызвали в локаторную. Связь с угрями прервалась!

«Богатырь» остановился, сразу сделавшись игрушкой разбушевавшегося моря. Порой крен достигал градусов сорока, так что с пола тебя вдруг швыряло на переборку каюты, словно «Богатырь» собирался перевернуться. Всем уже было не до сна.

Г. Голубев

Потом мы начали описывать самым малым ходом большие круги в штормовом море. Локаторы прослушивали всю толщу воды, но никак не удавалось уловить ни одного сигнала от исчезнувших неведомо куда угрей.

К исходу третьего дня шторм утих. Однако пропавшие угри по-прежнему не подавали никаких сигналов. Волошин с Еленой Павловной отправились искать их на мезоскафе. Продолжал поиски и «Богатырь», часто меняя галсы.

Но лишь спустя два дня удалось уловить желанные сигналы — сначала один, потом второй, а затем даже сразу нескольких угрей.

Все это оказались «местные» угри, помеченные в речках Черного и Азовского морей. Ни один угорь из тех, что мы с таким трудом ловили в дождливую, ветреную ночь, а потом везли с почетом на самолете с Балтики, сигналов не подавал. Они пропали бесследно в глубинах моря.

Научные споры разгорелись с новой силой. Было непонятно, случайно ли пропали именно балтийские угри или закономерно сбились с незнакомого пути, плывя по нему впервые?

— Опровергает ли их исчезновение вашу магнитную гипотезу? — спросил я у Елены Павловны.

— Не знаю, — жалобно ответила она. — Понимаете, во время шторма приборы отметили сильную магнитную бурю, даже радиосвязь временами прерывалась. Может, именно она сбила угрей с правильного курса — и в первую очередь балтийских, которые привыкли к определенному «узору» магнитных силовых линий, отличающемуся от местного. Конечно, им труднее ориентироваться в непривычных условиях.

— Но тогда это подтверждает вашу гипотезу!

— Не знаю! — повторила она, пожимая плечами. — Дело в том, что местные угри, с которыми удалось восстановить теперь контакт, плывут на такой глубине, где их в самом деле может нести к Гибралтару мощное течение.

Она ушла к себе в лабораторию, а я остался в недоумении стоять посреди палубы. В самом деле, как же разобратся, что за таинственный компас ведет угрей в морских глубинах? Если бы можно было расспросить их самих...

Вечером для обсуждения срочных научных вопросов собрался расширенный Ученый совет. Но мне Логинов присутствовать на нем не разрешил.

— Вы будете мешать, — сказал он.

— Чем?! Я пристроюсь где-нибудь в уголке и буду сидеть тише мыши.

— Вы можете засмеяться или просто у вас вырвется какая-нибудь сбивающая реплика, — неожиданно сказал Логинов.

Я вытаращил глаза:

— Неужели на ваших заседаниях бывает так смешно?!

— Человеку постороннему они могут показаться... несколько странными. Дело в том, что мы проводим обсуждения по особому методу. У психологов он называется «методом мозговой атаки».

— Тем интереснее побывать на таком заседании! А в чем заключается этот метод?

— Прежде всего на таком обсуждении дается полная свобода для фантазии всех присутствующих, чтобы никто не стеснялся высказываться. В группу фантазеров мы стремимся даже подбирать людей, близких по темпераменту. Председатель — Главный фантазер — очень кратко и по возможности в увлекательной форме ставит на обсуждение наиболее важную проблему. Потом по очереди высказываются все желающие. Любые предложения, максимум в двух фразах...

— Даже самые бредовые?

— Даже. Категорически запрещается при этом смеяться, подавать реплики или делать замечания. Полная свобода «озарениям» и фантазии! Важно освободить мышление каждого от общепринятых догм, в этом весь фокус...

— Но ведь они такого не предлагают! — вырвалось у меня.

— На прошлом заседании, перед выходом в море, было за пятнадцать минут внесено шестьдесят одно предложение. Восемь из них можно было внедрять немедленно, девятнадцать нуждались в небольшой проверке, двадцать шесть требовали более длительного изучения, и лишь восемь не имели никакой ценности — их внесли просто от хорошего настроения. Как вы считаете: экономичен этот метод или нет?

Я промолчал.

— Такая конференция длится недолго, не больше часа, а то все устают и начинают нести чепуху, — продолжал, поглядывая на меня по привычке исподлобья, Логинов. —

Все записывается на магнитофон, потом стенографируется. И эта стенограмма передается на обсуждение уже другой группы — критической. Тут уж я добиваюсь, чтобы каждое предложение было оценено беспощадно, рассмотрено трезво и деловито со всех сторон, никаких фантазий.

— Ну как же пропустить такое удивительное заседание! — взмолился я.

Но Логинов был неумолим:

— Я вам дам потом послушать магнитофонную запись этого собрания.

Я действительно потом прослушал несколько раз запись этого совещания и нескольких других.

Впечатление было странное. Сначала Волошин произнес шутиливую речь, подходящую больше для «капустника», чем для научного собрания. Сразу же со всех сторон посыпались лаконичные реплики. Некоторые предложения привлекали своей оригинальностью и казались дельными. Другие казались просто неуместными шутками.

Помнится, речь зашла о том, как придумать способ быстро, просто и прочно соединять концы проводов в одном приборе. Кто-то подал голос из глубины комнаты:

— Проще всего и быстрее зажимать их зубами...

Я бы в этот момент не удержался от смеха или негодующего возгласа, Логинов не ошибся. Но из протокола заседания второй, критической, секции, внимательно и трезво оценивавшей каждое предложение, я с немалым удивлением узнал, что именно этот забавный способ натолкнул наших «Эдисонов» на мысль о приспособлении, представлявшем собой зажим вроде клещей, способный накрепко сваривать провода холодным способом...

6. ТАИНСТВЕННОЕ „АЛИТО“

Ученый совет закончился, но горячие дискуссии продолжались во всех уголках судна с утра до вечера.

Их «подогревали» угри, плывущие где-то в глубинах моря и время от времени сообщавшие о своем присутствии условными сигналами. Каждого сигнала все ждали с нетерпением, и к часу дня на главной палубе, возле большой карты, куда наносились только что полученные и расшифрованные свежие данные, неизменно собирались участники экспедиции.

— Идут как по компасу! — восхищенно басит Макаров.

Да, удлиняющиеся с каждым днем красные полоски маршрутов всех угрей постепенно сходятся в один толстый пучок, нацеленный точно на Гибралтар!

Над «Богатырем» пролетает в это время стайка каких-то птиц. Летят высоко, едва различимы в небе. И я завожу разговор о том, что таинственная способ-

ность угрей находить себе правильную дорогу, пожалуй, куда удивительнее, чем загадка ориентации птиц...

— Что птички! — пренебрежительно машет своей широкой ладонью Макаров. Руки у него совсем не подходящие для ученого. Откуда на ладонях эти мозоли, словно у гребца или дровосека? И почему они у него всегда исцарапаны — наверное, тоже возится с какой-нибудь техникой, а такими толстыми, негнущимися пальцами, пожалуй, нелегко управляться с тоненькими проводами и крошечными винтиками...

— Птичкам находить дорогу легко, — продолжает Иван Андреевич, щуря свои голубые хитроватые глазки. — С ними уже разобрались. Они видят звезды и солнце. А под водой — вечная тьма. Температура на большой глубине тоже всегда почти одинакова. Никаких ориентиров, даже где «верх» и где «низ» трудно установить, потому что вода придает телам практическую невесомость. Астрономы говорят, что космос, где не действуют законы Ньютона, можно уподобить пленке мыльного пузыря: если долго двигаться в одном и том же направлении, то окажешься в конце концов в отдаленном пункте. Представляете? Под водой — тот же космос, только без звезд.

— Поэтому вы и считаете самой вероятной магнитную гипотезу? Но почему же тогда сбились и пропали балтийские угри?

Глаза у него совсем прячутся в свои глубокие норки-щелочки, лохматые брови сдвигаются, и Макаров уклончиво отвечает:

— Посмотрим...

В противоположность темпераментному и азартному Волошину он не любит спорить.

А споры вокруг разгораются все горячее...

Я уже не закрываю свой блокнот, списывая страницу за страницей:

«Казимир Павлович считает, что таинственное исчезновение тех угрей, что привезены с берегов Балтики, вовсе не связано с магнитной бурей. У него своя гипотеза, несколько отличающаяся от «классической».

— Не столько температура и соленость, а в большей степени химический состав воды помогает угрям ориентироваться в открытом море. Никакого органа, способного воспринимать изменения земного магнитного поля, у них нет.

Да и ненадежный это ориентир, как мы только что лишний раз убедились: достаточно даже небольшой магнитной бури, чтобы компасы стали бесполезными. А химический состав воды в каждом районе отличается большим постоянством. И обоняние у речных угрей — это очень важно! — развито в совершенстве. Мы ставили специальные опыты. Оказалось, угри могут различать самые ничтожные примеси посторонних веществ в воде. Ну, скажем, для наглядности: если развести в Ладожском озере всего-навсего один грамм спирта, угорь это почувствует. Представляете, какое тонкое обоняние?

— Но почему же потерялись, сбились с дороги балтийские угри, а местные нет?

— Потому что для балтийских угрей переход в Средиземное море, вода которого отличается очень высокой соленостью и температурой, оказался слишком резким. Это их и сбilo...

Доводы Бека кажутся мне убедительными. Может быть, угри и в самом деле ориентируются по запаху — ведь как будто уже доказано, что именно так находят дорогу дальневосточные лососи к устьям рек, где когда-то они родились.

К тому же угрям помогает течение. Сигналы подтверждают, что они все время держатся примерно на одной глубине, в его струях, несущих их к Гибралтару.

Но есть и другие гипотезы. Подойдя к одной из групп спорщиков, я услышал горячие рассуждения о гравитации. Тут доказывали, что угри ориентируются по изменениям земной силы тяжести, уловить которые бессильны наши приборы, и это звучало тоже весьма убедительно.

Макаров в споры не вступал, но Елена Павловна продолжала отстаивать магнитную гипотезу.

— Может быть, опыт поставлен нечисто и ваши сигнализаторы мешают угрям ориентироваться по магнитным линиям, сбивают их своими помехами? — имела она неосторожность как-то сказать Волошину, пытаюсь разобраться, почему пропала в глубинах океана часть угрей.

Сергей Сергеевич даже онемел на некоторое время от возмущения, а потом стал доказывать, что все сигнализаторы снабжены специальной защитой, никаких помех давать не могут. И почему же эти мифические помехи сбили с толку?

ку лишь балтийских угрей, а остальные продолжают уверенно держать курс на Гибралтар?!
— Такие выпады — запрещенный прием, дорогая Елена Павловна, — смешно негодовал Волошин. — Тем более по отношению к союзнику.

Сергей Сергеевич тоже придерживается, насколько я понял, магнитной гипотезы, хотя и в несколько измененном варианте. В этом, пожалуй, снова проявилась его «техническая склонность». Он считает, будто угрей ведут не просто магнитные воздействия, а электрические токи, пронизывающие всю толщу морской воды. А рыбы, как уже давно доказано советскими учеными, весьма восприимчивы к таким токам.

Но Казимир Павлович относится к этой гипотезе еще более скептически, чем к магнитной:

— Карты земного магнитного поля существуют давно и достаточно надежны. А об электрических токах в океанах мы почти ничего еще не знаем. Их направления изучены куда меньше, чем, скажем, обычные течения.

Слушаю я эти споры и прихожу все в большее недоумение. Так что же, исчезновение балтийских угрей во время шторма и магнитной бури опровергает все гипотезы или подтверждает?

Кто из них прав? Вот и еще одна гипотеза: сегодня Сергей Сергеевич с весьма таинственным видом намекнул мне, что, возможно, угрей ведет к Саргассову морю совершенно особое «навигационное чутье»...

— Верьте мне: мы накануне открытия совершенно нового вида энергии, способной передаваться мгновенно на любые расстояния.

Разыгрывает он меня или нет? А что думает Логинов? Я спросил об этом Андрея Васильевича. Он пожал плечами и ответил:

— Моя гипотеза заключается в том, что я не строю никаких гипотез. Мне гораздо интереснее изучать чужие. Наблюдать, так сказать, за игрой ума.

Похоже, что начальник нашей экспедиции в самом деле не кривил душой. Я уже начинал привыкать, что Андрей Васильевич ведет себя несколько странно для человека, руководящего всеми научными исследованиями, а тем более — для директора института.

Так мы плыли неторопливо по лазурным волнам теплого моря под синим высоким небом, часто останавливаясь, чтобы провести очередную научную станцию. Тогда «Богатырь» порой на несколько часов ложился в дрейф, а за борт отправлялись целые гирлянды всяких приборов. Они сообщали о температуре и солености воды на разных глубинах, о скорости и направлении течений. Другие приборы измеряли электрические токи в морской воде и отмечали малейшие перемены магнитного поля.

Несколько раз запускали ракеты. Они медленно, словно нехотя, с грохотом поднимались над стартовой площадкой и, постепенно набирая скорость и преодолевая земное притяжение, исчезали в небе. Их назначение — разведать и сообщить по радио ученым, что в это время происходит в атмосфере.

Все эти данные, добытые с небес и из морских глубин, наносились на широкие поля карты, где сходились в один пучок алые линии загадочных маршрутов угрей, стремящихся к далеким своим нерестилищам...

Елена Павловна и Макаров провели несколько опытов в лаборатории, помещая угрей в магнитные поля различной силы. Эти исследования дали неожиданные результаты. Угри хорошо воспринимали искусственное поле, пока оно мало отличалось по напряженности от природного, земного. А сильные магнитные воздействия, превышавшие в сорок и даже в пятьдесят раз те, какие обычны для земного поля, наоборот, не оказывали на угрей никакого влияния!

Выходит, магнитная буря никак не могла сбить с пути балтийских угрей. Они ее, наверное, даже и не почувствовали. Но почему же они тогда потерялись?

Похоже, магнитная гипотеза рушилась. Елена Павловна ходила совсем обескураженная. Макаров стал еще молчаливее, чем обычно. Зато Бек торжествовал.

Становилось жарко. С юга, из Африки, целыми днями дул горячий ветер, засыпая порой палубу колючими песчинками. Странно было думать, что их принесло, может быть, прямо из пустыни Сахары.

Кроме уже надоевших запретов не курить на всех палубах и не бросать окурков за борт, репродукторы грозно возвещали новые заповеди: не ходить по служебным помещениям без рубашек, не появляться на баке раздетым до

трусов, не выносить на палубы постельное белье и спать только в каютах, «дабы судно не превратилось в плавучий табор»...

Постепенно наш корабль стал родным домом, а плавание — привычным и даже немножко скучноватым бытом. Я уже прекрасно разбирался в бесчисленных трапах и коридорах и даже перестал спотыкаться о комингсы — непомерно высокие стальные пороги люков.

Но ученые продолжали удивлять меня необычностью своих занятий.

Зайдя как-то в лабораторию к биологам, я нашел Елену Павловну и Казимира Павловича за изучением самой обыкновенной мухи. Они по очереди рассматривали в микроскоп мушинные лапки, казавшиеся при большом увеличении мохнатыми стволами каких-то причудливых пальм, и обменивались загадочными отрывистыми репликами:

— Сняли напряжение?

— Да. Но надо замерить кислотность.

Рядом с микроскопом в стеклянной банке на столе сидело жужжало еще с десятков мух, жаждущих внести свой вклад в науку.

— Если бы удалось непрерывно замерять изменение потенциала, — вздохнул Бек.

— Может быть, Волошину удастся придумать, как это сделать? — проговорила Елена Павловна.

Бедный Волошин! Теперь его заставят думать, как бы поставить мухе градусник. Это, пожалуй, не легче, чем подковать блоху...

Но когда ученые мне объяснили, какая мушинная тайна их интересует, вся ирония моя быстро испарилась. Оказывается, природа наделила обыкновенную муху чудесной способностью моментально, в доли секунды, производить химический анализ всех веществ, которых только коснутся ее мохнатые лапки.

— И что самое поразительное, — оживившись, разъяснял мне Казимир Павлович, — муха воспринимает тончайшими волосками на своих лапках не химические воздействия, а электрические...

— Иначе говоря, нервные клетки мухи возбуждаются по-разному, в зависимости от электрических свойств молекулы вещества, — вставила Елена Павловна.

— Вот именно, — еще больше воодушевился Казимир Павлович и начал расхаживать вдоль стола. — Вместо медленных химических реакций муха делает мгновенный электроанализ. Представляете, как было бы заманчиво создать подобный анализатор?

«Представляю, как загорится этой задачей Волошин», — подумалось мне.

Мои друзья снова занялись изучением мухи под микроскопом, а я ушел, постаравшись закрыть дверь без скрипа, чтобы им не помешать...

Как-то я застал Бека у него в каюте за другим занятием, которое показалось мне еще более странным.

Он внимательно изучал фотокопии какой-то рукописи. Весь стол был завален большими глянцевитыми отпечатками. Тут же громоздились пухлые книги в старинных переплетах. Среди них мне бросился в глаза раскрытый латино-русский словарь.

Рукопись была, видимо, на латыни. Крупные листы, сплошь исписанные мелким, но красивым и легким, будто летящим куда-то почерком. И тут же странные рисунки и на полях и прямо среди текста — вроде плывущие через реку лошади, какая-то перепончатая лапа, словно лягушачья, а под нею — человек, стоящий по горло в воде, лицо его закрывает нечто вроде маски.

— Что это? — удивился я.

— Это? Фотокопии рукописей Леонардо да Винчи.

— Кого?

— Леонардо да Винчи, гениального ученого и художника — разве вы забыли?

— Да нет, конечно, я прекрасно знаю, кто такой был Леонардо да Винчи. Но зачем вам его рукописи?

— Пытаюсь их расшифровать в свободное время...

Мое изумление возрастало и, видимо, весьма красноречиво выражалось на лице, потому что Казимир Павлович предложил мне сесть на край койки, освободив местечко от наваленных и тут бумаг и отпечатков, и постарался объяснить подробнее, что именно его интересует.

— Леонардо был всесторонне развитым человеком, гением. Помните, как их называл Энгельс: «титаны эпохи Возрождения...»? Чем он только не увлекался: и авиацией, и альпинизмом, научной организацией труда и океаногра-

фией, всякими предметами бытового обихода и загадками мироздания, не говоря уже о том, каким гениальным был художником! Много исследований посвятил Леонардо да Винчи и морю, в частности водолазному делу...

Казимир Павлович порылся в куче отпечатков и подал мне один из них.

— Видите, легководолазная маска, почти современная.

— А форма стекол даже удобнее, шире получается обзор!

— Пожалуй. Заметки Леонардо, касающиеся водолазного дела, были разбросаны по самым различным рукописям. Их впервые попробовал собрать и расшифровать наш замечательный ученый, профессор Рубен Абгарович Орбели, которого с полным правом можно назвать основателем подводной археологии. Когда он опубликовал свои новые переводы, то в Италии даже подумали, будто Орбели удалось обнаружить в одном из советских архивов какую-то неизвестную рукопись Леонардо да Винчи.

— Казимир Павлович, почему вы несколько раз употребили слово «расшифровать»? — спросил я. — Разве рукописи Леонардо зашифрованы?

— В том-то и трудность, — вздохнул Бек. — Присмотритесь внимательнее к любой записи...

— Но я не знаю латыни.

— Если бы и знали, все равно ничего не поняли. Во-первых, Леонардо с детства был левшой и поэтому привык писать не так, как всеми принято, а наоборот — справа налево. Кроме того, оригинальные мысли, видимо, столь быстро сменялись у него в голове, что рука не успевала их записывать. Поэтому он применял сокращенную скоропись. Вдобавок Леонардо порой то разбивал слова на слоги, то, наоборот, соединял вместе несколько слов. Часто вместо «g» он писал «d», «u» заменял буквой «i», а некоторые буквы ставил вообще вверх ногами.

— Н-да... Словно нарочно хотел задать вам работы! Но зачем он это делал?

Казимир Павлович пожал плечами:

— Может быть, машинально, а скорее сознательно. Чтобы записи его не всякий мог прочесть. Поэтому они и до сих пор остаются, к сожалению, в большинстве нерасшифрованными.

— Но зачем ему все-таки была нужна такая секретность?

— Причин много. Вспомните время, в которое он жил. Опасался обвинений в колдовстве, в чернокнижии. Но главное, пожалуй, даже не в этом.

Казимир Павлович, поискав, достал небольшой квадратик плотной бумаги. На нем что-то было напечатано на машинке — значит, явно не рукой Леонардо, — хотя, может, он и пишущую машинку уже успел изобрести, этот поистине сторукий гений?

— Во многих записях Леонардо утверждает, будто открыл и проверил способ находиться под водой на любой глубине, «сколько возможно оставаться без еды», — как он пишет. Значит, несколько часов, а то и дней, верно? Для дыхания он применял какую-то газовую смесь, называя ее «алито». Это можно примерно перевести как «дух» или «дыхание». Состав ее он скрыл, но это не обычный воздух. И не чистый кислород. — Казимир Павлович задумчиво пожал плечами, вертя в пальцах квадратик плотной бумаги, потом остановил свой взгляд на нем и добавил: — Леонардо дал ответ на вопрос, который вы задавали: почему он засекретил свое изобретение. Хотите знать?

— Конечно!

— «Как и почему я не описываю своего способа пребывать под водой — сколько я могу оставаться без еды, и этого не опубликовываю и не распространяю? — размеренно прочитал Бек. — По причине злой природы людей, которые совершали бы смертоубийства на дне морей путем разрушения кораблей со дна и потопления их вместе с находящимися на них людьми...»

Казимир Павлович посмотрел на меня и спросил:

— Вам ясно?

— Да. Но вы все-таки надеетесь расшифровать это загадочное «алито»?

— Может быть. Во всяком случае, работы великого Леонардо могут помочь нам в поисках наилучших газовых смесей для ныряния на большие глубины. Я верю в это. Сергей Сергеевич, хоть и подшучивает над моим увлечением, рассказывал как-то, что американские, кажется, инженеры, попробовали недавно построить планер по схематическим чертежам Леонардо да Винчи. И представьте себе: планер великолепно летает!

— Не устарел?

— Нет.

Я долго просидел тогда в каюте Бека и покинул ее, размышляя о том, какими все-таки удивительными путями развивается наука в наше время. Мало того, что самые интересные открытия совершаются именно на стыках, на границах разных наук, и над ними вместе работают инженеры и биологи, химики и физики. Но и прежние открытия, оказывается, могут вдруг оживать, питая науку новыми оригинальными идеями.

Однако угри, «двоедушные обезьяны», чудесные анализаторы мушинных лапок, подводные козы и зашифрованные рукописи — как переварить и привести в систему все это?..

Жизнь шла своим чередом, а «Богатырь» плыл все дальше и дальше. Мы миновали горбатые скалы Гибралтара и вышли на простор Атлантики.

Угри нас вывели точно. Но что они будут делать теперь? Как найдут себе дорогу к нерестилищам в открытом океане?

К Гибралтарскому проливу угрей, похоже, просто вынесло глубинное течение. Они держались все время в его струях, и никакие ориентиры им не были нужны.

А балтийские угри? Не потому ли они потерялись, что для них это течение оказалось совершенно необычным. Если бы они добирались к местам нерестилищ привычным путем — через проливы Зунда и Каттегат, то в открытом море попали бы в мощные струи Гольфстрима. И они бы плыли против течения — все дальше на юг, где вода теплее...

Ученые прервали их привычный путь и перенесли по воздуху совсем в другое море — в теплое Средиземное. Угри нашли в его глубинах течение и автоматически направились против него, совсем в другую сторону от Гибралтара. Может, только поэтому они и потерялись? А надо было плыть по течению, как это сделали местные угри.

Но если все дело лишь в этом, то возникают новые трудности и загадки. Почему же так по-разному ведут себя угри, родившиеся некогда в одном и том же Саргассовом море и лишь по воле волн и течений унесенные затем одни к устьям прибалтийских рек, другие — в Черное и Средиземное моря? Как они запомнили, что первым, чтобы добраться до нерестилищ, надо плыть против течения, а вторым — по те-

чению? Очень сложные получаются инстинкты, прямо какие-то зачатки разумного выбора пути...

Теперь угри на распутье. Перед ними открытый океан. Как они станут искать дорогу дальше?

В коридоре возле локаторной, за дверью которой Логинов и Волошин вслушивались в сигналы из морской глубины, собрались люди...

Прошло, наверное, не меньше часа, когда из локаторной вышел Логинов, быстрым взглядом исподлобья окинул наши напряженные лица, усмехнулся и, не ожидая вопросов, коротко сказал:

— Идут строго на запад.

— А течение?

— Течение заворачивает на юг, я смотрел по карте, — ответил кто-то из толпы.

Стоявшая рядом со мной Елена Павловна повернулась к мужу. Лицо у нее сияло. Они с Макаровым начали тут же поспешно выбирать из коридора...

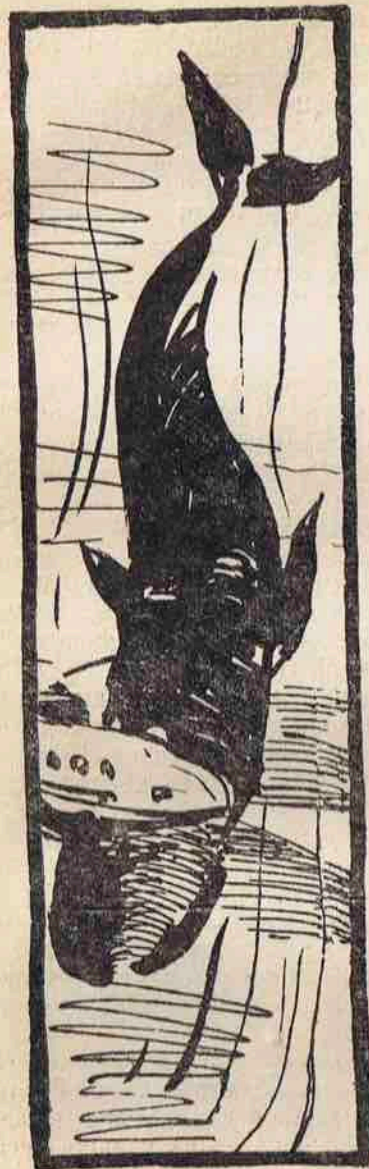
Неужели все-таки угрей ведет земной магнетизм?

Прошло еще несколько часов. На карте появились первые пометки. Сомнений уже не оставалось: угри выходили из течения, словно зная, что оно может унести их далеко на юг, вдоль берегов Африки. А Саргассово море было на западе, и угри уверенно направлялись туда!

Загадки, сплошные загадки. И нам не остается ничего иного, как набраться терпения и следовать за угрями. Кто знает, может быть, случайное наблюдение, пустяковый на первый взгляд факт дадут, наконец, ключ к разгадке удивительной тайны?

7. ТРЕВОГА!

Сквозь крепкий предутренний сон мне смутно послышался какой-то непонятный вскрик, потом грохот. С трудом оторвав голову от подушки, я с удивлением увидел, что Сергей Сергеевич прыгает по каюте. Вот он начал надевать куртку, но, натянув ее только на правое плечо, так и оставил, кинулся надевать сапоги. Однако и эту операцию всегда такой аккуратный Волошин не довел до конца: с трудом натянув левый сапог, он громко чертыхнулся и кинулся к двери, держа второй сапог в руке.

— Что случилось? Тонем?! — крикнул я ему вдогонку.

Но Сергей Сергеевич уже исчез, ответив что-то неразборчиво уже за дверь.

Я вскочил. В каюте разгром. Моя одежда тоже разбросана.

Куда он так спешил? Видно, в самом деле тревога? Хотя не бросил бы Волошин меня безмятежно спящим на тонущем корабле?!

Торопливо одевшись, я выскочил из каюты. Коридор был пуст. Пустынной оказалась и палуба, словно все уже покинули корабль.

И «Богатырь» явно немножко накренился на нос. Неужели тонем?!

Где хоть мы находимся?

После Гибралтара «Богатырь» изменил курс и направился к Азорским островам, чтобы тут перехватить угрей, плывущих из Прибалтики.

В туманной дымке на горизонте как будто угадываются очертания гор. Значит, земля неподалеку.

Я обогнул широкую трубу... И увидел, что на носу судна собралось, по-моему, все.

— Что происходит?

— Кашалоты, — ответило мне сразу несколько голосов.

— Где?!

Но тут в репродукторах прогремел хриловатый капитанский голос:

— Палубной команде и научным сотрудникам приготовиться к спуску мезоскафа!

Сначала море мне показалось совершенно пустынным — только серые волны до самого горизонта. Я уже было хотел спросить у соседей: «Где же киты?» Как вдруг увидел взметнувшийся над волнами фонтан водяных брызг. Присмотревшись, я разглядел такое же серое, как вода, длинное тело, легко и стремительно рассекавшее волны. А вот рядом второй кашалот, третий...

В этот момент один кашалот вдруг высоко выскочил из воды, словно нарочно, чтобы дать нам получше рассмотреть себя целиком, и упал обратно в море, вздымая пенные каскады брызг.

Мы так и ахнули.

— Да в нем метров двадцать! — восторженно крикнул кто-то.

Возражений не последовало. Пожалуй, впервые я наблюдал такое редкостное единодушие среди наших заядлых спорщиков.

«Богатырь» подошел к ныряющим кашалотам совсем близко. Их было девять: самый крупный, видимо, глава этой семьи, шесть самок примерно одинакового размера и два малыша, — впрочем, так их можно было назвать лишь весь

ма условно, потому что каждый достигал в длину все-таки метров пяти, не меньше!

Кашалоты не обращали на нас никакого внимания. «Богатырь» медленно подошел к ним почти вплотную. Киты продолжали спокойно нырять. Постепенно мы очутились прямо в середине их стаи. Когда они выныривали на поверхность и продували свои могучие легкие, чтобы набрать воздуха, брызги от фонтанов падали прямо на палубу, обдавая нас словно дождем.

Вожак держался все-таки в некотором отдалении от корабля. Но малыши подплывали к самому борту, и один из них даже будто почесался о него, к нашему общему восторгу.

Машины работали самым малым ходом, чтобы не поранить ненароком кашалотов. Видимо, наши собирались провести какие-то наблюдения. Какие?

Я оглянулся. Вокруг только свободные от вахты матросы. Никого из научных работников не видно.

Ну, конечно, они сейчас возле мезоскафа! Я бросился туда...

У мезоскафа собрался почти весь Ученый совет в полном составе, не видно было лишь Елены Павловны. Казимир Павлович надел синий комбинезон, он явно собирался принять участие в погружении. А Волошин? Засунув руки в карманы, Сергей Сергеевич стоял чуть в сторонке и внимательно, но не вмешиваясь, наблюдал, как его «мальчики» готовят мезоскаф к погружению.

— И вы ныряете, Казимир Павлович? — спросил я.

— Конечно. А почему это вас удивляет? Киты ведь непревзойденные ныряльщики, и я хочу подсмотреть, как они это делают. Находили кашалотов, которые погибли, зацепившись за телеграфный кабель на глубине свыше двух километров. Всплывают же они быстро, не опасаясь никакой кессонной болезни...

— А вы, мой друг, надеялись, что в мезоскафе окажется свободное местечко? — подмигнул мне подошедший Волошин. — Не мечтайте. В его конструкции места для прессы не предусмотрены.

— Но вас самого, кажется, не берут, дорогой Сергей Сергеевич!

— К сожалению, я еще не настолько развил в себе теле-

патические способности, чтобы испепелить вас взглядом, — зловеще ответил Волошин. — Но это будет! А пока я откладываю ответный удар, ибо очень спешу.

— А куда вы спешите? — насторожился я, боясь прозевать что-нибудь интересное.

Сергей Сергеевич усмехнулся и многозначительно ответил:

— Туда, откуда лучше всего наблюдать за китами, — и зашагал к трапу.

Я стоял на палубе в некоторой растерянности. Идти за ним или остаться? Куда он отправился?

Но тут над палубой прогремела усиленная репродукторами команда:

— На лебедке! Майна помаленьку!

Мезоскаф спустили на воду. Шлюпка перевезла к нему Логинова, Макарова, Бека и одного из «молодых Эдисонов», который должен был заменить нынче Волошина. Один за другим они скрылись в люке.

Шлюпка отошла от мезоскафа. Вода вокруг него забурлила, и он начал медленно погружаться.

Вот уже и рубка скрылась под водой.

Оглядевшись по сторонам, я увидел, что все члены экспедиции уже исчезли с палубы. Откуда же они ведут наблюдения и какие именно?

Наблюдательная камера на носу! Как же это, в самом деле, я забыл о ней!

Я помчался туда, чуть не свалившись по дороге с крутого трапа. Тихонечко приоткрыл дверь, протиснулся бочком...

В камере полутьма. Все лампы потушены, лишь из огромных иллюминаторов льется солнечный свет, приглушенный водой.

Я хотел подойти поближе к иллюминатору и замер, услышав недовольный голос Елены Павловны:

— Осторожно, вы наступите на меня. Кто это?

— Это я, Елена Павловна. Не помешаю?

— Нет, если будете вести себя тихо.

Опустившись на матрас, я приник к иллюминатору...

И увидел совсем близко, метрах в четырех от себя, черный лоснящийся бок кашалота!

Потом гигант повернулся и начал уходить на глубину, мерно работая широкими лопастями своего мощного хвоста,

словно помахивая нам на прощание перед тем, как погрузиться в глубины океана.

Он уплыл, и за иллюминаторами стало пусто.

— Ушел совсем? — спросил я.

— Не думаю.

— А где другие?

Прошла минута, другая. Кашалоты не появлялись.

Елена Павловна сняла трубку телефона, висевшего на стене.

— Мостик? Аркадий Платонович, я не вижу кашалотов... Хорошо. Отошли в сторону, — повесив трубку, пояснила она. — Сейчас попытаются к ним снова подойти поближе.

— Обидно, что так трудно за ними наблюдать, — почувствовал я. — А из мезоскафа, наверно, и вообще лишь чудом увидишь вблизи ныряющего кашалота. Попробуй угадать и очутиться именно там, где он нырнет.

— Да, техника нас пока не балует. Давно Волошин обещает наладить звуковую приманку, да пока не очень что-то получается...

«Звуковая приманка» звучала загадочно и весьма интригующе.

— А где, кстати, сейчас Волошин? — спросил я.

— Вероятно, у себя в локаторной.

— Это на главной палубе?

— Да, возле радиорубки.

— Надо туда заглянуть.

Над дверью локаторной горела красная лампочка. Я колебался: у рентгеновских кабинетов в больнице такие лампочки, загораясь, предупреждают, что посторонним входить нельзя. Но я все-таки постучал в дверь и, не получив никакого ответа, осторожно приоткрыл ее... Там царил полная тьма, только кое-где призрачным, холодным светом мерцали разноцветные шкалы приборов.

Что можно отсюда увидеть?

— Замрите на месте и не двигайтесь, пока глаза не привыкнут! — грозно сказал из темноты Волошин. — А то еще устроите нам короткое замыкание в самый пикантный момент.

Постепенно глаза привыкали в темноте. Я уже различал два силуэта, склонившихся над чем-то в напряженном ожидании.

Протяжный скрипучий звук вдруг нарушил тишину — словно медленно раскрылись плохо смазанные ворота.

— Не слишком мелодичный голосок, а? — тихонько сказал Волошин.

— У кого?

— Ну вот, кашалот с вами здоровается, а вы...

— Это был голос кашалота?

— Да. Вернее, один из его голосов. Другие мы не слышим, они в дальней части спектра, но приборы их все же записывают, потом я вам покажу. Тут важно ничего не упустить, многое может пригодиться для улучшения нашей техники. Вы не забыли моей голубой мечты — сделать мир прозрачным? Так вот, у кашалота тут есть чему поучиться...

Волошин замолчал, проверяя какой-то прибор, потом продолжал:

— Зрение у кашалота развито слабо, он даже собственный хвост разглядеть не может. Но зато по эхолокации тому же дельфину сто очков вперед даст. Воспринимает сигналы в широчайшем диапазоне частот — от нескольких десятков герц до двухсот тысяч. А верхний предел слышимости нашего с вами уха в десять раз ниже. Так что они в полном смысле видят ушами, различая препятствия до десятых долей миллиметра. Если понадобится, так ультразвук может служить животному и для защиты или нападения: кашалот глушит им добычу, лишает ее способности ориентироваться. Как это ему удается, пока непонятно.

Сергей Сергеевич сокрушенно покачал головой, но тут же бодро добавил:

— И мы, однако, кое-что умеем, кое-что умеем... Сейчас увидите. Ты готов, Петя?

— Готов. Переключать? — спросил помощник.

— Подожди, — остановил его Сергей Сергеевич. — Он еще вдох не закончил. Как только пойдет на глубину, тогда включишь.

— Как бы не упустить снова...

— Голову оторву! Приучайся работать чисто. А включишь раньше, можешь его спугнуть. Может, ему щекотно от этой частоты, дело ведь темное.

Прислушиваясь к их разговору, я понимал лишь одно: дело действительно было темным.

— Давайте руку, — окликнул меня Волошин. — Так. Те-

перь идите сюда, но так осторожно, будто несете кипящий самовар на лбу. Здесь есть для вас лишнее креслице, только не садьте мимо. Нащупали? Садитесь, притаите дыхание и смотрите внимательно.

Только я хотел спросить, что же смотреть, как помощник торопливо сказал:

— Пошел. Включаю.

И передо мной, слепя глаза, вдруг словно распахнулось окно в какой-то сияющий простор.

Это было не окно, а большой экран. На нем по сверкающему полю быстро двигалась продолговатая черная тень сверху вниз, по диагонали. Справа от экрана на шкале все время менялись цифры: 200... 300... 400...

— Укрупни план, — скомандовал Волошин.

Черная тень вдруг сразу заняла почти весь экран, и я узнал лобастую, будто обрубленную голову кашалота!

— Где он? — спросил я.

— На глубине шестисот с лишним метров. Следите за шкалой справа, — ответил Волошин, вглядываясь в изображение.

— Прибавь немножко резкость, он у тебя не в фокусе, — это он сказал уже помощнику.

Изображение стало отчетливее. Оно напоминало большую черно-белую фотографию или, точнее, кадр из фильма — ведь кашалот жил, двигался. Несмотря на бедность цветов, полутени отчетливо передавали мельчайшие детали.

Это казалось чудом. Я не мог понять, каким же образом, сидя в совершенно темной комнате, отгороженной стальными переборками от всего мира, мы можем видеть ныряющего кита сквозь толщу воды чуть не в километр! Да еще, пожалуй, отчетливее, чем я видел недавно морских гигантов собственными глазами сквозь стекло, пока они резвились у поверхности воды.

Я повернулся к Волошину, но он остановил меня властным жестом:

— Лекции потом, пока смотрите. Изображение хорошее?

— Отличное!

— Признаете, что у нас тут лучший наблюдательный пункт?

— Признаю.

— Очень мило с вашей стороны. За это мы вам сейчас

покажем нечто совершенно уникальное. Вы бы хотели увидеть душу этого красавца?

— Душу?

— Ну, если не душу, то хотя бы скелет. Душа, говорят, — пар, не увидишь. А вот косточки... Сейчас попробуем.

Сергей Сергеевич легонько отстранил своего молодого помощника и придвинулся поближе к пультам.

Несколько секунд он колдовал с рукоятками...

И вдруг изображение на экране изменилось. Теперь оно напоминало рентгеновский снимок. Отчетливо была видна каждая косточка внутри кита: огромные пластины черепной коробки, мерно и волнообразно движущиеся звенья позвоночника, напоминающие по своим размерам детали какой-то чудовищной машины, гибкие хрящевые утолщения внутри раздвоенного хвоста...

— Мутновато, мутновато, — бормотал недовольно Волошин, наблюдая, как меняется изображение на экране.

— Сергей Сергеевич, локатор улавливает какие-то сигналы! — воскликнул вдруг Петя.

— Какие еще сигналы? — Волошин повернулся к экрану гидролокатора.

По экрану время от времени пробежала голубоватая вспышка.

— Странно... Повторяется почти точно через полторы секунды, — пробормотал Волошин. — Что за помехи?

— Похоже на эхолокацию, — неуверенно сказал Петя. — Видите? Основной сигнал, а потом будто эхо...

— Какая частота?

— Около пятисот герц.

— Ни один эхолот с такой частотой не работает. Просто машина твоя барахлит, нечисто работаешь.

Петя негодуя фыркнул и хотел что-то ответить, но Сергей Сергеевич перебил его:

— Видишь, сигналы исчезли. Явно какие-то помехи были. Ладно, не ворчи, потом разберемся, когда расшифруем все записи. А пока лучше за китом следи, а то потеряем его.

Изображение кашалота в самом деле сдвинулось к самому краю экрана. Петя начал подстраивать прибор, но тут же, оглянувшись, сказал:

— Сергей Сергеевич, он беспокоится.

— Кто?

— Кит.

— Беспокоится? Да, похоже. Ладно, не станем его мучать.

Изображение на экране снова стало прежним: черный кашалот на сверкающем фоне. Но кит почему-то продолжал вести себя беспокойно, это заметил теперь и я. Дважды он так стремительно менял направление, что почти исчезал с экрана, и Волошину не сразу удавалось его опять «поймать в кадр».

— Дайте лучше я, Сергей Сергеевич, — попросил помощник. — У меня руки привычнее...

Волошин уступил ему место за пультом, недовольно бормоча:

— Чего он мечется? Не могли же мы так возбудить его. Ты все снимаешь, Петя?

— Съёмочная камера включена с самого начала, Сергей Сергеевич. Можете проверить.

— Ладно. Стой! Не уходи!

Волошин выкрикнул это, когда откуда-то снизу на экран вдруг медленно вползло еще одно продолговатое черное тело. Второй кит? Нос у него тоже тупой, только иной формы. И что это за странный горб у него на спине? Какие-то крылья?!

— Мезоскаф! — воскликнул Петя.

— Точно, — согласился Волошин. — Значит, это они кита тревожили, а не мы.

Несколько минут мы заворуженно наблюдали, как где-то в крошечном мраке морских глубин, почти за полтора километра под нами, встретились владыка океанов и маленький кораблик, построенный человеческими руками.

Кашалот начал описывать круги возле мезоскафа. Тот остановился, замер.

Представляю, как все там сейчас прильнули к иллюминаторам! Наверное, волнуется: что может взбрести в голову гиганту? Пожалуй, достаточно одного случайного удара мощным хвостом, чтобы мезоскаф смяло и покорежило, как детскую игрушку.

Это нам хорошо наблюдать отсюда, сквозь толщу воды в полтора километра. И как же здорово видно!

— А не заглянуть ли к ним в гости? — пробормотал Волошин.

Петя опасливо посмотрел на него:

— Не надо, Сергей Сергеевич. Я и то беспокоюсь, не слишком ли долго мы их держим в луче. Ведь еще не проверено как следует.

— Знаю, — мрачно ответил Волошин. — Да уж больно руки чешутся. Сейчас бы мы на их лица посмотрели, а потом можно и до мозга костей добраться. Ты что, не веришь?

— Верю, — поспешно ответил Петя, — только, пожалуй, рискованно.

— Ладно, оставь в кадре одного кашалота, — согласился Волошин. — Эх, ты. Проморгал! Ушел он! Ушел!

— Я не виноват, Сергей Сергеевич! Ушел он! Ушел!

— Верно. Ну ладно. Можешь выключать. И камеру выключи. Чтобы к вечеру пленка была вся проявлена! Скажи там, в лаборатории, я их разнесу, если не сделают.

Экран померк, стихло монотонное гудение кинокамеры. Щелкнул выключатель, и я зажмурился от яркого света.

— Пошли на воздух, — устало сказал Волошин. — Интересно, что они расскажут, когда всплывут. Ощущали как-нибудь наш луч?

Пока мы шли по коридору, Волошин выглядел таким утомленным и задумчивым, что я не решался допытывать его расспросами. Но когда мы поднялись на палубу и влажный теплый ветер словно погладил нам лица ласковой, нежной ладонью, Сергей Сергеевич сразу оживился и насмешливо спросил:

— Что? Распирают вопросы? Не терпится скорее описать историческое событие, свидетелем которого выпало счастье быть вашему специальному корреспонденту? Только чур: не слишком перебарывать! И ради бога, не давайте этой главе никакого зловеще-сенсационного заголовка, вроде: «Живой скелет на глубине полутора километров! Мы щекочем кита!»

Мы выбрали местечко на полубаке, откуда было лучше наблюдать за ныряющими китами. Они все еще продолжали резвиться возле «Богатыря».

— Признайтесь, что изображение было весьма неплохое, — ревниво сказал Волошин, закуривая сигарету и прикрывая зажигалку ладонью от ветра. — Все детали можно рассмотреть почти так же отчетливо, как отсюда, с борта корабля, верно?

— Верно, — согласился я. — А уж со скелетом было прямо фантастическое зрелище! Лучи рентгена?

— Не совсем. Наш прибор основан совершенно на ином принципе. Назовем его условно звуковизор. Мы стараемся создать универсальный аппарат, способный делать прозрачными любые преграды. Но для каждой из них нужна своя отмычка.

— Мезоскаф всплывает! — прервал нашу беседу чей-то крик.

— Где?

— Это кашалот, не мезоскаф!

— Да не там, левее, не туда смотришь.

— И там кит...

— Нет, правда, мезоскаф.

Вода метрах в пятидесяти от «Богатыря» по правому борту вспенилась, будто закипела. Из пены вынырнула узкая стальная рубка.

Когда «Богатырь» осторожно приблизился к всплывшему мезоскафу, лок рубки распахнулся и из него до пояса высунулся Макаров. Скуластое обветренное лицо его сияло.

— Привет от кашалотов! — крикнул он. — Имели свидание, можно сказать, с глазу на глаз.

Волошин многозначительно посмотрел на меня и сказал:

— Ну, а о том, что вы видели, пока ни слова! Ясно?

Один из матросов со стрелы ловко прыгнул на палубу подводного кораблика и пришвартовал его к высокому борту «Богатыря». Спустили штормтрап. Первым по нему поднялся Логинов, за ним Бек, последним Макаров. Он тут же хлопнул Волошина по плечу:

— Понимаешь, как повезло! Рыскаем туда-сюда, никак не можем кашалота нащупать. И вдруг столкнулись с одним ну прямо нос к носу! Он пошел возле нас круги описывать. Проявим пленочку, сам увидишь. Потрясающее зрелище!

— Ну, а как... — Волошин неопределенно покрутил пальцами в воздухе.

— Что как?

— Вообще... погружение прошло?

— Порядок! Я же тебе рассказываю...

— И никаких... помех?

Я-то понимал, о чем допытывается Волошин: как они себя чувствовали в мезоскафе, когда его нащупал луч локатора.

— Какие помехи? Что я, первый раз ныряю, что ли? Все прошло отлично, сеанс наблюдений выдержан полностью, а пленочку привезли такую! Увидишь — ахнешь: глазки у него маленькие, а пасть раскрыл — вот-вот проглотит! Уникальные снимки, правду говорю. Лена обрадуется.

— Ладно, посмотрим, — ответил Волошин. — Только к вечеру тебе проявить не успеют.

— Это почему же? — возмутился Макаров. — Сейчас сам отнесу и не уйду из кинолаборатории, пока все не проявят в лучшем виде. Не хватало еще, чтобы они такую уникальную пленку заporоли.

— У них уже работы вот так, — сказал Волошин, красноречиво проведя себя ладонью по горлу. — Я тоже тут неплохую пленочку успел снять, можно сказать, уникальную.

— Подумаешь, что ты тут мог снимать! Твои кадрики пождут...

— Нет, Жан, мне больно тебя огорчать, но они уже в проявочной машине.

Макаров торопливо полез обратно на трап, видно, за пленкой. Волошин подмигнул мне и направился к Логинову, который, присев в сторонке на крышку светового люка, стаскивал с себя резиновые сапоги. Казимир Павлович уже куда-то исчез. Видно, рассказывать о погружении мне сейчас никто не станет. Придется подождать до вечера.

8. СИГНАЛЫ ИЗ ГЛУБИНЫ

По дороге в конференц-зал я задержал у дверей кинолаборатории Макарова. Вид у него был победный, настроение прекрасное. Видно, задал работы лаборантам. Но рассказывать он ничего не стал:

— Потерпите немного, все увидите. Это надо видеть!

В кинозале было уже тесно, словно на открытии международного фестиваля. Спасибо, Волошин занял мне местечко.

— Казимир Павлович, присаживайтесь с нами, мы потеснимся, — пригласил он проходившего мимо Бека.

— Благодарю, но мои химики обидятся, если я им изменю.

— Как ваши наблюдения, Казимир Павлович? — спросил я. — Есть что-нибудь интересное?

Бек слегка развел руками:

— Я не любитель поспешных выводов, а наша наука требует неторопливых анализов. Сегодня сенсаций мы ждем от Сергея Сергеевича...

— Ну, какие там сенсации, — отмахнулся Волошин. — Так... Некоторые наблюдения из области гидроакустики.

— Акустические способности кашалотов, конечно, любопытны, — неторопливо проговорил Казимир Павлович, — но тема ваших исследований, уважаемый Сергей Сергеевич, имеет уже длинную историю...

— Еще великий Леонардо... — перебил его Волошин.

— Вот именно. Еще Леонардо да Винчи первый предложил: «Если ты, будучи в море, опустишь в воду отверстие трубы, а второй конец ее приложишь к уху, то услышишь идущие вдали корабли...»

— Ну, конечно: великий Леонардо — отец бионики!

— Но признайтесь: конструкция ваших гидрофонов основана в точности на этом древнем принципе, а? — И торжествующий Бек, глуховато засмеявшись, пошел по проходу, высматривая свободное местечко.

— Хм. Он тоже припас что-то любопытное, — озабоченно покачал головой Волошин. — Но последнее слово все-таки останется за нами, — добавил он, интригуя, показав мне толстый сверток бумажной ленты, видимо, от прибора-самонписца, который держал в руках.

Первой показали пленку, снятую на мезоскафе во время погружения.

Признаться, на меня не произвели особенного впечатления эти мелькающие кадры. Они не давали представления о том, как выглядели рядом кашалот и мезоскаф. А мы это видели, не покидая корабля. Камера схватывала то один промелькнувший хвост кашалота, то просто какую-то крупную темную массу — ничего толком не поймешь.

Видимо, и сам Макаров почувствовал, что фурора его пленка не вызвала. Когда зажегся свет, он восторженно воскликнул:

— Уникальные кадры, верно?!

Но тут же, глянув на лица зрителей, уже совсем другим тоном добавил:

— Хотя, конечно, это надо было видеть своими глазами. Камера что? Она дура, в одну точку смотрит...

Елена Павловна потянула его за рукав:

— Садись, ты экран заслоняешь.

Встал Волошин. Весь его вид говорил о полном и не вызывающем никаких сомнений торжестве, и я ожидал, что

он, конечно, не удержится и закатит ликующую речь. Не в его характере упустить такой прекрасный повод. Но Волошин скромно сказал:

— Сейчас мы вам покажем несколько кадров, снятых с экрана пробного образца прибора. Прошу извинить за скверное качество изображения во многих местах. Как вы сами понимаете, это лишь рядовой опыт, и аппарат нуждается еще в доработке. Дайте, пожалуйста, пленку с начала. — И с легким поклоном он так же скромно сел.

Волошин не ошибся: успех был полный. Даже я, уже видевший эти поразительные кадры, заново смотрел со все возрастающим волнением, как луч локатора провожает кашалота в глубины океана, ни на миг не выпуская из своего поля зрения.

В зале стояла зачарованная тишина, лишь стрекотал проектор. Когда же звуковизор словно «раздел» кита и в один миг превратил его изображение в движущийся рентгеновский снимок, по залу прошелестел восторженный шумок — и опять сменился настороженной тишиной.

Но, пожалуй, еще большее восхищение вызвала сцена встречи кашалота с мезоскафом.

Вот снизу на экран начало вливаться стальное тело подводного корабля. Волошин не удержался и торопливо пояснил:

— Это мезоскаф! Смотрите внимательнее!

— Видим, — негромко ответил Логинов. К моему удивлению, Сергей Сергеевич почему-то сразу притих.

Когда с экрана исчезло последнее изображение и зажегся свет, я ожидал, что тут же начнется обсуждение увиденного. Все задвигались, зашумели, ученые, сидевшие группами по специальностям, оживленно переговаривались между собой.

Но встал Логинов и сказал:

— Прошу не спешить с выводами и оценками. Все желающие завтра получат возможность еще раз внимательно просмотреть интересные их кадры. Будет составлен специальный график просмотров. А сейчас коротенькое объединенное сообщение лабораторий биологии и биохимии. Кто будет докладывать?

— Казимир Павлович, — сказала Елена Павловна.

— Пожалуйста.

Логинов сел, и я услышал, как он шепотом спросил у сидевшего в соседнем ряду Макарова:

— Показания приборов фиксировались непрерывно?

— Конечно. Да ты же сам вел бортовой журнал.

— Я не об этом. Когда кончим, принеси мне, пожалуйста, все ленты с показаниями самописцев.

— Зачем?

— Ладно, потом объясню. Мы мешаем, — отмахнулся Логинов.

Бек уже стоял с указкой в руках у экрана и строго поглядывал в зал, требуя внимания.

— Я буду краток, — негромко сказал Казимир Павлович. — Мы успели с Еленой Павловной в первом приближении проанализировать данные о распределении планктона и изменениях солености воды за два часа, предшествовавших встрече с китами, и за то время, пока велись наблюдения в непосредственной близости от них. Данные хотя и довольно скудные, но, как нам кажется, любопытные. Прошу дать первый график.

На экране появилась какая-то цветная диаграмма, в которой я, конечно, ничего понять не мог. Приходилось рассчитывать только на объяснения Бека, но он тоже так и сыпал учеными терминами, стремительно водя указкой по диаграмме.

— Здесь отмечено возрастание солености, а тут — концентрация планктона. Прошу второй диапозитив.

Теперь на экране возникла, видимо, карта, насколько я мог догадаться по стрелке, указывавшей направление с юга на север в одном из углов. Никаких других ориентиров не было, потому что на карте был изображен кусочек безбрежного океана, где мы повстречали китов. Через всю карту тянулись голубые изолинии солености и красные — показывавшие распределение планктона. А эти примитивные фигурки, видимо, должны изображать резвящихся китов?

— Такой была обстановка, когда мы подошли к стаду кашалотов, — продолжал Казимир Павлович. — Прошу менять диапозитивы один за другим...

Рисунок цветных изолиний и расположение китов среди этих непонятных для меня узоров менялись с каждым кадром, а Бек только называл время:

— Двенадцать тридцать... Тринадцать часов... Тринадцать

пятнадцать... Вы видите, кашалоты идут все время строго перпендикулярно по отношению к изолиниям солености... Тринадцать тридцать... Четырнадцать часов пять минут, тут у нас вышла маленькая заминка со взятием проб, прошу извинить... Четырнадцать тридцать...

А когда кадры перестали сменяться и последний из них замер на экране, Казимир Павлович деловито закончил:

— Итак, видна совершенно определенная зависимость между увеличением солености, соответствующим ей распределением планктона, скоплением рыбы и движением кашалотов. Мне кажется, можно считать доказанным, что главным для этих китов служат при ориентировке в открытом море данные, полученные через хеморецепторы...

Казимир Павлович сделал небольшую паузу и добавил:

— Если учесть, что киты совершают в океанах постоянные миграции на такие же дальние расстояния, как и речные угри, и притом из года в год возвращаются в одни и те же излюбленные места, то полученные сегодня данные, по-моему, могут пролить свет и на главную загадку, которая всех нас интересует, и помогут разобраться, наконец, в навигационных способностях угрей. Благодарю вас за внимание!

Бек поклонился, положил указку и посмотрел на часы.

Экран померк. В зале загорелся свет.

Неужели случайная встреча с кашалотами приблизила нас к разгадке?

— Выходит, магнитная гипотеза опровергнута? — спросил я у Волошина, но тот только нетерпеливо отмахнулся и встал.

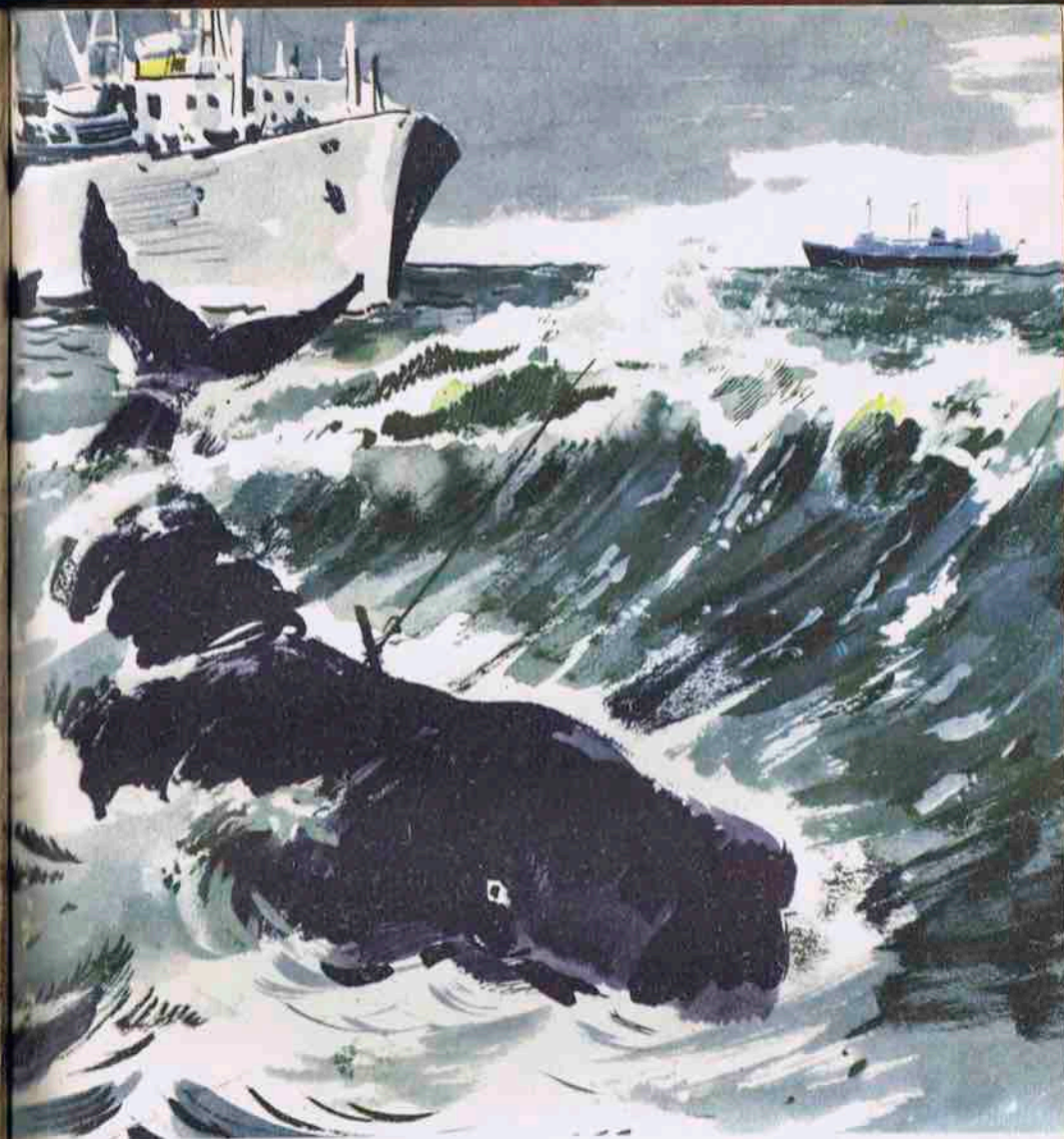
— Прошу слова, Андрей Васильевич, — сказал он.

— Сегодня мы спорить не будем, — покачал головой Логинов. — Давайте сначала внимательно изучим эти материалы. Они тоже будут предоставлены всем желающим в часы, установленные графиком. Мы и так засиделись...

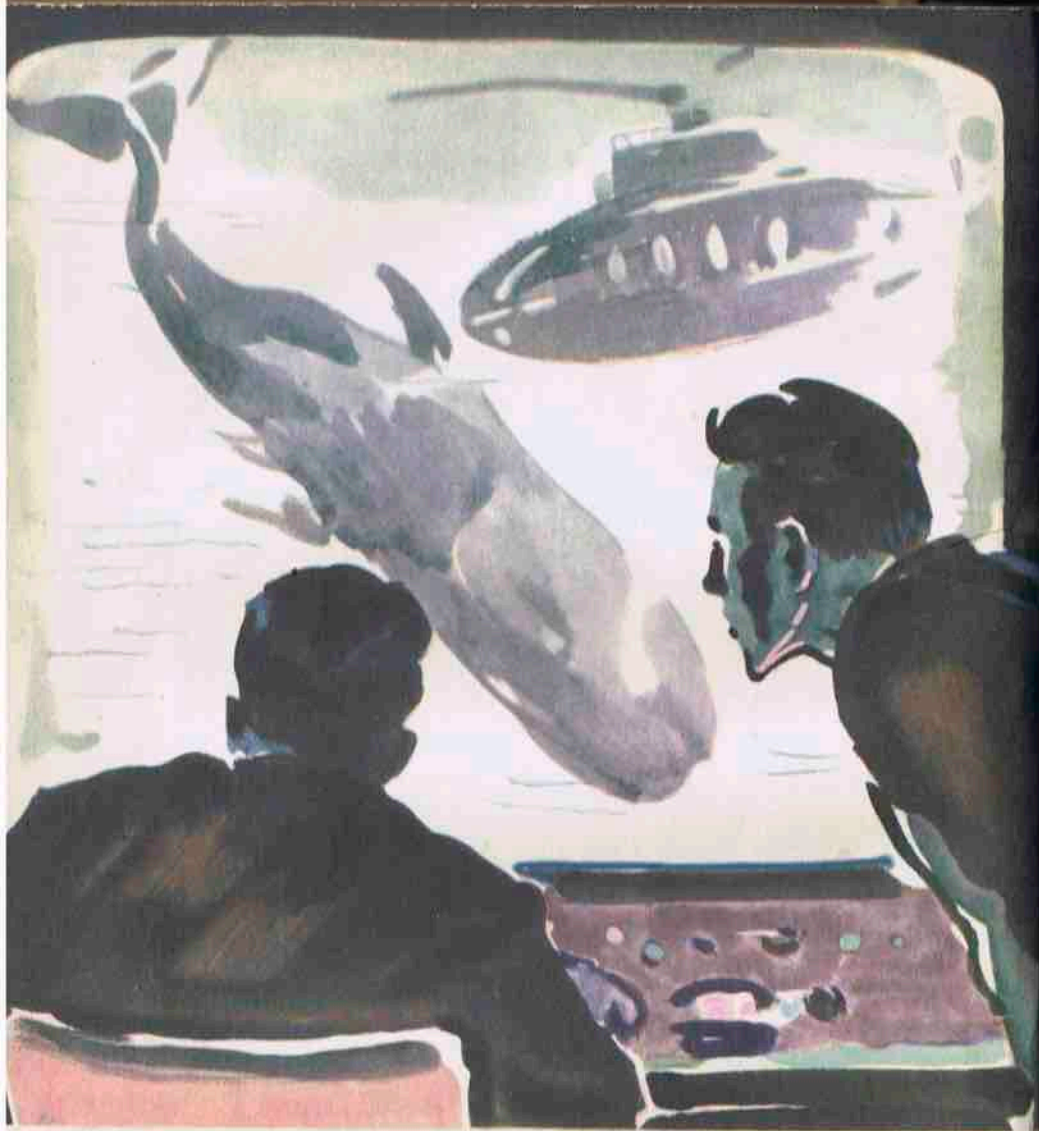
— А я и не собираюсь спорить, — перебил его Волошин. — У меня еще одно кратенькое сообщение, никак не связанное с наблюдениями Казимира Павловича, но, по-моему, не менее интересное.

— Хорошо. Только прошу вас покороче, Сергей Сергеевич, — сдался Логинов.

— Буду предельно краток и даже не стану подниматься на трибуну. Сегодня, во время наблюдений с помощью звуковизора над кашалотами, наш локатор случайно уловил

К стр. 82

К стр. 88

какие-то загадочные сигналы непонятного происхождения. Они повторялись примерно через каждые полторы секунды. Сначала сигнал, потом — эхо от дна моря. Снова сигнал — и опять эхо. Каждый сигнал длился около трети секунды, а высота тона достигала пятисот герц. Поскольку в судовых эхолотах такая частота не применяется и кроме «Богатыря» здесь не было никакого корабля, следует признать, что эхолокацией занималось какое-то живое существо, еще неизвестное науке. Ленту с записями сигналов я передаю для всеобщего изучения...

С этими словами Сергей Сергеевич поднял над головой туго свернутый рулон широкой бумажной ленты и добавил многозначительно:

— Предварительный анализ показывает, что эти сигналы весьма похожи на те, какие так же случайно удалось подслушать весной 1949 года исследовательскому судну «Атлантик» в районе глубоководной впадины Пуэрто-Рико. Совпадают и частота сигналов и длительность. Мне кажется, мы должны здесь задержаться и попробовать познакомиться поближе с этим загадочным обитателем глубин...

В зале поднялся шум.

— Сергей Сергеевич, а вы уверены, что эти сигналы подавал не ныряющий кашалот? — спросила Елена Павловна.

— Вы посмотрите запись и убедитесь сами. Сигналы резко отличаются от тех, какими пользуются кашалоты.

— Это морской змей! — насмешливо выкрикнул кто-то из задних рядов.

Шум в зале стал еще больше. Логинов встал и подождал, пока станет потише.

— Ваши материалы мы, конечно, внимательно изучим, Сергей Сергеевич, — сказал он. — Но задерживаться тут мы не можем. Хватит с нас и загадок речных угрей. Морского змея ловить не будем — разве только уж если он сам пожалует к нам в гости. Спокойной ночи!

Все, оживленно переговариваясь, начали расходиться. Волошин подошел к Логинову и затеял спор. Я еле успел поймать возле самой двери Елену Павловну и змолвил:

— Что же вы открыли сегодня, объясните мне человеческим языком! Я понимаю, что вы устали, Елена Павловна, но в двух словах...

— В двух словах? — она засмеялась. — По-моему, коро-

че, чем Казимир Павлович, не скажешь. Я нарочно упросила выступить именно его.

— Но вы мне без доказательств, просто самую суть.

Она пожала плечами.

— Да, суть действительно простая. Планктон в океанах образует скопления в тех местах, где соленость и температура воды больше всего подходят для его развития. Здесь же скапливается и рыба. И вот мы сегодня убедились, что, охотясь за рыбой, кашалоты тоже ориентируются по температуре и химическому составу воды...

— Который они анализируют какими-то таинственными хеморецепторами?

— Вот именно, — снова засмеялась Елена Павловна. — Видите, как вы уже хорошо разбираетесь.

— Но что это такое — хеморецепторы?

— Просто-напросто органы, служащие для восприятия химических веществ.

— Понятно. Но что же получается. Выходит, вы собственными руками помогли сегодня Казимиру Павловичу разрушить вашу магнитную гипотезу ориентировки угрей?

— Что поделаешь, так случается в науке, — пожала она плечами. — Но я не считаю, будто она опровергнута. То, что мы узнали о кашалотах, не обязательно должно распространяться и на угрей, тут я с Беком не согласна. Но, извините, я буквально валюсь с ног, так устала. До завтра!

Пожелав ей спокойной ночи, я стал искать Волошина, чтобы порасспросить хоть его. Но Сергей Сергеевич уже спал богатырским сном и храпел с какими-то особенно победными лихими переливами.

Утром он был настроен благодушно-иронически, как и полагалось герою дня. В ответ на мои расспросы величественно отмахнулся:

— А, чепуха одна, нечистый опыт, всего с десятков случайных анализов. Ну, на ближних дистанциях, допускаю, могут кашалоты что-то там унюхать в морской воде. Но как они находят дорогу за тысячи миль? Тут, Николаевич, никакое чутье не поможет. Да я с таким же успехом могу доказывать, будто кашалоты, а может и угри, ориентируются с помощью локации: прощупывают звуковыми сигналами глубину, рельеф дна и запоминают полученную «эхокарту». Может, этим и занимался вчера таинственный морской змей.

«Вот и еще одна гипотеза родилась», — с испугом подумал я и спросил:

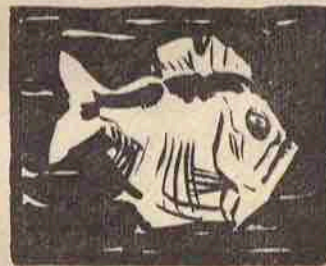
— А вы в самом деле верите, будто это был морской змей?

— Вполне возможно. Чтобы излучать такие сигналы, нужно иметь мощный источник. Напрасно Логинов отказался его поискать под водой, потом пожалеет об этом. Вы брейтесь скорее, уважаемый представитель всемогущей прессы, и пойдем выберем кадрик получше для вашей будущей книги. Брейтесь, брейтесь, я сейчас вернусь.

Но вернулся он через полчаса мрачнее тучи и, ничего не говоря, захватил какие-то бумаги и тут же ушел к себе в лабораторию.

Причину такой внезапной перемены его настроения я узнал, прочитав по дороге в столовую только вывешенный приказ начальника экспедиции. В нем «обращалось внимание зав. лабораторией новой техники С. С. Волошина на недопустимую небрежность, допущенную при наблюдениях за мезоскафом с помощью недостаточно проверенных приборов...».

Однако Логинов тоже строг!

9. ПРИЗРАК В ОКЕАНЕ

— Ну, сегодня я, кажется, дам вам еще одну лишнюю возможность убедиться в моей безграничной доброте, — многозначительно сказал Сергей Сергеевич однажды утром. — Последние дни вы относились ко мне с должной почтительностью, не прекословили, не допускали клеветнических выпадов и циничных намеков. И если дадите торжественную клятву вести себя так же и впредь плюс согласитесь три дня подряд вне очереди поддерживать чистоту в каюте, то я, может быть, и предоставлю вам единственную в мире возможность взглянуть на Саргассово море с высоты птичьего полета...

— Вы собираетесь лететь на дирижабле?! — прервал я его монолог.

— Ваша редкая проищательность делает вам честь.

— И возьмете меня?!

— Сначала я бы хотел услышать клятву.

— Клянусь!

— Конкретнее.

— Клянусь быть вежливым, внимательным и послушным...

— И три дня подряд, не вступая ни в какие пререкания, безоговорочно убирать каюту и стирать пыль с иллюминаторов и всяких медных штучек, чтобы они блестели, яко золотые.

— Сергей Сергеевич, это уж слишком! — взмолился я.

— Тогда нам не о чем говорить.

— Клянусь!!!

Волошин посмотрел на меня с явным сомнением, потом задумчиво сказал:

— Надо бы вас заставить клясться по-ростовски, да вы не сумеете...

— Это еще как?

— Семь раз нараспев, чтобы сомнения рассеялись. Но сразу вы не сумеете, а учить — времени нет. Придется поверить так. Ладно, даю вам полчаса на все сборы, бритье и завтрак. Если опоздаете, пеняйте на свою несчастливую звезду.

Я выскочил на палубу уже через пятнадцать минут, набегу дожевывая завтрак. День солнечный и совершенно безветренный. Повсюду среди ярко-голубой воды виднелись коричневатые пятна. Это были плавучие островки из знаменитых саргассовых водорослей.

Вот уже второй день мы плыли по спокойной и безмятежной глади Саргассова моря. Об этом удивительном море без берегов посреди Атлантического океана столько написано, что тем для разговоров на баке было предостаточно. Кто, свесившись через борт, пытался углядеть в прозрачной воде развалины легендарной Атлантиды — ведь существуют же гипотезы, будто она затонула именно здесь и плавающие водоросли — это остатки ее зеленых лугов...

Другие высматривали корабли-призраки, покинутые командой и ставшие пленниками Саргассова моря, — о них тоже сложено немало легенд.

— А что? Наматываются водоросли на винт, вот тебе и в капкане, — рассуждали матросы.

Я надеялся найти даже целый Остров погибших кораблей — помните, который описал в одном из романов Александр Беляев.

Но Волошин, конечно, поторопился развеять мои «романтические бредни», как он их называет.

— Липа, — насмешливо сказал он. — Типичная писательская выдумка, игра необузданной фантазии. Все эти кошмарные истории о кораблях, потерявших ход из-за того, что на их винты намотались водоросли, и сделали их вечными пленниками Саргассова моря, существуют только в вашем воображении. Водорослей тут много, но нигде они не образуют сплошных полей и не могут даже сколько-нибудь заметно замедлить ход корабля.

— Да, это совершенно не соответствует действительности, — поддержал его Казимир Павлович Бек. — И знаете, почему водоросли не могут тут слишком сильно разрастись, хотя на первый взгляд для них существуют самые благоприятные условия: спокойная вода, почти не тревожимая штормами, высокая температура, даже зимой не падающая ниже семнадцати градусов Цельсия? Беда в том, что вода здесь поразительно бедна питательными солями. Посмотрите, как она чиста и прозрачна. Саргассово море славится самой чистой водой во всем Мировом океане. Но для водорослей это плохо.

— Ясно? — снова взялся за меня Волошин. — Химия в лице нашего уважаемого Казимира Павловича безжалостно разрушила еще одну поэтическую легенду. Так наука, разжигая светоч знания, постепенно совсем оставит вас без хлеба, не о чем станет писать с восклицательными знаками и зловещими заголовками: «Кладбище Погибших Кораблей» — каждое слово непременно с большой буквы.

— Ну, а чем же тогда объяснить, что именно в Саргассовом море часто встречаются обломки затонувших кораблей? — не сдавался я. — Я читал об этом не в приключенческих романах, а в таком солидном труде, как «Океанография» Шокальского.

— А на какой странице? — хитро прищурился Волошин.

— Не помню. Вы что, мне не верите? Могу сходить вниз и принести книгу, — обиделся я.

— Верю, но только хочу уточнить, обратили ли вы внимание, в каком именно разделе пишет об этих кораблях академик Шокальский?

— Кажется, в разделе о течениях...

— Ага! Вот именно, — торжествующе подхватил Воло-

шин. — Именно кольцевая система морских течений, создавшая это уникальное море посреди безбрежного океана, и загоняет сюда тонущие корабли. А водоросли тут решительно ни при чем.

Но я все-таки не терял в глубине души надежды, что где-нибудь в центре Саргассова моря мы наткнемся на сплошные «поля» водорослей, а если уж совсем повезет — найдем и полузатопленный мрачный остов хоть одного пропавшего без вести корабля и сможем раскрыть, наконец, миру тайну его исчезновения.

Когда я сегодня окинул взглядом море с высоты палубы, мне показалось, будто водорослей стало вокруг больше. Некоторые островки тянулись на добрых полкилометра. А что мы увидим с высоты птичьего полета?

С приходом в Саргассово море для ученых началась самая горячая пора. Нужно было точно установить места нерестилищ и попытаться выяснить, почему угри облюбовали именно их и как находят к ним дорогу. Здесь, в сравнительно ограниченном районе, магнитные воздействия вряд ли могли служить надежным ориентиром. Они ведь почти не менялись. Тем вероятнее казалось, что на ближних подходах к местам нереста угри должны ориентироваться по малейшим изменениям температуры и солености воды — видимо, так же, как и кашалоты. Наблюдения над китами, проведенные Бекон, давали веские основания для таких предположений.

Но их предстояло тщательно проверить. Чтобы охватить исследованиями площадь побольше, наши ученые почти каждый день совершали длительные полеты на дирижабле.

Казимир Павлович не пропускал ни одного рейса. Но сегодня ему нездоровилось: перегрелся вчера на солнце. Врачи запретили ему лететь. Кажется, найдется, наконец, в гондоле местечко для меня и представится возможность увидеть Саргассово море с птичьего полета.

Я поспешил на корму, где на просторной площадке рядом с мезоскафом уже полным ходом шла подготовка дирижабля к полету. К гондоле прикрепили легкую и прочную оболочку из какой-то «уникальной синтетики», как называл ее Волошин.

Непривычно строгий и деловитый Волошин отдавал короткие приказания техникам и матросам, суетившимся вокруг оболочки, которая постепенно наполнялась газом, под-

нималась все выше над палубой и уже обрела строгие очертания.

Вот она наполнилась почти уже целиком...

Постепенно отпуская тросы, ей дали подняться к верхушке мачты и там закрепили швартовыми. Еще несколько минут — и над палубой повис готовый к полету воздушный корабль, почти не уступавший «Богатырю» своими размерами!

Волошин уже давно был в гондоле, опробовал с механиком Петей моторы.

— Поторапливайтесь! — крикнул он, высунувшись из дверцы гондолы.

Первой полезла наверх Елена Павловна. За ней двинулся Макаров, с наигранной тревогой спросив у Логинова:

— Лесенка-то выдержит? Не хотелось бы загреметь, еще не поднявшись в воздух.

Вот и Логинов готовится подняться в кабину, на прощание что-то наказывая капитану. Неужели меня не возьмут?!

— Андрей Васильевич, Волошин мне обещал! — умоляюще сказал я, потянув Логинова за рукав.

— А почему вы еще здесь? — удивился он. — Я думал, вы давно наверху.

Я полез по качающейся лесенке.

Смотреть на палубу с высоты мачты, раскачивавшейся, словно былинка под ветром, было не очень приятно. Я поспешил перевести взгляд на океан, сверкавший вокруг под солнцем. Но полюбоваться им не удалось. Волошин не слишком вежливо схватил меня за воротник куртки и почти втащил в кабину, ворча:

— Нашли время собирать впечатления. И так безбожно затанули вылет.

Высунувшись в дверцу, он крикнул:

— Андрей Васильевич, вылетаем без вас!

Через минуту в гондолу поднялся и Логинов. Мы кое-как расселись — кто на откидных скамеечках, кто просто на мешках, наваленных вдоль стен. Сергей Сергеевич, окинув нас критическим взглядом, занял свое командирское место рядом с мотористом и скомандовал:

— Дать свободу!

— Есть дать свободу! — гаркнул почему-то во всю силу моторист, видимо, для вящей торжественности момента.

И ничего не произошло. Было тихо, спокойно, только как будто небольшая тяжесть навалилась мне на плечи.

Лишь глянув в окошко, я понял, что мы поднимаемся. Корабль уже был где-то далеко внизу и стал изящной игрушкой, а мачта его, по которой я только что карабкался, казалась теперь не толще спички.

Мы возносились в небеса еще более плавно и без всякого шума, чем если бы поднимались в скоростном лифте.

Я летал на самолетах разных типов, на вертолетах, но это ощущение было совершенно новым и необычным. Оно не изменилось и когда подъем прекратился и заработали моторы. Моторы не ревели над самым ухом, как в вертолете, гондола не вибрировала — в самом деле, наш полет над океаном больше всего напоминал свободное и легкое парение птиц.

Конечно, все, кроме меня, уже не раз летали на этом чудесном воздушном корабле, но все-таки Волошин не удержался:

— Ну что, разве сравнишь с вертолетом? А сколько крови испортил, пока убедил Ученый совет...

— Зато тем приятнее теперь ощущать, что вы были правы, — невозмутимо ответил ему Логинов.

Сергей Сергеевич хотел сказать, видимо, что-то весьма ядовитое, но поперхнулся от возмущения, махнул рукой и отвернулся.

Для научных полетов, в самом деле, ничего лучше не придумаешь. В гондоле просторно, хотя немало места занимает уже надутая, готовая к спуску на воду в случае аварии вместительная резиновая лодка. Она выкрашена в яркий красный цвет, чтобы заметить издалека. Возле лодки также наготове стоят хорошо упакованная аварийная рация, неприкосновенный запас продовольствия и большой анкерок — овальный дубовый бочонок с пресной водой. Надеюсь, что нам все это не понадобится...

Летели мы не слишком быстро и несколько раз делали остановки для научных исследований. Дирижабль снижался, зависал над самой водой, и с него опускали приборы, чтобы определить температуру, соленость и взять пробы с разной глубины. Кроме того, мы старались выяснить, есть ли в этом месте электрические токи в морской воде, хотя бы слабые, и на какой глубине, и измеряли напряженность маг-

нитного поля. Такая обширная программа наблюдений давала материал для проверки самых различных гипотез.

Работы у нас у всех было много. Каждая научная «станция» занимала не меньше часа.

А Сергей Сергеевич ухитрялся еще решать свои особые проблемы. Каждую остановку он использовал для того, чтобы прощупывать глубины моря портативным звуковым локатором.

— Это очень важно — изучить возможности звуковидения на границе двух сред: воздушной и водяной, — сказал он мне.

Но более подробные пояснения пришлось отложить до возвращения. Опыты были сложные, Волошин даже с помощью Пети едва успевал управляться с бесчисленными приборами.

А потом мы опять поднимались в небо и летели дальше.

Окна широкие, обзор великолепный. Правда, картина довольно однообразна: до самого горизонта голубая спокойная гладь, кое-где оживляемая бурными плавучими островками водорослей. Вдали она словно сливалась с небом, и возникало странное чувство, словно мы летим где-то внутри громадного шара.

— Высматриваете кладбище погибших кораблей? — спросил меня Волошин. — Из вас, кажется, выйдет неплохой впередсмотрящий, надо будет сказать капитану, чтобы назначал вас на вахту.

Он сел рядом со мной и тоже стал смотреть на море, сверкавшее под солнцем. Мерно гудели моторы. У другого окна беседовали Логинов и Елена Павловна. Судя по делявшимся до меня отдельным фразам, они говорили все о том же — о загадке ориентации угрей.

Она не прояснялась. Наоборот, многие данные противоречили друг другу и сбивали с толку. В некоторых местах, где мы брали пробы, угри шли к местам нереста в сторону возрастающей солености воды, а кое-где наоборот. Течений, которыми они могли бы руководствоваться, здесь, в самом центре Саргассова моря, не было вовсе. Температура тоже колебалась в разных местах лишь совсем незначительно. Но и магнитные силовые линии, похоже, вовсе не подсказывали угрям дорогу к нерестилищам: мы встречали скопления угрей, двигавшихся и на юг и на запад.

Может быть, их в самом деле ведут в глубинах океана

какие-то неуловимые запахи, тончайшие отличия в химическом составе воды?

Макаров, кажется, решил отдохнуть от этих сплошных загадок. Он сидел в дальнем углу гондолы и слегка подремывал, пригревшись на солнце.

— Вы будете смеяться, но, по-моему, это все-таки корабль, — сказал я с торжеством Волошину. — И кажется, погибший.

— Где?

— Вон видите темную точку справа по курсу?

— Не вижу.

— А я слежу за ней уже давно, но она не движется. Дыма не заметно, хоть это явно не парусник.

Сергей Сергеевич с недоверием посмотрел на меня, потом взял бинокль, висевший на стенке гондолы.

— А у вас хорошее зрение, — одобрительно заметил он, не отнимая бинокля от глаз.

— Корабль?

— Да. И полузатонувший, едва выступает из воды. Как это вы его углядели?

— А что с ним случилось? Давайте подлетим поближе и осмотрим его.

— Я-то всегда готов, как пионер. — Волошин повернулся к Логинову: — Андрей Васильевич, справа по курсу замечено какое-то странное судно, видимо покинутое командой. Надо бы осмотреть.

— Где? Где? — сразу проснулся Макаров.

Все столпились в носовой части гондолы.

Дирижабль накренился. Волошин заворчал на нас, требуя, чтобы мы «не нарушали дифференцировку и рассредоточились».

Мне пришлось отойти к другому окну, корабль отсюда, к сожалению, стало видно хуже.

— Странно, что люди покинули судно, хотя оно еще держится на плаву, — сказал Волошин Логинову, рассматривавшему корабль в бинокль. — Интересно, что там могло произойти? И может, кто-нибудь еще остался, нуждается в помощи?

Логинов опустил бинокль, посмотрел на Волошина и, усмехнувшись, ответил:

— Сергей Сергеевич, я вас так давно и хорошо знаю,

что должны бы вы привыкнуть... Напрасно вы разжигаете во мне романтические надежды. Но давайте все-таки подлетим к нему. Хотя бы для того, чтобы точно определить координаты и оповестить другие суда. На такое полузатопленное судно напороться кому-нибудь ночью будет не очень приятно.

— Верно, — согласился Волошин, поспешно переключая рули. — Но и осмотреть его стоит. Такой корабль, покинутый командой, но почему-то не затонувший, всегда таит какую-нибудь загадку...

— Наверное, такие корабли-призраки и породили легенду о «Летучем голландце», — поддержал его от своего окна Макаров.

Он тут же рассказал вычитанную где-то загадочную историю английского парусника «Малборо», пропавшего без вести у мыса Горн в 1890 году. А почти через четверть века — уже в 1913 году — его неожиданно встретили в тех же краях. Корабль шел под всеми парусами. Он был в полном порядке. Все находилось на своих местах, никаких признаков тревоги или катастрофы.

Экипаж не покидал корабля. В каютах обнаружили шесть скелетов в истлевшей одежде. Тринадцать скелетов находились на палубе в разных местах, словно продолжая нести вахту, а один лежал у штурвала.

— Тайна так и осталась нераскрытой, — закончил свой рассказ Макаров. — Вахтенный журнал заплесневел и буквально оброс мохом, ни одной записи разобрать не удалось. Все другие бумаги за четверть века источили, съели всякие тропические насекомые.

— А это не сказки? — спросила Елена Павловна.

— Официальный рапорт моряков, обнаруживших этот корабль-призрак, был потом запротоколирован британским адмиралтейством и опубликован.

— Но что же с ними могло случиться? Массовое отравление?

— Ты биолог и, возможно, высказала самую правильную догадку. Она выдвигалась в свое время. Но были и другие версии — вплоть до всяких суеверных выдумок, потому что десять матросов все-таки куда-то исчезли, их скелетов не нашли. Может быть, они высадились на какой-то остров,

а может, их тела просто смыло за борт за четверть века скитаний мертвого корабля в океане...

— Занятная история, — подхватил Волошин. — И вот это-то, пожалуй, самое интересное: как уцелело судно за эти годы? Ведь сколько штормов его наверняка терзало! Район мыса Горн печально славится в этом отношении. Может, парусник без команды за это время даже не один раз обошел вокруг света...

Я тоже вспомнил подходящую историю, которую вычитал в каком-то журнале — кажется, в «Науке и жизни», так что доверять ей, наверное, можно, — и поспешил рассказать ее.

Это была поразительная история другого английского парусника «Минерва», и произошла она в середине прошлого века. «Минерва» вышла из порта Гамильтон на Бермудских островах. Ей предстояло пересечь два океана, обогнуть Африку и доставить груз на Дальний Восток. Это был трудный и опасный путь, и никто особенно не удивился, когда парусник пропал без вести.

Поразительным было то, что через несколько лет, когда ее уже все перестали ждать, «Минерва» вернулась в тот же порт Гамильтон, откуда в свое время вышла в далекое плавание. Но корабль был совершенно пуст. На нем не оказалось ни одного человека.

Что случилось с экипажем «Минервы» — так и осталось тайной, одной из многих загадок моря. Последняя запись в дневнике капитана, найденном в его каюте, была сделана больше года назад. Она оказалась совершенно будничной, неинтересной.

Высказывалось предположение, что «Минерва» на обратном пути попала где-нибудь в Индийском океане в сильнейший шторм. Были ли все моряки смыты за борт или хотя часть их успела в спешке спустить шлюпки, опасаясь, что парусник вскоре утонет, никто этого уже не расскажет.

Но океан был все-таки милостив к «Минерве». Через тысячи миль ветры и течения привели ее в конце концов в родную гавань!

Моя история, по-моему, была не менее интересной и необычной, чем рассказанная Макаровым. Но окончание ее все слушали уже невнимательно, потому что дирижабль приближался к загадочному мертвому судну, которое уже не в легендах, а наяву, на наших глазах, непонятно почему по-

кинутое людьми, упрямо продолжало странствовать по морю и не желало тонуть.

А может, оно еще только терпит бедствие и на нем кто-нибудь есть, ждет помощи?..

Судно было довольно большим, хотя точно определить его размеры не удавалось, потому что над водой поднимались лишь мачты, труба, капитанский мостик да носовая часть палубы.

Никаких признаков жизни. Никто не выбежал на рокот наших моторов.

— Ни одной шлюпки. Видно, успели спастись, — пробормотал Макаров.

Дирижабль сделал круг, и мы прочли название судна, выведенное крупными белыми буквами по-английски на боку мостика: «Дункан».

— Похоже, что грузовое, — сказал Волошин. — Будем снижаться?

Логинов смотрел на Волошина и задумчиво молчал, привычным жестом поглаживая щеку.

— Не беспокойтесь, мачта послужит нам отличным причалом — как дома, на «Богатыре», закрепимся.

— А стоит ли? Разве вы не можете точно определиться без посадки?

— Координаты снять я могу, конечно, не садясь, — пожал плечами Волошин. — Но ведь хотелось бы немного узнать и о судьбе этого «Дункана». Обидно оставлять тайну для разгадки другим.

Логинов улыбнулся, покачал головой:

— Вы неисправимы. Ладно, садимся.

Сергей Сергеевич не преувеличивал: посадка оказалась довольно несложной и заняла всего с полчаса.

Сначала Волошин осторожно подвел дирижабль к мачте, и мы повисли метрах в трех над нею. Сбросили веревочную лесенку, и худенький, долговязый Петя (по своему росту, что ли, подбирает Волошин себе помощников?) спустился по ней на марсовую площадку мачты. Ему сбросили швартовый конец, и дирижабль прочно прикрепили к этой импровизированной причальной мачте. Теперь, когда выключили моторы, он замер в воздухе совершенно неподвижно, словно флюгер в тихий, безветренный день.

Один за другим мы перебрались по качающейся лесенке

на марсовую площадку — первым Логинов, потом Макаров, за ним я. Сергей Сергеевич спустился последним.

Елена Павловна не захотела осматривать покинутый корабль.

— Я лучше здесь посижу, в кабине. Только вы не долго, — попросила она.

Как ни хотелось механику Пете присоединиться к нам, ему тоже пришлось на всякий случай остаться в гондоле.

Чтобы добраться до мостика по залитой водой палубе, нам пришлось разуться.

— Крепко им досталось, — сказал Волошин, показывая на погнутые леерные стойки и глубокую вмятину в стальном боку рубки.

Все иллюминаторы в рубке разбиты — видно, «Дункан» испытал жестокую встряску.

Но ведь он не затонул. Почему же покинула его команда?

Надеясь разгадать эту тайну, мы обшарили всю рубку, но тщетно. Никаких карт и вахтенных журналов. Судовой сейф открыт и пуст, все бумаги из него забрали. Видно, у покидавших судно было время на сборы. Пусто оказалось и в радиорубке.

Сергей Сергеевич покрутил рукоятки передатчика и вздохнул:

— Заржавела машина... А стоит по-прежнему на аварийной волне.

Проникнуть в каюты было нельзя: во всех люках, куда мы ни заглядывали, тускло мерцала темная вода. Она не плескалась, словно мы смотрели в колодцы, — мертвая, тревожная гладь.

Вдруг над нашими головами, заставив всех вздрогнуть, тревожно взвыла сирена.

Петя, высунувшись из окна гондолы, что-то кричал и показывал на восток. Мы все повернулись в ту сторону и обмерли.

Небо над морем было словно перечеркнуто зловещей черной полосой. И полоса эта на глазах становилась все шире и шире...

— Гроза идет! — первым сообразил Волошин. — Быстро наверх!

Шлепая по теплой воде и скользя по обросшей водорослями палубе, мы бросились к мачте. Макаров уже ухватился

за нижнюю скобу трапа и хотел подниматься, но Волошин остановил его:

— Ничего не выйдет. Уйти не успеем. Смотрите, как быстро она приближается.

Полоса уже закрыла полнеба.

— Здесь переждать будет все-таки надежнее, — сказал Волошин и, сложив ладони рупором, закричал, задрвав голову: — Елена Павловна, быстро спускайтесь к нам!

— Не торопи ее, а то еще сорвется, — остановил его Макаров.

— Пожалуй, ты прав, Ваня. — Волошин задумался на миг, потом закричал снова: — Отставить спускаться, слышите, Елена Павловна! Петя, давай быстро люльку! Сажай в нее Елену Павловну и спускай. Быстро, но осторожно!

— Вы ее принимайте тут, а я не стану терять времени, полезу, — добавил он, хватаясь за скобу.

— Постой, а тебе что там делать? — спросил Логинов.

— Сменю Петю.

— И будешь там сидеть?

— Командир всегда должен оставаться на борту.

— А если трахнет в твой дирижабль молния? — сказал Макаров. — Смотри, как сверкает на горизонте.

— Ну, вероятность прямого попадания невелика, к тому же мачта металлическая, сыграет роль громоотвода. А гелий — не водород, взорваться не может.

Логинов все держал его за локоть.

— Надо, Андрей Васильевич, — твердо сказал Волошин, освобождая руку. — Мое место там.

И он стал быстро карабкаться на мачту, крикнув нам уже сверху:

— Принимайте Елену Павловну!

С дирижабля на длинном тросе плавно спускалась небольшая люлька из парусины. Из нее выглядывала Елена Павловна и качала головой.

Туча уже закрыла солнце, и сразу стало прохладно. Но в воздухе по-прежнему не ощущалось ни малейшего ветерка.

Мы бережно подхватили люльку, и через минуту Елена Павловна была с нами.

Люлька снова вознеслась наверх, чтобы теперь спустить к нам Петю.

К стр. 110

К стр. 124

Он уже преодолел добрую половину пути, когда хлынул ливень.

Сначала мы услышали странный треск, словно телега ехала по сухому валежнику. Он все нарастал, приближался...

И вдруг на нас обрушился шквал. Плотная струя холодного воздуха ударила меня в грудь, сорвала и умчала козынку с головы Елены Павловны.

От удара жалобно запели ванты, и люлька начала маятаться как маятник...

А затем словно небо лопнуло у нас над головами и в эту дыру хлынул настоящий водопад. Мы в миг промокли до последней нитки.

Макаров подтолкнул жену к рубке, а сам бросился помогать нам с Логиновым ловить качавшуюся люльку.

Она все-таки успела несколько раз удариться о мачту, и Петя набил здоровенный «фонарь» под левым глазом.

Вытащив его из люльки, мы все поспешили укрыться в рубке.

При вспышках молний мы пытались рассмотреть дирижабль. Он был пока цел, лишь крутился то в одну сторону, то в другую вокруг мачты под ударами ветра и дождя. Какое там сейчас приходится Волошину?!

А если в дирижабль в самом деле угодит молния?

Молнии сверкали непрерывно, порой сливаясь в длинное ослепительное сияние. Они рассекали черное небо во всех направлениях, то вонзаясь отвесно в море, то словно паря над ним, то сверкая как-то наискосок, будто перечеркивая своими огненными зигзагами окружившую нас тучу.

10. УМЕЛЫЙ ВЗРЫВ

Гроза бушевала шесть часов! Шесть бесконечных часов мы стояли по колено в воде, сгрудившись потеснее в рубке покинутого, мертвого корабля, а стихия все не унималась.

Мы почти не разговаривали. Тщетно было пытаться перекрыть раскаты грома, сливавшиеся в сплошной гул, и грохот ливня.

Логинов все чаще с тревогой посматривал на часы, поднося их к самым глазам.

— На «Богатыре» беспокоятся? — прокричал ему Макаров. Логинов кивнул.

— Волошин, наверное, пытается связаться с ними!

— Вряд ли его услышат. Сплошные разряды! — крикнул в ответ Логинов.

Интересно все-таки, как давно скитается среди океана это брошенное судно? Несколько месяцев? Или лет? Жалко, мы так этого и не узнаем...

А не доконает ли его этот бе-

шенный ливень? Волны, правда, нет. Но ведь сколько воды вылилось с неба! Может, этот ливень и окажется той последней «каплей», от которой «Дункан» пойдет ко дну?

Я заметил, как встревоженно озирается по сторонам Елена Павловна, и понял, что не одного меня одолевают подобные мысли. Наверное, и ей кажется, что вода в рубке будто прибывает...

Но раз уж Елена Павловна молчит, я не стану задавать тревожных вопросов.

Наконец гроза как будто стала уходить. Молнии сверкали реже, и раскаты грома отставали от них, запаздывали.

— Становится светлее, верно? — спросил меня с надеждой Петя и высунулся из рубки.

И тут же вдруг неистово закричал:

— Дирижабль горит!

Мы все выскочили на палубу и задрали головы вверх. Дирижабль охвачен пламенем!

Но это не было живое и тревожно мечущееся пламя пожара. Пламя, охватившее дирижабль, было голубоватым, холодным, мерцающим. В некоторых местах оно словно свисало вниз длинными трепещущими языками.

Вся в голубоватом пламени была и верхушка мачты. С нее во все стороны рассыпались искры...

— Что же ты панику поднимаешь? — укоризненно сказал Пете Макаров. — Пожар! Пожар! Это самые обыкновенные огни святого Эльма. Слишком много электричества в воздухе скопилось, вот оно и нашло разрядку...

— А что с Сергеем Сергеевичем? — жалобно перебил его Петя.

Макаров сложил ладони рупором и зычно крикнул:

— Эге-гей, Сережа! Как ты там?

Никто не ответил.

Мы переглянулись. Макаров уже приготовился крикнуть снова, погромче, но тут из окна гондолы высунулся Волошин...

— Смотрите, у него голова горит! — ахнула Елена Павловна.

— Ну вот, опять, — заворчал Макаров. — Не горит, а светится, просто искры с волос слетают. Элементарное физическое явление.

— А это не опасно? — озабоченно спросила его жена.

Вместо ответа Макаров крикнул Волошину:

— Как ты там, ничего?

— Порядок, только дотронуться ни до чего не могу. Боясь, весь в искры... — не докончив фразы, Сергей Сергеевич поспешно скрылся.

Через минуту он появился в окне снова, крикнул:

— Мне тут надо техникой заняться, потерпите! — и исчез в глубине гондолы уже надолго.

Сияние вокруг дирижабля вскоре погасло — сразу, словно его выключили. Но темнее не стало. Туча уже постепенно освобождала небо.

— Интересно, связался ли он с «Богатырем»? — проговорил Макаров, вытирая платком мокрое лицо.

— Меня тоже это сейчас больше всего беспокоит, — хмуро отозвался Логинов. — Вот что... Я полезу к нему.

— Подождите еще немного, скоро утихнет, — сказала Елена Павловна.

— Или воспользуйся хотя бы люлькой, — поддержал жену Макаров. — Крикни, и Сережа ее тебе спустит.

— Ну, в люльке сейчас так укачает, что голова кругом пойдет, — отмахнулся Логинов, побрел по колено в воде к мачте и начал взбираться на нее.

Поднялся он благополучно. Мы видели, как Волошин помог ему забраться в гондолу дирижабля.

Дождь и ветер прекратились так же внезапно, как и налетели на нас. Снова весело засияло солнце, успевшее уже спуститься почти до самого горизонта, а от грозовой тучи остались лишь три точки, темневшие вдали, на краю неба.

— Надо скорее возвращаться, вечерет, — озабоченно сказала Елена Павловна, пытаясь причесаться, используя вместо зеркала осколок стекла, оставшийся в одном из иллюминаторов. — На «Богатыре», наверное, переживают, ужас!

Мы уже хотели вызывать люльку — карабкаться по мокрой мачте никому не хотелось, но Логинов спустился обратно вниз и озабоченно сказал, что вылететь скоро не удастся.

— Что-то у него там замкнуло при электрическом разряде, придется ремонтировать. Петя, давай наверх, поможешь Волошину.

— А с «Богатырем» ему удалось хоть связаться? — спросил Макаров.

— Неизвестно. Он несколько раз передал наши координаты и сообщил, что задерживаемся из-за грозы, но никакого ответа не получил, мешали сильные разряды. А потом связь прервалась.

— Значит, придется здесь ночевать, — вздохнула Елена Павловна. — Неуютно.

Логинов привез с собой в люльке бутербродов и пирожков, термосы с еще теплым кофе. Но мы все решили податься в гондолу и поужинать уже там. Ночевать на мертвом корабле никому не хотелось, да и негде было — всюду подступала вода.

Один за другим мы поднялись в люльке в гондолу дирижабля. Здесь было сухо и уютно, только сильно пахло жженой резиной.

Сергей Сергеевич возился с мотором и исправлял поврежденное разрядом оборудование. Петя пытался наладить передатчик, тоже вышедший из строя. Они прервали ненадолго работу, чтобы закусить вместе с нами.

Заканчивали ужин мы уже в темноте, быстро упавшей на море. Экономя энергию, Волошин включил только две переносные лампочки, чтобы можно было вести ремонт. А нам не оставалось ничего другого, как улечься спать прямо на полу гондолы. Елену Павловну уложили в резиновую спасательную лодку — все-таки немножко помягче и поуютнее.

Лежать на полу было неудобно. Но усталость и нервное напряжение взяли свое, и я быстро уснул. Последней запомнившейся мыслью было: «Как странно, наверное, выглядят эти два тусклых огонька, словно повисших в ночном небе над морем, если их увидят с проходящего мимо корабля... Но кто и зачем заплывет в этот глухой уголок Саргассова моря?..»

Несколько раз за ночь, переворачиваясь с боку на бок, я смутно видел, что Волошин и Петя все возятся с аппаратурой. Один раз возле них вроде оказался Логинов, но я снова тут же заснул.

Проснулся я от громких голосов.

— Андрей Васильевич, «Богатырь»! — это кричал Петя.

— Где? Верно. Сергей Сергеевич, надо бы подать им сигнал. Этих огоньков они могут не заметить.

— Сейчас включу прожектор. Хотя уже светает, толку мало.

Я торопливо вскочил и, протирая глаза, подошел к окну. Брезжил рассвет, но звезды еще отчетливо сияли в светлевшем небе.

А вдали сверкали три цветных огонька: зеленый, красный и — немножко повыше над ними — белый. Они казались неподвижными, как звезды. Но это, несомненно, были ходовые огни корабля, плывшего к нам.

— Это не «Богатырь», — сказал Логинов. — Огни слишком невысоко над водой.

— Да, похоже. Но идет к нам. Кто бы это мог быть? Сейчас я ему посигналию. — Волошин начал включать и выключать прожектор, словно сигнальный фонарь — ратьер.

В ответ рядом с красным огоньком замигал еще один — белый.

— Отвечают по-английски, — сказал Логинов. — Запрашивают, какая нужна помощь.

Волошин кивнул и снова задумчиво повторил:

— Кто же это может быть?

Все разъяснилось, когда неведомое судно подошло к нам.

К этому моменту багровое, словно косматое, солнце выскочило из воды. Стало совсем светло.

— «Альбатрос», — вслух перевел Сергей Сергеевич надпись, выведенную крупными черными буквами на белом борту подплывавшего судна.

Оно было небольшим, с двумя тонкими мачтами, на реях которых виднелись туго скатанные паруса. На корме нарядного кораблика лениво колыбался «Юнион Джек» — пестрый британский флаг.

— Смотрите-ка, Николаевич, — сказал Волошин, подтакивая меня острым локтем в бок, — есть возможность проверить, правду ли вы нам рассказали. Видите: порт приписки — Гамильтон. Этот «Альбатрос» приплыл к нам из того же порта, что и ваша легендарная «Минерва». Какое чудесное совпадение!

С «Альбатроса» спустили шлюпку, и мы все, кроме Пети и Елены Павловны, снова полезли вниз, на полузатопленную палубу. Здесь, в довольно романтической обстановке, и состоялось наше знакомство с профессором Робертом Алланом Конлеем, сотрудником научно-исследовательской океанологической станции на Бермудах. Так представился нам высокий лысеющий человек лет сорока, с обветренным и загорелым

лицом, на котором маленькие рыжеватые усы казались будто приклеенными.

Профессор Конлей рассказал, что они вели наблюдения над кашалотами в ста двадцати милях к западу отсюда, когда услышали наше тревожное сообщение, адресованное «Богатырю». Англичане решили отправиться нам на выручку, опасаясь, что мы потерпели серьезную аварию.

Пока мы беседовали на залитой водой палубе «Дункана», с мостика «Альбатроса» с интересом рассматривали корабль-призрак и обменивались какими-то оживленными репликами.

Логинов тепло поблагодарил Конлея и, повернувшись к Волошину, сказал:

— Но, кажется, мы уже справились со всеми неполадками?

— Да, часнка через полтора можем вылетать, — подтвердил тот.

— Может, воспользоваться их рацией и связаться с «Богатырем»? — спросил Логинов. — Чтобы там не беспокоились.

— Ну, они нас тоже наверняка слышали, только я их ответа не смог принять. Рация на «Богатыре» мощная. А скоро мы и сами наладим связь, — ответил Волошин и, повернувшись к профессору, заинтересованно спросил по-английски:

— А как же вы поняли наше сообщение? Ведь я говорил по-русски.

— Я немножко изучил ваш язык, — ответил с улыбкой Конлей. — Он становится международным, особенно для исследователей океанов, вы не находите?

От «Альбатроса» отвалила вторая шлюпка и направилась к нам.

— Наш капитан, мистер Коуард, — пояснил профессор, показывая на сидевшего за рулем шлюпки осанистого человека в белом кителе и фуражке с большим козырьком.

Капитан поднялся на палубу, поздоровался с нами, часто молча кивая, выслушал благодарность Логинова за готовность помочь и попросил разрешения осмотреть покинутое судно.

— Но мы ведь на нем такие же случайные гости, как и вы, мистер Коуард, — засмеялся Волошин.

— Вы первые вступили на его палубу, — ответил серьезно капитан, разводя руками.

Вместе с Волошиным и приплывшими английскими моряками они отправились осматривать «Дункан». Логинов с Макаровым отвели профессора Конлея в радиорубку, где было посуше, и там начался оживленный научный разговор. Я не стал им мешать и тоже отправился вслед за Волошиным и гостями — надо же было попрощаться с кораблем-призраком, скоро мы покинем его.

— Вы слышали что-нибудь об этом судне? Что с ним случилось? — спросил Волошин у капитана «Альбатроса». — Мне кажется, его название вам знакомо?

— Конечно, чтоб ему поскорее отправиться к рыбам! Береговая стража ищет этого проклятого «Дункана» уже второй год.

Капитан рассказал, что «Дункан» отправился осенью позапрошлого года с грузом угля из Англии в один из американских портов. Дело было осенью, он попал в жестокий шторм. Волны сильно повредили палубные надстройки и в довершение всего обломился винт. Судно стало совершенно неуправляемым.

Команда с минуты на минуту ждала, что «Дункан» повернется или получит еще несколько пробойн и пойдет ко дну. Едва шторм стал немножко стихать, решили спустить шлюпки и покинуть судно. Капитан дал по радио сигнал бедствия, сообщил, что, по его мнению, «Дункан» не продержится больше часа и команда покидает обреченное судно.

Так и сделали. Штормовые волны подхватили три шлюпки и быстро унесли их в сторону от корабля. К счастью, через несколько часов всю команду подобрал проходивший мимо пароход, и никто не погиб.

Но покинутый своей командой «Дункан», оказывается, не покорился бушующему океану!

Мне, признаться, стало немножко жаль, что у найденного нами полузатопленного корабля оказалась не слишком романтическая судьба. Простой работага-угольщик, зря покинутый перетрусившей командой, — о таком, пожалуй, красивой легенды не сложишь...

Но капитан «Альбатроса» продолжал свой рассказ, и мы все больше удивлялись. Нет, все-таки нам посчастливилось встретить в океане заправский корабль-призрак!

Месяца через три после того, как случилась эта катастрофа, один американский лайнер, пересекая Атлантику с боль-

шой скоростью, едва не врезался ночью в странный пароход, не несший никаких опознавательных огней. Лайнер проскочил всего в нескольких метрах от него.

У пассажирского лайнера на счету каждая драгоценная минута. Разумеется, он не стал останавливаться, но его капитан все-таки оповестил по радио все ближайшие суда об опасности столкновения с кораблем-призраком.

Проплывавший неподалеку лесовоз имел больше времени. Он подошел вплотную к покинутому судну, опознал в нем якобы давно затонувший злополучный «Дункан» и попытался взять его на буксир, надеясь получить хотя бы небольшую страховую премию.

Но океан не хотел отпускать свою жертву. Через несколько часов буксирный трос лопнул, потому что «Дункан» уже слишком глубоко сидел в воде.

Корабль-призрак снова стал скитаться в одиночестве по волнам.

Несколько раз на него едва не налетали другие суда, и тогда в море вышли три эсминца американской береговой охраны, чтобы уничтожить опасного призрака.

Но они его не нашли. «Дункан» затерялся где-то в безбрежном океане.

Всего месяца два тому назад его, оказывается, пытались отбуксировать снова к берегу проходящее судно. И опять не повезло. Начался шторм, и спасатели сами поспешили перерубить буксирный трос, опасаясь, как бы «Дункан» не затонул и не утащил вместе с собой на дно и их.

Однако точные координаты были переданы по радио в штаб береговой охраны, и, как только кончился шторм, сразу пять военных кораблей отправились топить «Дункан». Но он снова бесследно исчез в океане, как и полагается настоящему призраку, и лишь теперь мы случайно наткнулись на него.

— Однако теперь уж он от нас не уйдет! — сказал капитан «Альбатроса» зловеще-веселым тоном.

— А что вы собираетесь предпринять? — поинтересовался я.

— Утопим его. Взорвем, как только ваш дирижабль поднимется в воздух.

— Ну что же, мы вас не задержим, — сказал Волошин, как мне показалось, с легкой грустью. — Сейчас я поднимаюсь

наверх, мы быстренько закончим ремонт, там пустяки остались, и улетим.

Логинов пригласил профессора Конлей и капитана осмотреть дирижабль. Они приняли это предложение с явным интересом. Профессора подняли в люльке, но капитан отказался — покачал головой, махнул рукой — и быстро, с привычной ловкостью начал подниматься по скоб-трапу на мачту. Глядя, как он ловко это делает, несмотря на свой возраст, я понял, почему среди моряков принято говорить «взлетел на марс»...

Но гости не успели толком осмотреть наш замечательный воздушный корабль. С мостика «Альбатроса» крикнули в мегафон, что на юго-востоке показалось приближающееся судно. Это был «Богатырь». Скоро он встал рядом с «Альбатросом», который сразу сделался похож на игрушечный кораблик.

Началась суета по переводу дирижабля к высокой мачте «Богатыря», а затем по его разборке. Посыпались вопросы, ядовитые шуточки, прерываемые отрывистыми командами, гремевшими из всех палубных репродукторов.

Оказывается, на «Богатыре» слышали призыв Волошина, но ответная радиogramма до нас уже не дошла. А залетели мы довольно далеко.

— Жали к вам полным ходом, а все-таки англичане опередили, — с неудовольствием сказал мне боцман.

Похоже, он был этим серьезно расстроен и даже обижен, как истый патриот «Богатыря».

Биологи поспешили порадовать Логинова, что, пока мы летали, удалось нащупать локатором большое скопление угрей на глубине около километра. Вероятно, там начинается нерест. Место помечено на карте, и для верности поставлен на якоре сигнальный буй.

— Отлично, — оживился Логинов. — Немедленно отправимся туда, а то эти приключения слишком затянулись. Работать надо.

Профессор Конлей слушал этот разговор с таким интересом, что Логинов предложил ему присоединиться к нам:

— Ведь о речных угрях еще очень мало известно. Тут любые наблюдения представляют ценность. А у нас есть мезоскаф, как видите...

— И я смогу принять участие в погружении?

— Конечно.

— Тогда — никаких колебаний! Сейчас я договорюсь с мистером Коуардом.

— Пожалуйста.

Я попросил разрешения отправиться на «Альбатрос» вместе с профессором. Хотелось сфотографировать наш «Богатырь» со стороны, со шлюпки — не часто представляется такая возможность. А тут еще дирижабль, медленно опадающий и теряющий свои формы, пока из оболочки выпускают газ... Может получиться неплохой снимок.

Хотелось мне, признаться, осмотреть и «Альбатроса», но не успел. Пока я, сидя в шлюпке, делал снимки, профессор Конлей уже договорился с капитаном и вернулся, чтобы отправиться обратно, к нам на «Богатырь».

Ничего, «Альбатрос» поплывет за нами, так что осмотреть его я еще успею.

— А как же с «Дунканом»? — спросил я капитана Коуарда, проводившего профессора до трапа.

— Взорвем!

— Успеете? Или сказать нашим, чтобы задержались?

— Нет, задерживаться мы не станем. У меня есть такие мастера, что справятся с этим в считанные минуты. — Капитан огляделся и подозвал к себе одного из матросов, стоявших на палубе «Альбатроса»: — Лоринсон!

— Да, сэр! — небрежно козырнул тот.

— Займитесь этой рухлядью. Десяти минут хватит?

— Я привык к более жестким нормам, — усмехнувшись, почти не разжимая губ, ответил матрос.

— Действуйте.

— Слушаю, сэр!

— Крепкий парень, — сказал капитан, глядя вслед уходившему вразвалочку матросу. — Ричард Лоринсон. Служил в подводно-диверсионных частях американского военного флота. Их там учат взрывать корабли одним зарядом, да так, что и опомниться не успеешь.

— Этому научить, конечно, проще, чем строить корабли, — хмуро произнес сидевший рядом со мной на банке профессор Конлей и оттолкнул шлюпку от борта.

Ричард Лоринсон действительно был мастером своего дела. Мы видели с палубы «Богатыря», как он подплыл на шлюпке к обреченному «Дункану». На взрывнике был аква-

ланг, к поясу прикреплена сумка. Шлюпка остановилась у кормы полузатонувшего судна. Лоринсон окинул «Дункан» оценивающим взглядом, спустил маску со лба и нырнул. Он вошел в воду без малейшего всплеска, словно упавший за борт нож...

И уже через пять минут снова вынырнул на поверхность. Матросы помогли ему взобраться в шлюпку, и она поспешно ушла под защиту «Альбатроса».

А еще через три минуты раздался грохот взрыва, высоко взметнувшего пенистый столб воды и обломки.

«Дункан» вздрогнул и начал задирать нос, будто пытаясь встать на дыбы, — точь-в-точь как «Сирена»!

Все было кончено. Корабль-призрак исчез в океане.

— Заряд был заложен как раз у машинного отделения, — негромко сказал Логинову Волошин. — Точно так же, как и тогда.

Они переглянулись.

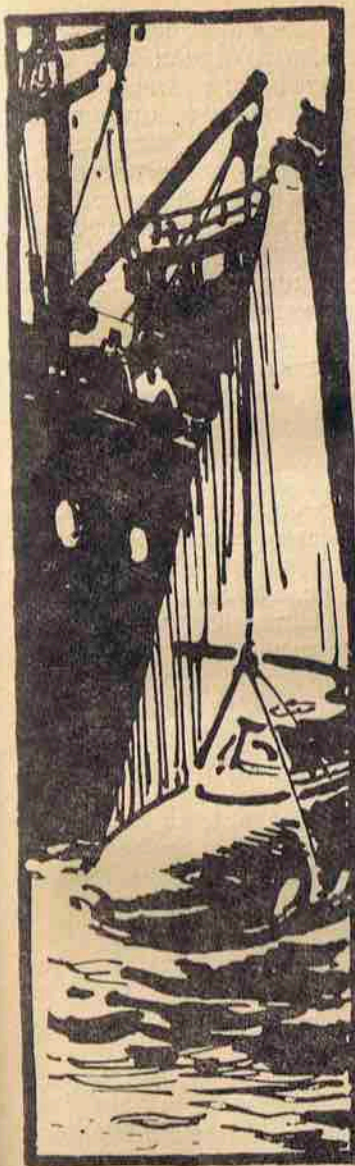
— Да, картина весьма похожая, — медленно произнес Логинов. — И если бы шлюпка оказалась на своем месте, ее разнесло бы в щепки...

Они были правы. Мы словно заново увидели, как от загадочного взрыва тонет «Влюбленная Сирена».

— Тот же почерк, — многозначительно сказал Волошин, не сводя глаз с масляного пятна над могилой «Дункана».

11. В ОБЪЯТИЯХ КАЛЬМАРА

Ночью, в свете прожекторов, подготовка к погружению выглядела особенно заманчивой и романтической. В ярких лучах света стальной корпус мезоскафа казался серебряным. Иллюминаторы словно стали живыми, таинственно мерцающими глазами.

Вместе с людьми, сновавшими вокруг подводного корабля, готовя его к погружению, по площадке металась их громадные причудливые тени, будто какие-то сказочные гиганты, пришедшие к нам на помощь.

Как ни хотелось мне нырнуть в глубины Саргассова моря, да еще ночью, сегодня я не слишком огорчился. Мезоскаф мог взять лишь четверых. Кроме нашего гостя, отправлялись Бек, Елена Павловна и Волошин. Даже сам начальник экспедиции оставался на борту, это служило мне утешением.

Все немножко волновались. Еще бы, сегодня исследователям предстояло заглянуть в само со-

кровенное царство угрей, спешивших сюда загадочными путями от далеких берегов, чтобы здесь, в глубинах Саргассова моря, передать по наследству крошечным личинкам свой таинственный «компас» и погибнуть. А личинки отправятся потом к устьям никогда не виданных ими рек. Удастся ли нам, наконец, узнать, как найдут они к ним дорогу? Одна гипотеза сменяет другую, а разгадки тайны пока не видно...

Волошин предлагал было уступить свое место Логинову, но тот отказался:

— Нет, Сергей Сергеевич, уж сегодня парадом должны командовать вы. Покажите гостю мезоскаф в полном блеске.

— А аппарат?

— Ну, ваши «Эдисоны» одни управятся. Кто будет на вахте?

— Петя.

— Он сам уже почти профессор.

Но я подозревал, что Логинов решил отправить Волошина в глубины моря из более корыстных соображений: по-моему, он опасался, как бы Сергей Сергеевич опять не наделал каких-нибудь опасных штучек своим локатором. Возьмет да просветит мезоскаф насквозь, чтобы полюбоваться реакцией нашего гостя на то, что англичанин увидит под водой.

Утешало меня и то, что мезоскаф нынче должен нырять «на привязи». С него по прочному кабелю на борт «Богатыря» будут передаваться телевизионные изображения. Кроме того, две другие телевизионные камеры установили на разных глубинах. Если к ним добавить звуковизор, то, пожалуй, мы, остающиеся на поверхности, ничего не теряем и сможем увидеть даже побольше, чем подводники.

Экипаж мезоскафа занял свои места. Стрела развернулась и осторожно опустила стальной кораблик на спокойную поверхность моря, казавшуюся молочно-белой в слепящем свете прожекторов. Вот уже отданы швартовы...

Мезоскаф начал погружаться, а я, не дожидаясь, пока он полностью скроется в воде, поспешил в локаторную, чтобы занять место получше и притаяться в темноте до прихода Логинова.

Мой расчет был правилен. Локаторная оказалась самым лучшим наблюдательным пунктом. Экран локатора пока был мертв и бесцветен. Но на экране телевизора я видел все, чем любовались в этот момент подводники через иллюминаторы

погружающегося мезоскафа, — только, к сожалению, в черно-белом однообразном изображении, лишенном красок.

Изредка мелькали небольшие рыбешки, потом медленно проплыла крупная медуза, далеко вниз свесив свои щупальца...

Наискосок по экрану прошмыгнула усатая креветка, и опять стало пусто.

Скрипнула дверь, в локаторную, пригнувшись, вошел Логинов и остановился у порога, привыкая к темноте. Он меня, конечно, заметил, но ничего не сказал. Молча сел рядом в кресло и придвинулся поближе к экрану.

Первые угри появились лишь на глубине около четырехсот метров. Их трудно было узнать, так они стали непохожи на серебристых красавцев, которых ловили мы под проливным дождем при вспышках молний бурной ненастной ночью в маленькой речушке. Я принял их сначала за каких-то глубоководных рыб.

Какие у них огромные вылупленные глаза! А длинное гибкое тело стало совсем тонким — теперь угри еще больше напоминали змей, каким-то непонятным образом забравшихся в океанские глубины.

— Как они исхудали! Вы видите, Андрей Васильевич? — вдруг прозвучал над самым моим ухом голос Елены Павловны.

Я вздрогнул и обернулся. Откуда она взялась в локаторной? Ведь Елена Павловна на моих глазах забиралась в рубку мезоскафа?

— Вижу, — негромко ответил в микрофон Логинов. — Надо будет поймать несколько экземпляров.

— Непременно, — ответила Елена Павловна. Теперь уже я понял, что голос ее слышится из репродуктора. — Но, по-моему, лучше спуститься поглубже. Мне кажется, там скопление будет гуще.

— Хорошо, — согласился Логинов. — Продолжайте погружение, только помедленнее...

Мезоскаф стал погружаться дальше. В самом деле, с каждым десятком метров глубины угрей становилось заметно больше. Все чаще их гибкие змеиные тела, изгибаясь, мелькали на экране телевизора. Но, видимо, свет прожекторов мезоскафа отпугивал их, они спешили скрыться в темноту.

— Очень трудно вести наблюдения, — кашлянув, сказал

из репродуктора Волошин. — Пугаются света, приходится буквально гоняться за ними. Да вы сами видите. Может, понаблюдать за ними в тепловых лучах?

Логинов молчал раздумывая.

— Вы слышите меня, шеф? — нетерпеливо окликнул его Волошин.

— Отлично слышу.

— Чего же не отвечаете?

— Думаю.

— Ответственный процесс. Бойтесь, что я нарушу их нормальный режим или распугаю?

— Не исключено. Как вы думаете, Елена Павловна? — спросил Логинов.

— Мне кажется, можно попробовать.

— Ладно, давайте, — согласился Андрей Васильевич.

Изображение на экране телевизора стало совсем смутным, еле различимым.

— Сергей Сергеевич, мы ничего не видим, — сказал в микрофон Логинов.

— Ах, да, я же выключил почти все освещение. Зато мы их видим прекрасно! Вот что: я включу прожектор возле телевизионной камеры, а мы с другой стороны будем их наблюдать в тепловых лучах. Убьем, так сказать, двух зайцев.

Мезоскаф погружался все глубже, глубже. Но угри на экране появлялись редко.

«Нет, так много не увидишь, — подумал я. — Вот если бы включить звуковизор...»

И тут же, словно наши мысли текли параллельно, Логинов вдруг сказал технику:

— Давайте попробуем ваш прибор. Только возьмите с опережением метров в сто, чтобы мезоскаф случайно не задеть.

Экран локатора засиял гораздо ярче телевизионного, но он был пуст. Лишь изредка по нему проскальзывали какие-то извилистые полосы.

— Четкость нельзя увеличить? — спросил Логинов.

— Пока не удастся, — виновато ответил Петя.

— М-да...

Теперь я понял, что эти извилистые полосы, похожие на запятые, и есть угри. Только локатор не может сделать их изображение более четким.

— Попробуйте прощупать глубже, — сказал Логинов. — Только старайтесь строго держаться по вертикали погружения мезоскафа.

Запятых на экране становилось все больше. Местами они сплетались в крупные клубки.

— Сколько их там... Тысячи! — пробормотал восхищенно Петя.

— Со всего мира собрались, — так же тихо ответил Логинов, не отрывавшийся от экрана.

Он достал блокнот и, включив лампочку на столике возле пульта, торопливо записал крупными буквами посреди чистой страницы какую-то загадочную фразу: «Гибель запрограммирована!!!» — поставил три восклицательных знака и трижды подчеркнул ее.

Что это могло означать?

— У нас почти ничего не видно, — прервал наши наблюдения голос Волошина. — Вы бы попробовали звуковизор.

— Уже давно включили, — ответил Логинов.

— Ну?!

— Да тоже почти ничего не видно. Четкость изображения плохая.

— Как это плохая?! — возмутился Волошин. — Петя, ты что там, не можешь наладить?

— Нет, аппаратура работает на пределе, Сергей Сергеевич, — виновато ответил техник. — Слишком мелка цель.

— Ваш локатор пока чувствителен только к целям не меньше кашалота, — вставил Логинов.

— Клевета! Запрещенный прием! — заволновался Волошин. — Был бы я там, все бы наладил...

— Андрей Васильевич, посмотрите, что это? — вдруг вскрикнул Петя.

На экране локатора среди «запятых» появились два каких-то странных овальных тела с длинными густыми усами. Они были значительно крупнее угрей и двигались гораздо быстрее.

— Что случилось? Что вы там видите? — взывал репродуктор.

— Подождите, Волошин, пробуем разобраться, — поморщился Логинов, придвигаясь ближе к экрану.

— Увеличить изображение можно? — не оборачиваясь, спросил он техника.

— Нет, на пределе.

Загадочные существа на экране между тем вели себя весьма агрессивно. Было очевидно, что они нападают на угрей: «запятые» разбегались от них во все стороны. Но нападавшие проявляли поразительную подвижность. Они то и дело меняли свои очертания, словно были совсем без костей...

— Внимание! На глубине девятисот метров, прямо под нами скопления угрей атакуют кальмары! — громко произнес Логинов.

Так это глубоководные кальмары! А то, что я принял за «длинные усы» — это, конечно, их щупальца.

— Ясно, — торопливо ответил из репродуктора Волошин. — Разрешите посмотреть на это побоище поближе?

Логинов помедлил, потом ответил:

— Только не с глазу на глаз, как с кашалотом.

— Ладно. Внимание! Даю срочное погружение, — репродуктор щелкнул и стих — видимо, Волошин на время выключил его.

Мы все трое переводили взгляды с одного экрана на другой.

На экране локатора кальмары все еще продолжали гоняться за угрями. К ним даже присоединился еще один, раза в полтора больше первых.

А на телевизионном экране вообще ничего нельзя было рассмотреть: камера так быстро погружалась вместе с мезоскафом, что мелькали лишь какие-то смутные тени.

— Выключайте локатор, они подходят к заданной глубине, — скомандовал Логинов, все время посматривавший на указатель глубин.

Экран локатора погас. Теперь мы не отрывали глаз от телевизионного экрана.

Вот тени на нем стали замедлять свой призрачный бег...

Мои глаза уже различили двух большеглазых угрей, выскочивших из темноты на свет прожекторов.

А за ними, протянув далеко вперед извивающиеся толстые щупальца, надвигалось чудовищное страшилище с огромными немигающими глазами!

Я не успел его толком рассмотреть. Гигантское тело кальмара стремительно повернулось и закрыло весь экран.

— Вот пираты! — воскликнул в репродукторе Волошин. — Сюда бы моих друзей-кашалотов, они...

И вдруг экран телевизора погас, и голос Волошина прервался на полуслове!

— Свет! — рявкнул Логинов, вскочив со своего креслица.

Техник торопливо зажег свет. Было странно после всего, что только что видел так близко и явственно, будто сам был там, под водой, на глубине почти километра, увидеть вокруг приборы, густо облепившие все стены каюты, и тянущиеся между ними разноцветные провода.

Но наши товарищи? Ведь они остались там, на страшной глубине, в окружении гигантских кальмаров!

Что случилось с ними? Почему испортился телевизор и прервалась связь?

С этой минуты время, казалось, понеслось, как прищипленное...

— Ищите повреждение! — приказал Логинов технику, а сам схватил телефонную трубку и начал вызывать капитанский мостик.

Но в тот же момент требовательно зазвонил другой телефон, и Логинову пришлось говорить одновременно в две трубки:

— Обрыв кабеля? Ясно. Прошу штурмана зафиксировать точные координаты. Дайте сигнал палубной команде немедленно спускать еще одну телекамеру. Подождите, Сазонов, я говорю с мостиком...

Тут его потянул за локоть техник. Логинов, не прекращая разговора, только вопросительно глянул на него.

— Они вызывают нас по акустическому телефону. Целы! — воскликнул Петя, показывая на лампочку, нетерпеливо мигавшую на пульте.

— Всем подождать дальнейших приказаний. Не отходить от телефонов! — бросил Логинов в обе трубки, но класть их не стал, а так и держал, прижав к груди.

Техник щелкнул переключателем, и мы снова услышали голос Волошина:

— ...сильно дергает. «Богатырь»! «Богатырь»! Отвечайте! Почему молчите?

Теперь голос его доносился из другого репродуктора и звучал глуше, будто с трудом пробиваясь сквозь толщу воды.

— Слышу вас хорошо. Что случилось? — ответил Логинов в микрофон, торопливо подставленный техником.

— Нас облапил этот дурак всеми своими десятью шу-

пальцами. Видимо, принял за соперника-кашалота. Кажется, оборвал кабель, поэтому и связь прервалась.

— Знаем. Он не только оборвал кабель, но и сорвал телевизионную камеру.

— Вот как? Значит, вы ничего не видите? Представляю ваши переживания.

— Вы нам лучше расскажите о своих. Как себя чувствуют Елена Павловна и гость?

В репродукторе раздалось какое-то странное клокотанье. Я не сразу понял, что это Волошин засмеялся.

— Да, прием гостю мы устроили весьма теплый. Но вот он поднял вверх большой палец, показывает, что все хорошо, «о'кэй»! У нас все в порядке, не беспокойтесь.

— Эти дружеские объятия начинают мне надоедать, — снова послышался из репродуктора голос Волошина. — Попробую избавиться от них.

— Как? — спросил Логинов.

— Начну двигаться в горизонтальной плоскости. Если только он не погнул нам винты.

— Хорошо, попробуйте. Только осторожно...

— Понимаю — чтобы не сердить его? Буду изысканно нежен.

Опять наступила пауза, казавшаяся бесконечной. Потом в репродукторе послышались неразборчивые голоса. Видимо, пассажиры мезоскафа что-то обсуждали между собой.

— Что там, Волошин? — не выдержал начальник экспедиции. — Отвечайте!

— Не пускает. Тянет назад. Выключаю моторы, а то как бы его не поранить винтами...

— Он может утащить вас на глубину?

— Ну, это не так страшно. Мезоскаф рассчитан на шесть километров, а таких глубин в Атлантике вообще нет...

— Может или не может? — строго повторил Логинов.

— Может, — мне почудилось некоторое смущение в голосе Волошина.

— Не предпринимайте ничего, — сказал начальник экспедиции. — Мы попробуем вас освободить.

— Как?

— Сейчас спустим еще одну телевизионную камеру. Свет прожекторов, возможно, приманит его, а вы свои погасите.

— Он сорвет и эту камеру.

— Ничего, мы успеем рассмотреть, как к нему лучше добраться. В крайнем случае сбросим несколько сигнальных глубинных бомб, чтобы попытаться отпугнуть его взрывной волной. — Логинов снова взялся за телефонные трубки, чтобы отдать необходимые распоряжения, но голос Волошина из репродуктора остановил его:

— Есть еще более простой выход.

— Какой?

— Ударьте по нему ультразвуком. Есть гипотеза, что именно так действуют кашалоты, встречаясь на глубине с кальмарами. Сначала глушат их, а потом уже атакуют. Отличная возможность проверить эту гипотезу.

Логинов молчал. Я понимал его колебания: а что будет с людьми, находящимися в мезоскафе, когда они окажутся под ударом ультразвукового невидимого меча?

— Не бойтесь, Андрей Васильевич, все будет в порядке, — настаивал Волошин. — У меня же все рассчитано, такое краткое воздействие будет для нас совершенно безопасным. Мы ставили специально опыты с Еленой Павловной, разрабатывая ультразвуковую приманку. Вот она подтвердит...

В репродукторе послышался голос Елены Павловны:

— Андрей Васильевич, по-моему, Сергей Сергеевич прав. Я считаю, что надо попробовать.

— Одно дело расчеты и лабораторные опыты... — ответил ей Логинов, но его тут же прервал Волошин:

— Он начинает тянуть нас на глубину! Размышлять некогда, Андрей Васильевич! Не мешайте нам. Пусть Петя наденет наушники, я дам ему все необходимые указания.

— Я слушаю! — поспешно сказал техник. Наушники у него уже были давно надеты, и теперь он прижал их обеими руками, чтобы лучше слышать голос Волошина, пробивавшийся к нам сквозь километровую толщу воды.

Волошин деловито, словно речь шла о самом обыкновенном лабораторном опыте, начал переговариваться с Петей об интервале частот, о каких-то анодных трубках, которые могут полететь. Техник только поддакивал ему:

— Так. Понимаю. Нет, я их вчера сменил. Есть. Хорошо...

— Ну, давай, — ободряюще закончил Волошин. — Нашунай нас локатором и шарахни его хорошенько, пусть знает, как обнимать царя природы.

Дверь приоткрылась, и мы все обернулись, жмурясь от ворвавшегося света. Его заслонила плечистая фигура Макарова.

— Надо что-то делать, Андрей Васильевич, — начал он. Логинов только молча показал, чтобы он вошел в рубку и прикрыл за собой дверь.

Техник выключил свет, и мы все уставились на мерцающий экран.

На нем мелькали «запятые» угрей и какие-то тени.

И вот появился знакомый черный силуэт мезоскафа. Только теперь он выглядел странно и необычно: в трех местах над палубой возвышались какие-то горбы, а снизу свешивалось нечто вроде хвоста. Видимо, это были щупальца кальмара, обхватившего подводный корабль.

— Вижу вас, — коротко сказал Петя.

— А его видишь?

— Вижу.

— Отлично. Включай...

Техник поколдовал с переключателями, потом положил палец на кнопку пульта, помедлил и, покосившись на Логинова, нажал ее.

Ничего.

Силуэт мезоскафа вдруг начал двоиться, расплываться, как отражение в воде, от брошенного камня...

— Он разваливается! — вскрикнул я.

— Отвалился, — рявкнул радостно над самым моим ухом могучий бас Макарова. — Смотрите, отвалился!

— Ага, не любишь! — злорадно пробормотал Волошин в репродукторе.

12. СМЕРТЬ ПО ПЛАНУ?

— Выключайте! — коротко приказал Логинов.

Изображение на экране снова стало четким и ясным. Теперь я увидел, что мезоскаф цел и невредим. Он вовсе не разваливался на куски, как мне показалось с перепугу. Это кальмар выпустил его из своих объятий и поспешно отступал в сторону, опасно поджимая щупальца.

— Сергей Сергеевич, немедленно всплывайте, — приказал Логинов. — У вас все благополучно?

— Абсолютно, перестаньте вы беспокоиться.

— Всплывайте!

— Есть!

— Выключайте докатор, что вы держите их зря под излучением! — сердито сказал Логинов технику.

Тот поспешно выключил докатор и зажег свет. Логинов закрыл блокнот с загадочной записью «Гибель запрограммиро-

вана». Расспрашивать, что она означает, сейчас, пожалуй, не время.

Жмурясь, мы вышли из локаторной в коридор. Там, ожидая новостей, толпились ученые и матросы. Но вопросов никто задавать не стал. Они молча пропустили нас и вышли следом на палубу.

Логинов поднялся на мостик, а мы с Макаровым прошли на ют, к площадке мезоскафа, и тут с наслаждением закурили. Жадно затягиваясь, Макаров не сводил глаз с моря, отвечал на мои вопросы невпопад, и я замолчал, понимая, как он переволновался.

— Что же они не всплывают? — пробурчал он.

И тут вода неподалеку от борта «Богатыря» заклокотала, из нее начала подниматься стальная рубка.

Минут через двадцать наши товарищи, вырванные из цепких объятий кальмара, уже были на борту. Они все еще находились под впечатлением пережитого.

Спокойный и сдержанный обычно Роберт Конлей восторженно разводил руками, дополняя свой сбивчивый рассказ жестами, и живо поворачивался, отвечая на вопросы. Когда он стал закуривать трубку, руки у него так дрожали, что профессор рассыпал табак. Лицо его побатровело. Но все вокруг сделали вид, что ничего не замечают.

Волошин же, против обыкновения, был непривычно молчалив, отвечал на вопросы коротко и неохотно. Как только мезоскаф подняли на борт, он со своей «бандой Эдисонов» полез осматривать подводный кораблик.

К Елене Павловне никто не решился приставать с расспросами. Она отошла с мужем в сторонку, и они сели там, за трубой. Потом она оклинула Логинова:

— Андрей Васильевич, если я пока не нужна, то пойду вниз.

— Конечно, Елена Павловна, только мне бы хотелось, чтобы всех вас сначала осмотрели медики.

Елена Павловна пожала плечами и засмеялась.

— Не вижу в этом никакой необходимости. Правда, Андрей Васильевич, мы не испытывали никаких воздействий от ультразвука, можете мне поверить. Так, мелкие ощущения, я все записала. Но если надо... — она опять пожала плечами и направилась с мужем к трапу.

Но в этот момент с мостика донесся голос капитана:

— Андрей Васильевич, там что-то плавает!

— Где?

Мы все бросились к борту и стали всматриваться в ту сторону, куда указывал капитан.

— Это водоросли, Аркадий Платонович, — сказал Логинов.

— А вы поднимитесь сюда и гляньте в бинокль, — пригласил капитан.

Логинов ушел на мостик, а мы, привставая на цыпочки, пытались рассмотреть, что же такого необычного высмотрели в море зоркие капитанские глаза. Два матроса вскарабкались на ванты, но и оттуда не увидели ничего примечательного:

— Одни водоросли плавают, больше ничего.

Но из капитанской рубки донеслись приглушенные слова команды, «Богатырь» пришел в движение и, медленно разворачиваясь, направился к одному из плавучих островков, маячивших вдали, у самого горизонта.

— Братцы, да это кальмар! — крикнул матрос, забравшийся на ванты.

В самом деле, постепенно становилось видно, что плавающая зеленоватая масса заметно отличается от скопления водорослей.

Кальмар!

«Богатырь» приближался к гигантскому кальмару медленно и осторожно. Кальмар был неподвижен и напоминал скалу, едва выступающую из воды. Недвижны были и длинные щупальца, широко раскинувшиеся во все стороны. Они безвольно покачивались на воде. Но если кальмар очнется и его щупальца оживут?

Наверное, у всех у нас в памяти в эти минуты мелькали воспоминания о всяких страшных легендах, в которых корсары морских глубин нападали на корабли и даже топили их...

До кальмара оставалось уже не более десятка метров...

Расталкивая всех, на палубе появился Волошин с винтовкой в руках.

— Вы собираетесь стрелять в кальмара? — изумился я. — Из мелкокалиберки?

— Конечно. Я стрелок меткий, поражу его с одного выстрела. Хотите пари?

Заключать пари я не решился, и правильно, а то бы оказался в дураках. Потом мне сказали биологи, что Волошин стрелял особыми пустотелыми пулями, начиненными каким-то сильным ядом — для страховки, чтобы кальмар вдруг не очнулся и не наделал бед.

Волошин встал у борта, прицелился.

Прогремел выстрел, другой, третий...

Кальмар не шелохнулся.

Тогда «Богатырь» подошел вплотную к нему, и за борт начали спускать тали. Несколько смельчаков повисли на шторм-трапе, чтобы зацепить невиданную добычу прочными тросами.

— Вира помалу! — скомандовали с мостика.

Три лебедки, лязгая от натуги, начали медленно поднимать кальмара на борт.

Только теперь, когда кальмара вытащили из воды, мы по-настоящему рассмотрели, как он велик! Казалось, тросы не выдержат, поднимая это длинное округлое тело с двумя широкими плавниками на хвосте. Голова кальмара казалась непропорционально маленькой — наверное, потому, что от нее тянулись десять щупалец, каждое из которых было примерно раза в три длиннее тела подводного страшилища. Кальмар уже очутился на палубе, а щупальца все тянулись и тянулись из воды — казалось, конца им не будет.

Тело кальмара, когда его распластали на палубе и смирили, достигало в длину почти восемнадцати метров! А весил он, видимо, тонн семь или восемь, не меньше.

— А ведь как он свободно двигался, это поразительно! — восхищался Бек. — Если бы нам научиться с такой легкостью перемещаться с одной глубины на другую...

— Вы разве видели этого кальмара живым? — удивился я.

— Конечно.

— Когда?

— Я же следил за всей этой кошмарной битвой по телевизору из лаборатории. Вот если бы нам раздобыть живого кальмара!

Втащить такую громадину в лабораторию, конечно, нечего было и думать. Поэтому биологи начали его разделять тут же, на палубе, окруженные толпой любопытных, державшихся, однако, на почтительном расстоянии.

Логинов большим острым ножом сделал первый разрез, и все дружно ахнули.

На палубу хлынула голубая кровь!

Я читал и раньше в книгах, что кровь у кальмаров, осьминогов и других головоногих моллюсков не красная, как мы привыкли, а голубая. Вместо гемоглобина она содержит богатый медью гемоцианин, придающий ей голубой цвет. Но одно дело читать в книгах, а совсем иное — увидеть это собственными глазами!

Профессор Конлей не вытерпел, попросил и себе халат и стал помогать нашим биологам.

Ахать и удивляться нам пришлось много.

Одно за другим Логинов извлек из тела кальмара три сердца. Оказывается, одно из них гонит кровь по телу этого необычного существа, а два других заняты тем, что только проталкивают ее через жабры. Осьминогам нужно много кислорода для дыхания, поэтому их трудно сохранить в аквариумах.

Елену Павловну особенно заинтересовали плавники кальмара. Рассматривая их, она оглянулась и поманила к себе Волошину.

— Сергей Сергеевич, вот вам и разгадка, почему он на нас бросился. Вы ведь не выключали светильники, когда мезоскаф встретился с кальмаром?

— Нет. А что?

— А у него есть специальный орган для улавливания инфракрасных лучей, так что ваши светильники послужили для кальмара приманкой. Посмотрите. Это вам будет интересно. Пожалуй, тут нам всем есть чему поучиться у природы и позаимствовать.

Я, конечно, тоже протиснулся поближе, но увидел на коже кальмара, на нижней поверхности его плавников, лишь довольно крупные темные точки.

Потом, уже в лаборатории, Елена Павловна показала нам с Волошиным их внутреннее строение под микроскопом. Каждая точка оказалась шаровидной капсулой, наполненной каким-то прозрачным веществом. Сверху ее прикрывал толстый слой красных клеток. словно фильтры, они задерживали все световые лучи, кроме невидимых инфракрасных. Так что этими необычными «глазами», размещенными на хвосте, кальмар, оказывается, мог в полной темноте океанских глубин

хорошо видеть добычу, улавливая исходящие от нее тепловые лучи.

— Завидно, — сказал Волошин, отрываясь от микроскопа. — Значит, и тут природа нас давно опередила...

Он вздохнул, покачал головой, достал записную книжечку и что-то пометил в ней.

— Вот нам и еще загадка, — добавил он, подмигнув мне. — Да, пожалуй, сразу не одна, а несколько. Непонятно, для чего природа подарила кальмару этот чудный аппаратик? Ведь на больших глубинах, кажется, нет теплокровных животных или рыб? Кого же он может высматривать там своими необычными глазами?

— Да, это непонятно, — согласилась Елена Павловна. — Может, кашалотов?

— Неэкономно, — покачал головой Волошин. — Вряд ли природа стала бы изобретать кальмару такой орган чувств, который рассчитан лишь на эпизодическое применение. Или там еще кто-нибудь прячется, в глубинах? Какое-нибудь теплокровное животное?

Елена Павловна только пожала плечами.

— М-да, — задумчиво пробормотал Волошин, опять склонившись над микроскопом. — «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам...» Шекспир как в море глядел. Ну что же. Чем больше загадок, тем интереснее жить, я так считаю...

— А я тоже хотел дать вам темку для размышлений, Сергей Сергеевич, — сказал я.

— Вы? Любопытно. Какую же?

— Придумать на будущее для защиты мезоскафа от подобных нападений какой-нибудь аппарат, чтобы он давал, скажем, сильный электрический разряд...

— Ну, идея-то, признайтесь, не ваша. Вы ее вычитали у старика Жюль Верна — «Наутилус» славного капитана Немо...

— Неважно. Я не претендую на патент.

— А во-вторых, идея эта давно запатентована природой. Я такой разрядник лучше скопирую с защитного устройства электрических угрей или скатов. Так-то-с, уважаемый новатор. У природы, как в Греции, все есть.

Биологи тщательно исследовали всего кальмара. Им было важно установить, какие именно изменения в живых тка-

нях произвел «ультразвуковой таран», хотя Сергей Сергеевич и высказал твердое убеждение, будто «кровожадный пират умер просто от угрызений совести за свое злодейское нападение». Однако эта гипотеза была отвергнута, как явно не научная.

Логинов особенно внимательно следил, чтобы осторожно вырезали и не повредили нервные волокна кальмара.

— Нам их понадобится много! — напоминал он своим помощникам. — Постарайтесь сохранить все.

Эти серые жгуты, достигавшие метровой длины, а толщиной с палец, — это и есть нервы кальмара?!

— С такими нервами можно жить, — засмеялся Макаров, щуря свои глазки-щелочки. — Зато проводимость у них какая. Нервные импульсы мчатся по ним со скоростью автомашины — девяносто километров в час.

Тогда понятно, почему Логинов так хлопочет вокруг этих поразительных нервов. Для его исследований они, конечно, неоценимы. В этих гигантских нервных клетках легче высмотреть, где же прячется память, — не то что у речных угрей.

13. НАСЛЕДНИКИ КАПИТАНА ФЛИНТА

Рано утром мы расстались с англичанами. Беленький «Альбатрос», просемафорив на прощание флажками настойчивое приглашение посетить Бермуды, отправился на запад, домой. Мы снова остались одни в океане.

Надо было подвести итоги и наметить план дальнейших работ. Первая часть экспедиции закончилась. Мы доплыли вслед за угрями до их далеких нерестилищ, а многое ли узнали?

Обработка всех анализов воды и материалы других исследований, проведенных в Саргасовом море, не проясняли загадки ориентации угрей, а, пожалуй, еще больше озадачивали. На больших площадях, охваченных исследованиями, температура воды и соленость оставались почти одинаковыми. Сравнительно однородным оказалось и магнитное поле в этом районе. А угри все-таки нашли дорогу к заветным нерестилищам. По каким приметам?

Об этом на заседании Ученого совета разгорелись весьма оже-

сточенные споры. Вот что я коротко успел записать в своем разбухшем блокноте:

«И. А. Макаров обращает внимание на то, что во многих пунктах угри двигались в направлении слоев более холодной воды. Нередко отмечалось и отсутствие прямой связи между маршрутами угрей и соленостью воды. Он считает эти факты серьезным опровержением «классической» гипотезы, по которой угри ориентируются именно по этим признакам: температуре и солености.

К. П. Бек перебивает его репликой:

— Но ведь и о магнитных воздействиях можно сказать то же самое. Вот здесь угри шли почти точно на север, а здесь (показывает на карте) — на юг. К тому же ваши собственные опыты доказывают, что даже сильные магнитные воздействия не отражаются на поведении угрей. Никакого органа, способного улавливать эти перемены в магнитном поле земли, у них пока не найдено, а хеморецепторы угрей развиты великолепно.

Берет слово Елена Павловна. Она соглашается с тем, что у речных угрей нет никакого особого органа для восприятия земного магнетизма.

— Но ведь и у нас, у людей, такого органа нет, однако мы весьма чувствительны к магнитным воздействиям, как доказали многочисленные наблюдения. Еще чувствительнее к магнетизму должны, конечно, быть обитатели океана, совершающие далекие миграции, как и птицы.

Елена Павловна подробно рассказывает о лабораторных опытах с угрями и говорит:

— Раньше нас тоже озадачивало, что угри гораздо более восприимчивы к слабым магнитным воздействиям, сравнимым с напряженностью земного поля, а на сильные, наоборот, почти не реагируют. Но теперь мы с Иваном Андреевичем пересмотрели прежние выводы и задумались: а может, в этом как раз весь фокус? Может быть, природа специально наделила угрей такой способностью реагировать лишь на длительные, сравнительно постоянные воздействия небольшой силы, чтобы они могли по ним ориентироваться? Иначе каждая магнитная буря сбивала бы их с пути.

Бек: — Гипотеза любопытная, но пока это одни предположения.

Елена Павловна: — Разумеется, она нуждается в проверке, и мы наметили серию специальных опытов.

Бек: — Я все-таки уверен, что главным органом ориентации служит обоняние. Угри плыли то на юг, то на север. Переходили от слоев воды с большей соленостью к менее соленым. Так же противоречивы и температурные показатели по пути угрей, не говоря уже о магнитных воздействиях. Самым надежным ориентиром остается химический состав воды, а, так сказать, компасом угрей — их тончайшее обоняние...

Кто-то перебивает из зала:

— А где анализы проб воды, доказывающие, что угри руководствуются обонянием при выборе направления?

Казимир Павлович разводит руками:

— Мы можем делать лишь химический анализ. К сожалению, у нас нет пока прибора, который бы сравнился в чувствительности к запахам и посторонним примесям хотя бы с носом собаки. Самая обыкновенная дворняжка различает в пятьсот тысяч раз больше различных запахов, чем человек. Пока нам остается ей только позавидовать.

Вскакивает Волошин:

— Казимир Павлович, это запрещенный прием, удар ниже пояса! Вы отвергаете магнитную гипотезу за недоказательность, а сами выдвигаете предположения, подтвердить которые или опровергнуть в настоящее время вообще невозможно...

Страсти разгораются. Трезвый скептицизм Бека сталкивается с горячностью Елены Павловны. Волошин грозит в самое ближайшее время создать «искусственный нос, не хуже собачьего, или механическую муху, которая бы мгновенно проводила химический анализ на манер живой...».

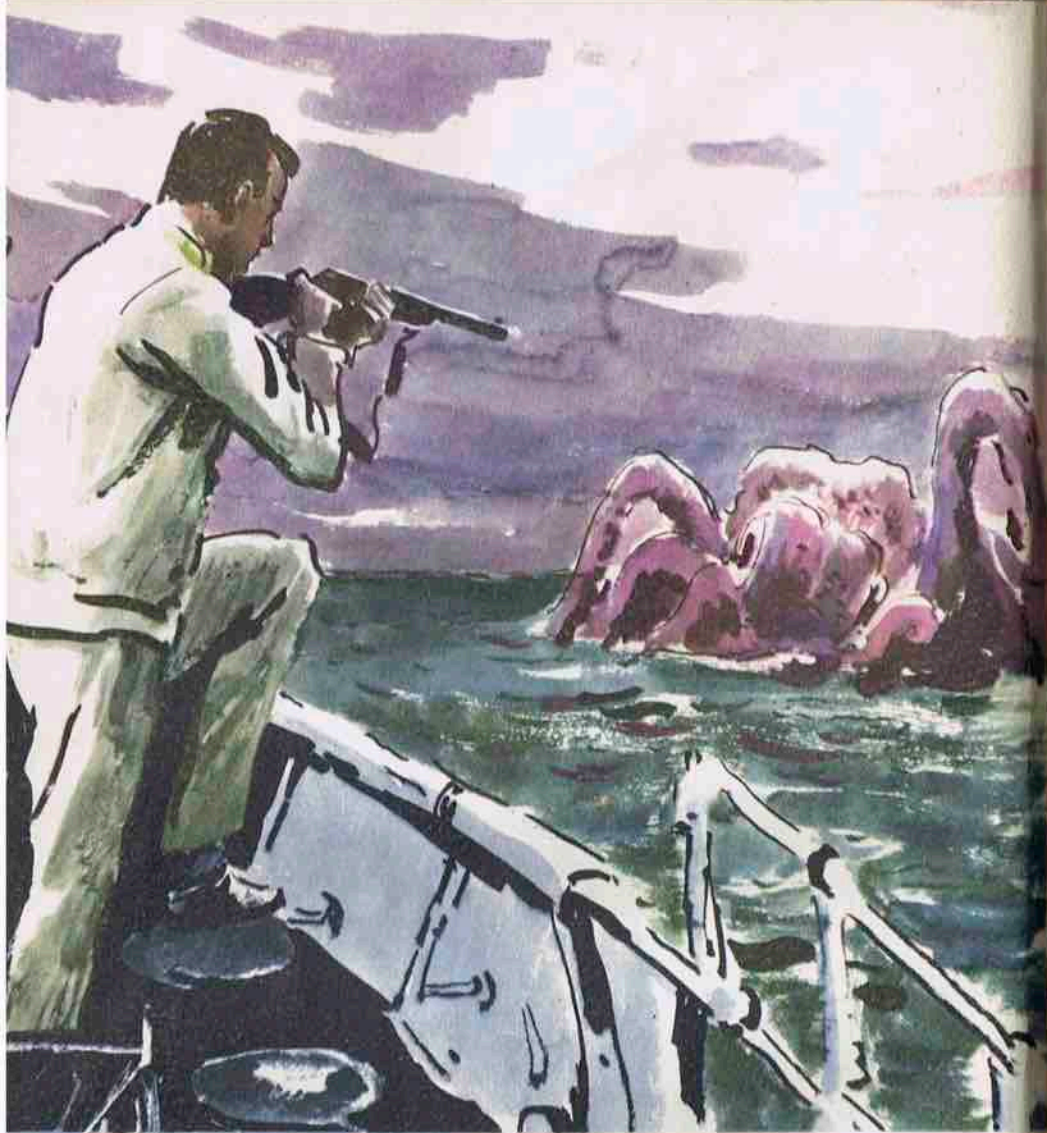
Бек кланяется ему в пояс:

— Мы будем только рады получить такие приборы. Они немедленно подтвердят справедливость нашей гипотезы.

Один из молодых физиков напоминает, что дважды в местах нереста угрей приборы отмечали аномалии силы тяжести. Не доказывает ли это, что угри шли к этим местам, ориентируясь по гравитации? Эта гипотеза тоже находит немало сторонников.

Только Логинов молчит. Внимательно слушает и делает какие-то пометки в блокноте. Какова все-таки его точка зрения?..»

К стр. 138

Ученый совет принял решение — плыть на юг и продолжать исследования.

В глубинах Саргассова моря нерестятся не только европейские речные угри, но и американские. Различить их личинки можно лишь под микроскопом по числу миомеров — крошечных мышечных сегментов, из которых потом образуются позвонки взрослого угря.

Личинки неотличимы на вид, но уже с первых дней жизни ведут себя по-разному. Одни, повинаясь какой-то таинственной «программе», заложенной в них природой, поплывут на восток, чтобы через три года достичь берегов Европы и превратиться в стекловидных угрей. А другие отправятся на запад. До берегов Америки им плыть значительно ближе, поэтому американские угри завершают свое превращение из личинок в три раза быстрее — всего за год.

Разные программы поведения, различные пути в океане и природные условия — и такие разные судьбы! И особенно эти заложены уже в мельчайших личинках — вот почему так важно было ученым запастись для исследований и американскими угорьками и европейскими, чтобы потом выведывать их тайны в лабораториях.

«Богатырь» взял курс на юг, к Багамским островам. Здесь скорее всего находились нерестилища американских угрей — европейские так далеко к югу не заплывают.

Океан был по-прежнему спокоен и пустынен, но все надеждой вглядывались в даль, затянутую легкой дымкой, — пожалуй, я особенно нетерпеливо: ведь мы приближались к тем местам, где в прошлом году отбивались с помощью дельфинов от акул, плавая на резиновом плотике после таинственного взрыва и гибели «Влюбленной Сирены»...

Однообразная пустынная гладь океана всем уже порядком надоела. Часами мы выстаивали на палубе, на носу, высматривая землю с нетерпением многострадальных матросов Колумба или Магеллана. Несколько раз даже раздавались ликующие возгласы:

— Земля!

Но корабль не сбавлял хода, и вскоре мы разочарованно убеждались, что мнимый райский островок оказывался еще одним скоплением водорослей.

У бассейна на палубе всегда выстраивалась длинная очередь жаждущих искупаться, но теперь, несмотря на жару, и

она поредела. Всем хотелось, кажется, почувствовать под ногами твердую землю. Даже Сергей Сергеевич как-то однажды, отвернувшись от сверкавшей под солнцем воды, мрачно сказал:

— Прав был древний грек Анахарсис: «Люди делятся на три вида: те, кто живы, те, кто мертвы, и те, кто плавает в море...»

— Вы становитесь мрачным пессимистом, — глуховато засмеялся стоявший рядом Казимир Павлович. — А я так все больше понимаю Эйнштейна. Нигде лучше не работается, чем в маячной башне или здесь, в открытом океане. Подышу сейчас морским ветерком — и работа пойдет быстрее...

Ученым приходилось легче, скучать было некогда. Казимир Павлович то колдовал возле своих коз, заставляя их в барокамере «нырять» все глубже и глубже, то спешил к операторам электронно-вычислительной машины с кипами анализов и расчетов, требовавших срочной обработки. Загадочное «алито» все еще не давалось в руки.

Можно было нередко встретить Бека и в лабораториях биологов, где они с Еленой Павловной и ее мужем изучали строение внутренних органов гигантского кальмара.

Этот трофей оказался интересен для многих исследователей. И Волошин нередко приходил посоветоваться с биологами, еще разок уточнить какие-нибудь особенности строения так заинтересовавшего его природного «уловителя» инфракрасных лучей, а потом спешил к себе в мастерскую, чтобы усовершенствовать еще чем-нибудь заветный звуковизор.

Появилось у Волошина и новое увлечение...

Убирая утром каюту, я поднял с пола завалившийся под койку листок бумаги. Пробежал глазами несколько строк — нужна ли бумажка или можно выкинуть? — и удивился.

Это была, видимо, выписка из какой-то книги, сделанная Сергеем Сергеевичем:

«7 декабря 1905 года в 10 часов 15 минут утра мы находились на корме яхты «Валгалла», когда вдруг мистер Николл обратил мое внимание на странный предмет, который плыл по поверхности моря в ста ярдах от яхты.

— Что это? Плавник огромной рыбы?

Я взглянул туда и тотчас увидел большой плавник, торчащий над водой. Он был темно-коричневого, как морские водоросли, цвета и несколько морщинистый по краям,

длиной около шести футов и фута на два выступал над водой.

Я направил на него свой полевой бинокль и... увидел огромную голову и шею, поднимающуюся впереди плавника. Шея не соединялась с плавником, а торчала из воды на расстоянии 18 или больше дюймов спереди от него. Казалось, что шея была толщиной с тело человека и на 7—8 футов возвышалась над водой...

— Сергей Сергеевич, да вы, кажется, всерьез решили выследить морского змея?! — воскликнул я.

— Что? Где это вы взяли, дайте-ка сюда. — Волошин отобрал у меня бумажку и поспешно спрятал в ящик стола.

Он как будто слегка смутился, но тут же перешел в атаку:

— А что? Это вполне заслуживающее доверия свидетельство. Принадлежит ученому, английскому зоологу Миду Уолдо, опубликовано в солидном органе — «Записках Зоологического общества». Подождите, мне бы только с ним встретиться, а я уж приманю этого змея в гости! Тогда уж Логинов не отвертится...

Да, Логинов был прав: неугомонному Сергею Сергеевичу явно мало одних загадок угрей. На большой глубине были обнаружены три крупных их скопления. Все угри оказались американскими — значит, курс «Богатыря» был выбран правильно.

Ученые засиживались в лабораториях до поздней ночи, так что Логинов пригрозил ввести специальный сигнал отбоя, через пять минут после которого всюду будет выключаться свет.

Угрозу эту, конечно, никто не принял всерьез, потому что и сам Андрей Васильевич увлекался исследованиями не меньше других.

Улучив момент, я все-таки решил расспросить его о загадочной надписи в блокноте, сделанной во время погружения мезоскафа в царство перестыющихся угрей.

— «Гибель запрограммирована»? — переспросил он, привычным жестом потирая щеку. — Не пугайтесь, в этой записи нет никакого зловещего смысла.

— Но что она означает?

— Помните, я говорил о том, что в организме речных угрей как бы последовательно включаются различные программы поведения, заложенные в них природой? Попадая в

пресную воду, личинки превращаются во взрослых угрей. Потом наступает определенный момент, и угри устремляются обратно в море. И смерть у них тоже жестко запрограммирована, это очень важно. Как только закончится нерест, все угри погибают.

— Как дальневосточная горбуша?

— Примерно. Подобная «запрограммированная гибель» организмов, которые вполне здоровы и могли бы еще долго жить, встречается у некоторых насекомых, осьминогов и даже у растений. Наступает определенный момент, и они вдруг погибают. Почему? Только в силу каких-то внутренних причин. «Смертный приговор» для каждого из них строго запрограммирован природой, где-то записан в организме...

— Ну и что же?

— Это заставляет думать, что память, передающаяся по наследству, имеет для ориентации угрей гораздо большее значение, чем мы предполагали раньше. Все записано где-то в нервных клетках угрей; и куда плыть, когда и каким путем возвращаться и когда умирать, понимаете? Вот мы теперь и ищем, где же прячется это программирующее устройство.

— И вам удалось уже что-нибудь выяснить?

Логинов покачал головой и вздохнул.

— Разгадка не дается легко в руки. Она как бы отступает все дальше вглубь. Нам уже приходится искать ее не в отдельной нервной клетке, а еще глубже — в изменении строения молекул РНК и других носителей наследственности...

Тут нас прервал очередной выкрик:

— Земля!

Я подошел к борту, но ничего примечательного не увидел. Однако более опытный Логинов посмотрел на мостик, где капитан что-то втолковывал вахтенному штурману, не отрывая бинокля от глаз, и сказал:

— Кажется, в самом деле какой-то остров. Надо пройти на мостик.

Воспользовавшись случаем, я последовал за Логиновым, а поднявшись на мостик, постарался пристроиться так, чтобы никому не мешать.

Капитан передал бинокль Логинову и, не оборачиваясь к рулевому, скомандовал негромко:

— Пять градусов право руля.

— Есть пять градусов право! — четко и весело повторил рулевой.

— Людей незаметно, — сказал Логинов, возвращая бинокль капитану. — Что это за остров?

— Безымянный, хотя на карте обозначен.

— Подойти сможем?

— В рифах есть хороший проход. Мы как раз к нему выйдем.

— Ладно. Пойду распорядиться, чтобы готовились к высадке.

Логинов ушел. Мне тоже хотелось глянуть в капитанский бинокль, но попросить об этом я не решался. Островки так уже был виден: белая кромка прибоя, а над нею — три вихрастые верхушки пальм, словно торчащие прямо из океана.

— Аркадий Платонович, а остров обитаемый? — спросил я капитана.

— Вероятно, нет. Уж очень он невелик да гол, прокормиться нечем. И стоит на отлете, нечего тут людям делать. Да вы посмотрите сами, вижу, как вы на мой бинокль поглядываете. — Но протягивая мне бинокль, капитан не удержался, чтобы не напомнить: — Только потом не забудьте поставить окуляры точно на нулевую отметку и повесьте его вот сюда.

Остров в самом деле был маленьким и пустынным. В бинокль были видны широкие песчаные пляжи, густые заросли кустарников у подножия пальм. Но никаких признаков жизни.

Широкая белая полоса кипящей пены окаймляла весь остров, отмечая опасные коралловые рифы. Лишь в одном месте вода была спокойной. Здесь был довольно широкий проход. Но «Богатырь» подходить ближе к берегу не стал, а бросил якорь неподалеку, чтобы не напороться на рифы.

Конечно, я оказался на первом катере, отправившемся на берег. Рядом сидел Волошин, увешанный фотоаппаратами.

— Зачем вам столько? — удивился я.

— Один заряжен черно-белой пленкой, другой — цветной. Третий надо приспособить для подводных съемок.

Мы миновали проход и очутились по ту сторону рифа, в лагуне. Вода здесь была совершенно спокойной и кристально чистой. Свесиваясь через борт катера, мы разглядывали подводные заросли.

Я приподнялся...

И тут же едва не свалился за борт, ощутив неожиданно сильный толчок в спину!

— Что с вами? — с трудом удержал меня Волошин. — Хватайтесь за что-нибудь. Эх, какой уникальный снимок испортили!

— Меня кто-то ударил, — растерянно сказал я, потирая грудь.

— Кто ударил? Может, это у вас солнечный удар начинается? — удивился Волошин.

— Да нет, кто-то в самом деле стукнул меня сзади. Видите, и рубашка мокрая.

— Вот он, паразит, куда забился! — вскрикнул один из матросов, пытаюсь носком сапога вытолкнуть из-под лавки что-то темное, блестящее, бесформенное.

— Кальмар, — сказал Волошин. — Ловите, подарим его Беку.

Но мы даже не успели рассмотреть этого кальмарчика, так неожиданно влетевшего в лодку. Внезапно он высоко подпрыгнул и шлепнулся в воду уже метрах в трех от шлюпки.

— Ловко летает! — с восхищением покрутил головой Волошин. — Надо ими заняться.

Катер ткнулся носом в ослепительно белый ракушечный песок, и мы один за другим сошли на берег.

Весь островок можно было обойти за каких-то полчаса. Он оказался не слишком живописным. Высохшая трава шуршала под ногами, на растрескавшейся от зноя земле росли лишь кактусы да колючие кусты эфедры. Три или четыре кокосовые пальмы высоко поднимали над этими зарослями свои зеленые шапки. По их гладким стволам ловко карабкались крупные пурпурные крабы.

На берегу, поднимавшемся здесь немного повыше над морем, мы наткнулись в зарослях на какое-то подобие кресла, вытесанного из ноздреватого камня. Значит, остров когда-то был обитаем?

Зной. Тишина. Только юркие ящерицы, шурша, выскакивают из-под наших ног и прячутся в трещины, покрывающие выжженную солнцем землю.

На дальнем конце островка мы нашли небольшой родничок, питавший ручей, который тут же, через несколько шагов, так и не напоив жаждущей земли, бесполезно стекал в море.

Вода в роднике была чистейшая и ледяная даже в тот знойный тропический день.

— Фу-у, совсем как наша, российская, — блаженно отдуваясь, проговорил пристроившийся рядом со мной боцман и тут же, стряхнув сверкающие капельки со своих щегольских усов, нагнулся и начал пить снова.

На берегу шла веселая возня, и загорелые мускулистые матросы, поднимая тучи сверкающих брызг, прыгали в теплую воду. Я тоже поспешил раздеться и нырнул, с невыразимым наслаждением ощущая буквально каждой клеточкой кожи ласковое прикосновение морской воды.

После пустынных вод Саргассова моря здешний подводный мир поражал буйным изобилием жизни. Разноцветные кораллы, похожие на окаменевшие цветы, колышущиеся заросли водорослей, пестрые рыбы одна причудливее другой...

У подводных скал толпами собирались толстые, упитанные губаны, объедая с них водоросли. Эти забавные рыбешки на вид казались ленивыми, но стоило протянуть руку, как они уплывали с завидной легкостью.

Среди ярко-красных, изумрудно-зеленых, коричневых и лиловых губок шныряли крабы, вспугивая крикливо раскрашенных рыб-попугаев.

Плывая вдоль рифа, я повернул голову и обмер...

Из темной расщелины на меня смотрел совершенно человеческий глаз — задумчивый и слегка печальный, прямо-таки «со слезой».

Казалось, глаз этот был вставлен прямо в коричневато-серую скалу. Но вдруг скала стала словно таять и оседать на моих глазах, терять свою форму — так оплывает догорающая свеча, — а откуда-то из-под этой живой скалы ко мне неторопливо и настороженно потянулись три изгибающихся щупальца...

Осьминог!

Я отпрянул и поспешил к берегу.

— Тут осьминогов масса, особенно возле рифа, — сказал Волошин, блаженно вытягиваясь на горячем песке рядом со мной. — Думаю, постойм у этого островка несколько дней. Не утерпят наши биологи. Для них раздолье в этой тихой лагуне. И мы, глядишь, рыбки половим. Давно я мечтал ушцы попробовать из каких-нибудь экзотических «ангельских рыб» или кровожадных мурен!

— А мурены здесь разве есть?

— Где рифы, там и мурены. Любят в расщелинах посиживать да подкарауливать рассеянных литераторов. Самая для них лакомая пища, — ответил Волошин, зловеще пришепывая и округляя глаза.

Из воды вышел Казимир Павлович и, стянув с лица маску, улегся рядом с нами.

— А вы здорово ныряете, — сказал я. — Промчались мимо меня, как акула.

Казимир Павлович прикрыл глаза ладонью от солнца и улыбнулся.

— Вас это удивляет? Я вообще неплохой спортсмен. И на лыжах бегаю, и боксирую помаленьку, и нырять люблю. Грешный человек, люблю и похвастать этим, потому что в молодости не отличался крепким здоровьем. Родители меня слишком опекали, от физкультуры в школе я увиливал. А потом спохватился и всерьез занялся спортом. По чеховскому завету: «Надо себя дрессировать!» Зрение у меня неважное, минус шесть. Но я сделал себе контактные линзы и ныряю свободно.

«Так вот почему глаза у него так странно порой поблескивают, — понял я только теперь. — Контактные линзы из тончайшего органического стекла...»

Сергей Сергеевич, читавший газету и явно не слышавший нашего разговора, вдруг громко чертыхнулся.

— Что вам не понравилось? — спросил его Бек.

— А-а! Наслаждаюсь номером «Майами-кроникл» двухнедельной давности, взял ее у профессора Конлея...

— Ну и что?

— Сия газетенка, оказывается, и научных интересов не чужда. Вот полюбуйтесь, — щелкнул он ногтем по одной из заметок. — Восхищаются, что в местном океанографическом институте пробуют учить дельфинов отличать свои подводные лодки от чужих путем эхолокации поверхностей различных металлов. А потом эти дельфины, как они надеются, станут чужие подводные лодки взрывать. Исследователи!

Сергей Сергеевич привстал, широко размахнулся и в сердцах швырнул газету в кусты.

— «Одно и то же пламя и прогоняет тьму и обжигает...» — негромко произнес Бек.

Волошин покосился на него.

— Леонардо да Винчи?

— Конечно.

— Неплохо. Эти слова надо бы написать над каждым атомным реактором, чтобы люди не забывали...

Освеженные купаньем, мы хотели вздремнуть, но не удалось. К группе матросов, загоравших неподалеку от нас, подошел молодой белобрысый механик и начал что-то торопливо рассказывать, все время указывая куда-то в глубь острова. Матросы вскочили и, одеваясь на ходу, двинулись за механиком.

— Не иначе, клад нашли, — садясь на песок и с интересом провожая их взглядом, сказал Волошин. — Заветный клад старика Флинта. А что? Тут края исконно-пиратские, под каждым камешком могут клады таиться. «Пиастры! Пиастры! Пиастры!» — прокричал он противным скрипучим голосом, подражая попугаю капитана Флинта.

Еще несколько морячков, треща сухими ветками, побежали через заросли вслед за товарищами.

Мы переглянулись.

— Пошли! — решительно сказал Волошин, подхватывая свое белье и фотоаппараты. — Велика сила внушения, и я все-таки не люблю никуда попадать к шапочному разбору.

— Нет уж, я подремлю. Золото меня не волнует, — отказался Бек.

Идти пришлось довольно далеко — на противоположный берег острова. Здесь среди зарослей, неподалеку от моря, мы застали уже целую толпу. Матросы сосредоточенно следили, как два обнаженных до пояса здоровяка, повязав головы совсем по-пиратски пестрыми платками, деловито работали лопатами.

— Точно, клад, чуяло мое сердце, — громко сказал Волошин, — и все расступились, пропуская его поближе.

— Тут какой-то дом был, Сергей Сергеевич, — сказал один из матросов. — Видите, каменная кладка? Остатки фундамента, не иначе.

Копавшие отдыхали, опираясь на лопаты. Они успели выкопать уже довольно большую яму, обнажив часть прочной каменной стены. Кажется, в самом деле остатки фундамента.

— Кому тут нужно было строить? — задумчиво пробормотал Волошин.

Мы так увлеклись раскопками, что не сразу заметили мо-

рячка, бежавшего к нам и все оглядывавшегося почему-то на море.

— Эй! — завопил он, размахивая бескозыркой.

— Что случилось? Тонет кто? — встревожился боцман.

— Да нет, — замотал головой морячок. — Там... — и снова оглянулся на море.

— Что там?

— Не знаю, — растерянно ответил он. — Похоже, пираты.

— Какие пираты?

— Клад нашел, что ли?

— Да нет, живые пираты, настоящие. Плынут сюда...

Мы гурьбой повалили сквозь заросли на берег. Картина, открывшаяся перед нами, в самом деле не могла не привести в полнейшее недоумение.

Уже миновав риф и кипевшие возле него буруны, по спокойной глади лагуны медленно приближалось к берегу какое-то необычное судно. Из воды выступала лишь небольшая выпуклость, ее вполне можно было принять за горб «морского змея». Но она была размалевана явно человеческими руками в ценстово-красный цвет, и из нее торчала голова в лихо заломленной на затылок широкополой шляпе.

А высоко над водой поднималась тонкая мачта, и на ней развевался легендарный пиратский «Веселый Роджер» — черный флаг с белым черепом и перекрещенными костями. Этот «Роджер» был в самом деле веселым: череп лихо подмигивал левым глазом, а в зубах держал дымящуюся трубку...

Молча мы наблюдали, как приближается загадочное судно. Потом кто-то неуверенно пробормотал:

— Подлодка...

Несомненно, это была подводная лодка, но какая-то невероятная.

Подойдя к мелководью, она не остановилась, а смело продолжала двигаться вперед. Из воды постепенно вылезал серый стальной корпус. Из носовой части его выступало нечто вроде чудовищной металлической руки, сжавшей в кулак цепкие стальные пальцы...

— Куда же он лезет прямо на берег! — воскликнул стоявший рядом со мной Волошин и тут же добавил с восхищением: — Ах, вот в чем дело... Амфибия.

Да, удивительная подводная лодка могла, оказывается, свободно двигаться и по суше! Снизу у нее оказалась площадка с гусеничными траками, словно у танкетки или вездехода. Они с лязгом пришли в движение, и через несколько минут подлодка-амфибия уверенно выбралась на плотный береговой песок и остановилась прямо перед нами.

— Хэлло! — весело крикнул загорелый человек, выглядывавший из люка и, явно наслаждаясь нашей растерянностью, приветственно помахал своей громадной шляпой. — Приветствую вас, ребята!

Он говорил по-английски.

Мы зачарованно смотрели, как незнакомец, снова напив шляпу, начал выбираться из тесного люка. Он оказался очень высоким — наверное, больше двух метров, — тощим и жилистым.

А за ним из того же люка вылез мрачный меланхоличный толстяк. Выкарабкаться ему было не легко. Он весь был увешан кинокамерами и фотоаппаратами. Толстяк не стал спускаться вниз, а уселся на рубке, торопливо вытер мокрое лицо пестрым платком и тут же начал, целясь в нас, стрекотать кинокамерой.

Так мы встретились с «наследниками капитана Флинта», как их вскоре все окрестили с легкой руки Волошина. Длинного звали Майклом Сондерсом, а его товарища — Фрицем Штрэнгелем. Они оказались, правда, не пиратами, но представителями, пожалуй, не менее удивительной и странной в наши времена профессии — искателями сокровищ.

Майкл рассказывал нам, как он почти три года просидел в различных библиотеках, изучая всякие исторические материалы. Особенно его заинтересовали отчеты о вывозке серебра и других сокровищ из испанских колоний в Европу.

— Протер шесть пар штанов, бог свидетель, но зато теперь могу искать наверняка, — похвастал он. — Составил такие карты, что мог бы их продать за миллион долларов. Но не хочу. Сам буду искать и заработаю все десять миллионов...

— А хоть один дублон нашли? — насмешливо спросил Волошин.

— А как же, — весело ответил американец, приподнимая шляпу. — Откуда же, вы думаете, я добыл денег на эту лодку?

И он рассказал, как, пользуясь одной из своих безоши-

бочных карт, за неделю якобы отыскал в прошлом году остатки испанского галеона, затонувшего у берегов Флориды в 1715 году, и за два месяца поднял со дна золотых монет и серебряных слитков на сто двенадцать тысяч долларов. Шестидесят тысяч из них он тут же истратил на постройку вот этой подводной лодки («по собственным чертежам», — мимоходом помянул Майкл) и теперь решил не тратить времени на поиски отдельных затонувших кораблей, а постараться сразу «снять сливки» — искать клады, наверняка запрятанные где-то на этих островках, служивших многие годы пристанищем для флибустьеров.

— Это гораздо рациональнее, чем искать затонувшие корабли, — деловито пояснил Майкл. — Пираты уже постарались для меня, ограбив сразу несколько кораблей. Так что, раскопав запрятанные ими сокровища, я одним выстрелом убью сразу целую стаю зайцев. Верно?

— Возможно, — уклончиво согласился Волошин. — Хотя, кажется, зайцы не бегают стаями...

— Это у вас в России. А у нас в Северной Дакоте, на моей родине, зайцы рыскают весной громадными табунами.

— Но тут, на островах, вы пока ничего не нашли? — спросил боцман, не очень уверенно подбирая английские слова и заливаясь поэтому от смущения густым румянцем.

— Ну, мы успели обследовать всего два островка. Но деньги идут на мой текущий счет все равно. Мы не теряем времени даром. Пока я ищу сокровища, Фриц снимает фильмы и подводные сценки для разных журналов. А фотограф он отличный.

Фриц в самом деле времени не терял. Пока мы сидели на теплом песке в тени пальмы и слушали рассказы Сондерса, его флегматичный компаньон, не меняя унылого выражения лица, успел сфотографировать нас уже, наверное, раз сто во всех ракурсах. Он даже пытался взобраться на пальму и снять нас сверху, но из этого ничего не получилось.

Забавно, наверное, будут выглядеть эти снимки на глянцевиных страницах какого-нибудь красочного журнала: загорелые полуголые русские моряки, сидящие кружком под кокосовой пальмой и внимательно слушающие рассказы о пиратских сокровищах и затопленных галеонах.

Но обстановка располагала и зачаровывала, так что и я несколько раз ловил себя на том, что начинаю верить и в со-

кровища, погребенные под белым песком на морском дне, среди обломков старинных галеонов, и в клады, закопанные, может, как раз под этой пальмой каким-нибудь лихим капитаном Бобби-Не-Жалей-Крови...

Конечно, мы повели Майкла на место наших раскопок, надеясь получить самую квалифицированную консультацию. Фриц опять защелкал своими бесчисленными фотоаппаратами, меняя их с быстротой и ловкостью фокусника.

Майкл внимательно осмотрел раскоп, но особого интереса почему-то не проявил. Может быть, какой-нибудь неписанный кодекс искателей кладов не позволял ему вмешиваться в дела своих соперников, а тем более помогать им?

Потом Майкл предложил Волошину посмотреть его удивительную лодку.

Волошин просидел в ней, наверное, добрый час, то и дело обмениваясь какими-то техническими рассуждениями с Майклом, который до пояса залез в люк и объяснял тонкости конструкции.

С трудом выбравшись, наконец, из тесного люка, Волошин долго жал американцу руку и приговаривал:

— Это чудо! Это чудо!

А Майкл так и сиял, смущенно похихатывая и шмыгая облупившимся под жгучими лучами тропического солнца длинным носом.

— Это в самом деле маленькое чудо техники, — сказал мне потом Волошин. — Так все продумано, изящно размещено. Лодка крошечная, а он ухитрился втиснуть и дизель и электромоторы. А механическая рука для захвата проб как послушно работает! Я бы взял этого парня в свою шайку. У него светлая техническая голова и руки, пожалуй, такие же ловкие, как у Логнинова.

Сергей Сергеевич потер поясницу и забавно сморщился:

— Однако там тесновато... Или это мы сами виноваты? Вы обратили внимание на странную закономерность: во всякие там батискафы и батисферы, где каждый сантиметр приходится экономить, стараются всегда почему-то залезть длинные люди, вроде меня или этого Майкла? У профессора Пинкара, изобретателя батискафа, рост был побольше двух метров. И знаменитый Биб, первым опустившийся в батисфере на глубину километра, тоже, кажется, был довольно долговым. Ей-богу, тут прячется какая-то таинственная закономер-

ность, надо будет подсказать Логинову эту темку для включения в план исследований...

Волошин пригласил Майкла осмотреть наше судно, и сам провел его по всем лабораториям. С ними увязался и неугомонный фотограф, поминутно ослепляя всех вспышками своих блицламп.

Особенно, конечно, заинтересовал Сондерса мезоскаф, и он облазил его весь, бурно выражая свое восхищение. Удовлетворенный Волошин жалел только, что не может прокатить гостя на своем кораблике: опускать мезоскаф на мелководье, возле рифов, было рискованно.

Но так же внимательно гости осмотрели и все уголки «Богатыря», заглянув даже в открытую дверь камбуза. И Фриц все щелкал, щелкал, не жалея пленки.

— По-моему, они ушли, так и не поверив, что все это предназначено для науки, — посмеиваясь, сказал Волошину после их визита Логинов. — Такой широкий размах им просто непостижим.

— Возможно, — согласился Волошин. — Фотограф-то, совершенно очевидно, надеялся снять какие-нибудь «сугубо секретные военные установки для подрывной деятельности». Все уши им прожужжали американские газеты, будто мы плаваем в здешних краях не иначе, как с разведывательными целями, а наука, дескать, лишь прикрытие. Даже профессор Конлей так и не смог до конца поверить, когда гостил у нас, что можно построить для науки вот такой плавучий институт, как наш «Богатырь», и отправить его чуть не на год в странствия за какими-то угрями.

14. „Я — АКУЛА В ОТСТАВКЕ...“

На следующее утро Волошин отправился с Майклом поплавать в его чудо-лодке среди рифов, «чтобы посмотреть технику в деле». Вернувшись, они разлеглись в тени на песке и завели длинный технический разговор, весьма довольные друг другом.

— Майкл, вы губите в себе Эдисона, — сказал Волошин. — Бросьте вы эту детскую охоту за мифическими сокровищами и займитесь серьезной работой, научной или изобретательской.

Сондерс слушал его, улыбаясь и покачивая головой.

— Нет, этим не проживешь, — сказал он. — Я, как ушел из армии, месяцев семь шатался без работы. Идти механиком в какой-нибудь заплеванный гараж не хотелось, а по основной специальности нашему брату в мирное время устроиться не так-то просто.

— А какая же у вас основная специальность? — спросил я.

— Разрешите представиться: акула в отставке. — Майкл шутливо приподнял свою немыслимую шляпу. — «Люди-лягушки» — слышали о таких? Подводные диверсанта. Помоему, точнее нас называть «людьми-акулами». В армии нас дрессировали так, словно готовили к штурму самого ада. Под кого мы только не маскировались — разве только призраками и морскими сиренами не были... Кстати, неплохая идея! Можно продать Пентагону, а?

Он потянулся всем своим длинным и гибким телом и задумчиво сказал:

— Ну, а когда акула выходит в отставку, куда ей деваться и где применить свой богатый опыт? Один мой приятель устроился к ученым на Бермуды...

— Его зовут не Ричард? — перебил Волошин.

— Да, Дик. А откуда вы знаете? — изумился Сондерс. Волошин рассказал, как мы познакомились с Ричардом Лоринсоном на полузатонувшем корабле посреди Саргассова моря.

— Это он, — кивнул Майкл. — Дик всегда умел чисто работать. Лучшим взрывником у нас считался в группе. А что: сильно он разбогател, занимаясь теперь наукой, вы не заметили случайно?

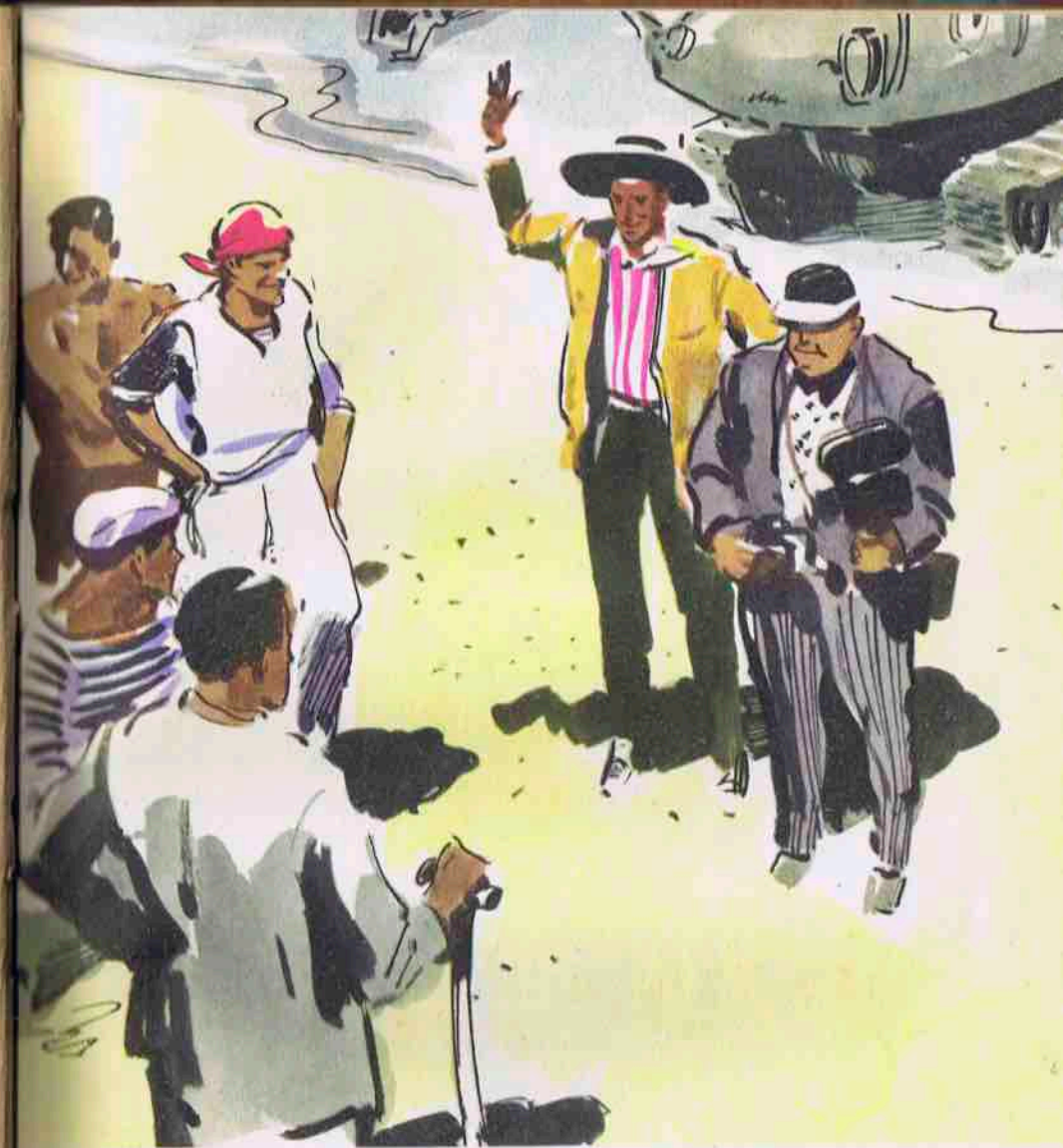
— Кажется, нет, — засмеялся Волошин.

— То-то, — вздохнул Майкл. — У меня больше шансов стать вторым Морганом. Можно, конечно, заняться и другим бизнесом, как некоторые из наших отставников... Но это не по мне. Лучше уж я буду искать честные сокровища, награбленные другими...

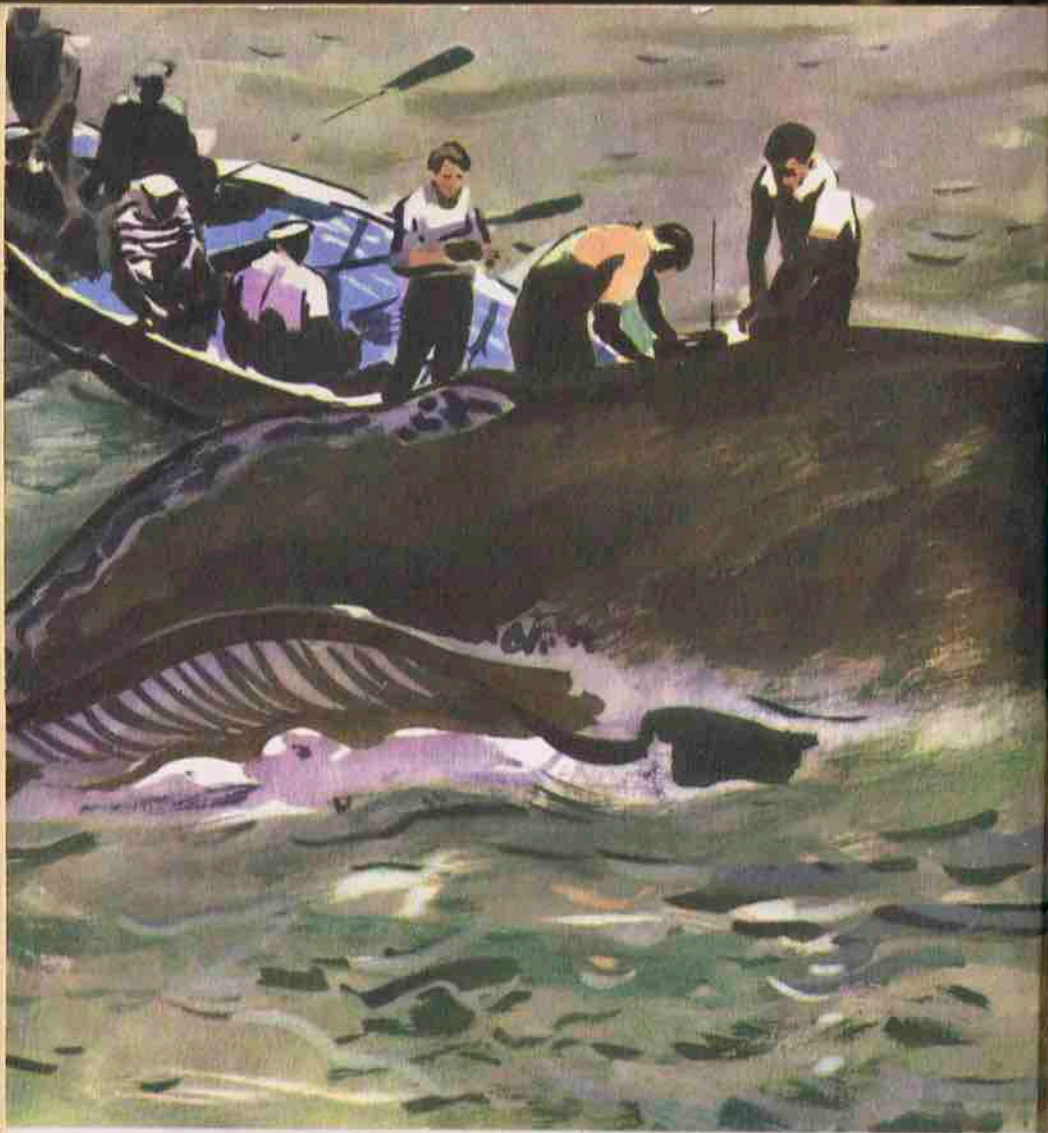
Он замолчал, вытянувшись на спине и прикрыв лицо шляпой. Но мы с Волошиным и так, без дальнейших расспросов, могли догадаться, каким «другим бизнесом» способны заниматься «отставные акулы»...

Не один ли из прежних дружков Майкла и Дика по диверсионной школе утопил в прошлом году неподалеку от этого мирного берега «Влюбленную Сирену»?

Мне сразу отчетливо вспомнилось, с какой привычной и даже щеголеватой ловкостью взорвал тогда Ричард Лоринсон «Дункан» в Саргассовом море, — словно хотел поразить нас своим мастерством. Но мы ведь видели уже точно такой

К стр. 155

К стр. 178

же, точно рассчитанный взрыв, когда едва не погибли вместе с «Влюбленной Сиреной»...

Прогноз Волошина оправдался: причудливый мир подводных обитателей рифов так заинтересовал наших биологов, что «Богатырь» задержался на несколько дней у безымянного островка.

Биологи целыми днями не вылезали из моря, занимаясь своими исследованиями и стараясь наловить побольше всякой удивительной живности для своих аквариумов, а мы тоже, конечно, не теряли зря времени.

Стоило лишь надеть маску и нырнуть в теплую, прозрачную воду, как глазам открывались чудеса, и в каждом немедленно просыпался дух исследователя и первооткрывателя.

Пучеглазые крабы величиной с тарелку, рыбы всех цветов радуги, зловещие мурены, высывавшие из темных расщелин свои оскаленные пасти, которые они, по-моему, вообще не могли никогда закрыть — так мешали им торчащие во все стороны острые, как иголки, зубы...

Но самыми интересными подводными жителями были осьминоги.

Они встречались буквально в каждой расщелине рифа. И наверное, именно потому, что их тут оказалось так много, я довольно быстро пересилил первое неприятное чувство какой-то боязливой гадливости и скоро уже начал «заигрывать» с этими странными, причудливыми существами.

Как выяснилось, вопреки мрачным легендам у осьминогов весьма покладистый и даже, я бы сказал, вежливый нрав. При виде подплывающего человека они вовсе не спешили кровожадно броситься на него, а старались спрятаться, отступить куда-нибудь в глубь расщелины, распластаться по скале, притвориться совсем незаметными и безжизненными, словно камни.

Если это не помогало и вы настойчиво пытались познакомиться с ним поближе, осьминог начинал пугать вас — в точности, будто читался «страшных» морских романов.

Он извивался, то сжимаясь в тугой клубок, то вдруг раздувая свое гибкое тело, чтобы показаться огромным и грозным. При этом непрерывно менял окраску, из пепельно-серого становясь вдруг зловеще-черным, а потом красновато-коричневым. Щупальца его грозно раскачивались, извивались, точно клубок смертоносных змей. При этом осьминог таранил

и закатывал глаза. А если и это не помогало, то всякий раз он в конце концов поступал одинаково: выбрасывал темное «чернильное» облачко, чтобы отвлечь ваше внимание, и стремглав улупетывал.

Один из его собратьев пустил такое защитное облачко прямо мне в лицо. Все вокруг на несколько минут окрасилось в удивительно сочный и яркий зеленый цвет. Но когда биологи мне сказали, что «чернила», выбрасываемые осьминогом, содержат в себе какой-то природный наркотик, одурманивающий рыб, я такие опыты больше повторять не стал и держался от причудливых обитателей подводных скал на достаточном почтительном расстоянии.

Осьминоги, пожалуй, больше всей другой живности, кишевшей в лагуне, интересовали наших биологов. Не так-то часто удается наблюдать эти удивительные существа в природной обстановке. А содержать осьминогов в неволе нелегко.

Им трудно усваивать кислород из воды, поэтому природа и подарила приматам моря по три сердца, непрерывно омывающих жабры голубой кровью. Чтобы не задохнуться, осьминогу средней величины приходится «прокачивать» за час почти пятьсот литров морской воды, насыщенной кислородом. Конечно, в аквариуме создать такой режим трудно.

Логинов мне рассказал, чем особенно интересовали наших биологов эти сумрачные обитатели скалистых расщелин:

— Есть у осьминогов одна особенность, весьма любопытная. Это я все о том же: где прячется память? Понимаете, сколько физиологи ни искали, у человека пока не удается точно локализовать места в коре головного мозга, которые бы достоверно были связаны с процессом запоминания. Нашли центры удовольствия и страха, достаточно точно определили, какой именно участок коры отвечает за определенные движения. А вот «точек запоминания», если можно так выразиться, никак не удается нащупать. Правда, есть в височных долях коры такие области, при раздражении которых слабым электрическим током вдруг с большой четкостью и свежестью возникают образы прошлого, пережитого, казавшиеся давно и прочно забытыми. Но это еще ни о чем не говорит. У людей, лишившихся в результате какого-нибудь заболевания и операции этих височных долей, память вовсе не ухудшается. А опыты с кошками и собаками показали неожиданно, что

они вполне способны обучаться простым реакциям, даже если у них совсем нарушены нервные связи между корой и стволом мозга. Получается, что, возможно, кора вообще не служит хранилищем памяти, а лишь участвует в координации и воспроизводстве в нужный момент информации, хранимой где-то совсем в других местах. А вот осьминог интересен тем, что у него каждый из органов чувств имеет в мозге свою отдельную область, ведающую запоминанием, накоплением опыта. Одна запоминает только зрительные впечатления, другая — скажем, осязательные. И если у осьминога удалить или заблокировать, например, зрительную «запоминающую» часть мозга, то он будет видеть по-прежнему, но ничему научиться с помощью своих органов зрения уже не сможет, ничего не запомнит...

— А разве вообще осьминога можно чему-нибудь научить? — удивился я.

— Конечно, как и всякое животное. Даже у одноклеточных инфузорий можно выработать определенные рефлексy. А осьминог, так сказать, гораздо одареннее. Не хуже слонов или собак они различают маленький квадрат от большого, белый круг от черного, кресты и треугольники. Они неплохо поддаются дрессировке, надолго запоминая связь между каким-либо заданием и поощрением за его выполнение.

Признаться, тогда я не особенно задумался над тем, о чем рассказывал Логинов. Смешно, но меня даже немножко обижало, что наши исследователи как бы «изменили» угрям и так увлеклись осьминогами. Я и не подозревал, какую важную роль суждено сыграть этим наблюдениям для разгадки тайны ориентации угрей...

Осьминоги действительно нередко проявляли совершенно удивительную сообразительность, я убедился в этом, ныряя вместе с биологами среди рифов.

Местами осьминоги, которым не досталось «квартир» в расщелинах рифа, устроили себе «индивидуальные домики» прямо на песчаном дне, среди камней. Меня удивило, как ловко они выбрали себе подходящие груды камней. У некоторых гнезд широкие плоские плиты, прикрывая их сверху, будто в самом деле служили крышей.

Но Логинов сказал, что осьминоги не только выбирают себе подходящие места для гнезд, а сами их строят, притаскивая камни издалека.

Я этому не поверил. Тогда Андрей Васильевич разрушил один из домиков, далеко разбросав камни в стороны. Перепуганный хозяин забился куда-то, спрятался, прикрывшись от нас «чернильным» облаком. Мы оставили его в покое.

Но приплыв сюда на следующее утро, нашли осьминога опять сидящим в уютном домике! За ночь он восстановил его, притащив все камни обратно и даже аккуратно возведя над своим гнездом каменную крышу.

А однажды нам удалось подсмотреть, как ловко головоногие «мыслители» охотятся на моллюсков.

Большой осьминог, распластавшись на скале и приняв такой цвет, что почти слился с нею, терпеливо ждал, пока крупная раковина приоткроет свои створки. Наконец створки медленно раздвинулись...

В тот же миг щупальца пришли в стремительное движение и просунули между створками обломок коралла!

Раковина уже не могла закрыться, и обитательница ее стала добычей хитрого осьминога. Как хотите, а для такой охоты нужно иметь соображение!

А с какой ловкостью и изобретательностью не раз обманывали эти причудливые существа наших ученых, пытавшихся их поймать! Кажется, уже все: осьминог пойман и посажен в прочную коробку. Для верности она несколько раз обязана веревкой...

Но приносят ее в лабораторию, торжественно открывают, а коробка пуста. Как ухитрился выбраться из нее осьминог сквозь щелку всего в три миллиметра толщиной — загадка.

Работы исследователям хватало и в море и за лабораторными столами.

Наблюдая, с какой виртуозной ловкостью Логинов с помощью особого манипулятора, смонтированного с микроскопом, делает операции на одной-единственной нервной клетке, я хорошо понимал восхищение Волошина, однажды сказавшего мне:

— Мы грубые кузнецы по сравнению с ним. А ведь он ухитряется отдельную нервную клетку перекраивать. Такие фокусы легендарному Левше и не снились. И задачка, которую он перед собой поставил, какая: найти, где память прячется. А что такое память? Нечто бестелесное, пар один!

— Но чем это может помочь в разгадке, скажем, тайны ориентации угрей? — недоумевал я. — Что могут они запомнить, странствуя в морских глубинах, где вечная ночь, почти постоянная температура и нет никаких ориентиров, — вы ведь сами об этом не раз говорили?

Волошин ничего толком не мог ответить, но не сдавался:

— Все узнаем, все!

Сам он успевал увлекаться не только осьминогами, но и летучими мышами-рыболовами, которых много оказалось на острове. Днем они отсыпались в своих подземных норах, а в тихие вечерние часы вылетали на охоту.

Серыми призраками летучие мыши бесшумно носились над морем, потом камнем падали в воду — и тут же взмывали, цепко зажав в когтистых лапках зазевавшуюся рыбешку.

— Ловко? — восхищался Волошин. — И ведь как они ухитряются своим гидролокатором с такой точностью нащупать рыбку под водой. Вы профан, вас это, может, и не слишком удивляет. Но я-то в физике разбираюсь и отлично знаю, что через границу между водой и воздухом проникает лишь одна тысячная звуковой энергии, остальная отражается, рассеивается. Представляете, какой мощности у них локатор? И весит орган, испускающий ультразвуковые сигналы, у мышки всего-навсего одну десятую грамма при объеме около кубического сантиметра. А мой прибор...

Сергей Сергеевич так обескураженно махнул рукой, что мне стало его жалко.

— Зато ваш аппарат видит в разных лучах и сквозь любые преграды...

— Плохо, плохо еще видит. И по многим показателям природа-матушка нам еще сто очков вперед даст. Но поставимся, поломаем голову. Не в лоб, так обходной хитростью возьмем. Вся история бионики учит, что не обязательно слепо копировать природу, чтобы превзойти ее изобретения. Порой лучший результат дает совершенно иной принцип, а природа лишь подсказывает заманчивую задачку. У кого из животных вы видели, к примеру, колесо? А человек до него давно додумался и неплохо ездит.

Потянувшись, Сергей Сергеевич добавил:

— Хотя и много темного, а все равно куда интереснее так вот ломать голову, чем искать клады на манер этих наслед-

ников капитана Флинта! Чего этот Майкл торчит на острове? Похоже, ждет, когда мы уплывем. И все шарит, шарит... Какой талант в землю закапывает!

Мы встречались и беседовали с Майклом каждый день. Островок невелик, все видно как на ладони. Он почему загостился, в самом деле.

Пока его компаньон охотился за новыми сенсационными снимками, порядком надоедая нашим ученым и морякам, Сондерс обследовал островок с каким-то усовершенствованным миноискателем собственной конструкции. Никаких железных сундуков с пистолетами он пока не нашел, но продолжал поиски с методичностью и упрямством робота.

К нашему раскопу он больше не приходил, видно, в самом деле соблюдая какой-то неписанный кладовладельческий кодекс. А раскопки между тем все больше озадачивали нас.

Мы нашли проложенные в земле трубы, по ним к дому подавалась пресная вода от родника. Другой подземный водопровод соединял загадочный дом с морем. Соленая морская вода перекачивалась по нему в большие, хорошо зацементированные бассейны.

Зачем они были нужны? Для купания малы. Да и какой смысл было их устраивать в двух шагах от вечно теплого моря?

— Что это могло быть за здание? — приставал я к Волошину.

— Сам ломаю голову, — отвечал он. — Если бы я рискнул высказать наидичайшую мысль, какая мне пришла в голову, не рискуя стать объектом ваших насмешек, то я бы сказал, что мы наткнулись на остатки какой-то хорошо спланированной и неплохо, видимо, оборудованной лаборатории...

— Лаборатории?!

— Вот видите, вы уже издаете негодующие восклицания. Конечно, зачем и кому взбретет в голову строить лабораторию в таком глухом месте, на крошечном необитаемом островке? Посему умолкаю, и не приставайте ко мне больше с провокационными вопросами. Мне не до сокровищ, без того кругом идет голова от задач, которые то и дело придумывают эти сумасшедшие биологи. Вы слышали, чего захотел Бек? Чтобы я ему придумал приборчик, который бы на расстоянии измерял у кальмара малейшие изменения состава крови, да еще так, чтобы не беспокоить его, а то, упаси боже,

у бедного кальмара кровяное давление от волнения повысится. А?!

Бек в самом деле не давал Волошину покоя уже несколько дней. Каждое утро он приходил к нам в каюту и заводил разговор о том, как хорошо было бы установить на нескольких кальмарах какие-нибудь миниатюрные датчики.

— Но как же вы будете снимать показания этих датчиков? — спрашивал Сергей Сергеевич. — Ведь он же, бестия, вон как ловко ныряет...

— Как-нибудь с телеуправлением... на расстоянии, вам это, разумеется, виднее, дорогой Сергей Сергеевич, — невозмутимо отвечал Бек.

— Но ведь это маленькие кальмары, как на них датчики установишь? А батареи для питания? Вот если бы нам такого кальмара поймать, какой обнимал мезоскаф! Такому любые приборы можно навьючить, пожалуйста...

— Но вы решали задачки и потруднее, уважаемый Сергей Сергеевич. Хотя бы с этими сигнализаторами для угрей. Так что на вас полагаюсь.

— Да зачем вам, биохимикам, дались эти каракатицы? Противные гады, пусть с ними биологи занимаются. Вон Логинов забил ими уже все аквариумы. Расползутся они у него по всему кораблю, тогда житья не будет. Плюньте вы на этих каракатиц, занимайтесь чистой химией.

— Надо, Сергей Сергеевич. Есть у меня одна идея. Помогите ее проверить. Без вас ничего не выйдет.

— Именно с каракатицами?

— С кальмарами. Но и каракатицы меня интересуют. Впрочем, это потом...

Волошин чертыхался, бурно выражал свое возмущение, но тут же начинал, забывая обо всем на свете, набрасывать на первом попавшемся листочке бумаги (я уже старательно прятал от него свои блокноты) какую-то осенившую его схему «проклятуших датчиков».

— Ладно, но только вы мне поможете разобраться с летучими мышами...

Через неделю нашим ученым все же пришлось свернуть свои увлекательные исследования и покинуть обетованный рай прогретых солнцем и богатых всякой живностью прибрежных вод. Пора уже было отправляться на поиски новорожденных личинок, пока они не исчезнут в глубинах океана,

чтобы двинуться в свой таинственный путь к устьям далеких рек. А ускорила отплытие одна тревожная находка.

Один из матросов случайно подобрал на берегу листок полузасыпанной песком бумаги. Наверное, мы часто мимо него проходили, но он не привлекал внимания именно своей обыкновенностью — клочок бумаги, торчащий из песка.

Это оказалась листовка с грязными проклятиями по адресу свободной Кубы. Выпустил ее какой-то эмигрантский «Комитет освобождения. Отдел W».

Этот грязный листочек сразу напомнил нам, как обманчивы мир и тишина, царившие на островке. Видно, его посещали совсем недавно, листовку не успело унести ветром или смыть тропическим ливнем.

Мы даже не знали толком, какой стране принадлежит этот безымянный островок. Может, катера, то и дело совершающие бандитские налеты на Кубу, запасаются здесь водой? И кто знает, для чего в действительности предназначалось оборудованное с такой тщательностью таинственное здание, остатки которого мы раскопали?

И ведь не случайно совсем недалеко отсюда загадочным взрывом была злодейски потоплена «Влюбленная Сирена»...

Нет, это был далеко не мирный уголок планеты. И не стоило здесь больше задерживаться.

15. КИТЫ ЛЮБЯТ, КОГДА ИХ ГЛАДЯТ

Рано утром мы покинули остров. Искатель кладов Майкл Сондерс, стоя под своим шутивым пиратским флагом, махал нам широкополой шляпой. А его компаньон, ухитрившись все-таки вскарабкаться на пальму, жужжал кинокамерой, спеша увековечить этот торжественный момент.

Прижились они здесь. Или все еще надеются найти на островке какие-нибудь сокровища?

— Уф, слава богу Нейтуну! — сказал Волошин. — Наконец-то снова выходим в море и хоть немного отдохнем от приключений.

Я посмотрел на него с подозрением. Такие речи очень уж не соответствовали характеру Волошина.

— Нет, в самом деле я хочу отдохнуть и заняться настоящей тихой исследовательской работой. Чтобы не нырять, не драться с акулами, не попадать в объятия ужасных кальмаров, не за-

глядывать в глаза кашалотам. Тихо и мирно трудиться у себя в лаборатории...

— А что у вас там вчера был за взрыв? — спросил я.

— Где?

— Да в вашей тихой и мирной лаборатории.

— Слухи. Ложные слухи, мой дорогой. А слухам никогда не надо верить.

Мы стояли на баке, облокотившись на планшир, с наслаждением подставляли лица бодрящему ветерку и бездумно смотрели, как острый форштевень «Богатыря» вспарывает набегающие волны. Голубая вода вскипала чистейшей белой пеной и мчалась вдоль борта, постепенно становясь изумрудно-зеленой. Любоваться этой игрой воды можно часами.

— Что взрыв? Пустяки взрыв, — вдруг решительно сказал Волошин. — Но если бы видели, какой красоты это явление! Надо будет в нем как следует разобраться. Кажется, могут получиться любопытные вещи.

И, уже сразу забыв и о приключениях, и об океане, и обо мне, он торопливо направился в мастерскую.

На палубе было пусто. Все ученые уединились в своих лабораториях. Кажется, в самом деле начинался более спокойный этап нашего плавания. Впереди предстояла будничная размеренная работа, не предвещавшая особенных приключений. Сложные задачи стояли перед исследователями. Предстояло не только выяснить, где в глубинах моря расходятся пути личинок, направляющихся к разным материкам — одни в Америку, другие — к берегам Европы, но и проследить за теми личинками европейских угрей, которые поплывут через Гибралтар в Средиземное море. Как каждая группа крошечных угорьков станет искать себе дорогу?

Наблюдения за взрослыми угрями пока не принесли разгадки. Но оставалась еще надежда, что именно на этом этапе, когда личинки начинают свое долгое плавание к устьям далеких рек, где им суждено потом прожить годы, и удастся нам получить решающие данные для разгадки тайны их скрытого «компас».

— Судя по всем наблюдениям, личинки плывут пассивно — куда их занесет течение. Они еще слишком слабы, чтобы сопротивляться ему. Но эту дорогу они каким-то образом запоминают, чтобы потом, через много лет, вернуться сюда, в Саргассово море. Не случайно в Средиземном море

сбились с дороги именно балтийские угри, которые никогда не проплывали раньше этим путем, — размышлял Логинов.

— Что же именно они запоминают? — допытывался я.

Логинов посмотрел на меня по своей привычке исподлобья, усмехнулся и ответил:

— Вы же были на Ученом совете и сами слышали доводы защитников каждой гипотезы.

— Но этих гипотез слишком много...

— В том-то и беда, — вздохнул он. — Пора бы уже с некоторыми из них расстаться.

Немало требовалось личинок для опытов, а как выживать из океана эти совершенно прозрачные крошечные существа, едва достигавшие в длину нескольких миллиметров? Нашупав в глубине скопление личинок, мы ложились в дрейф и одну за другой забрасывали в море тончайшие сети. Чаще всего они возвращались пустыми или с глубоководными рыбами, которые не представляли даже особенного интереса. Снова сеть летела за борт, чтобы, наконец, принести с десятков личинок.

Это был утомительный, однообразный, отупляющий труд, и, пожалуй, лишь теперь собственными руками, на которых вздувались и лопались кровавые волдыри, помогая вытаскивать сети и гирлянды всяких приборов, я понял, что он-то и составляет главное в экспедиционной работе, а открытия радуют редко.

Не меньше приходилось нашим ученым трудиться и в лабораториях. Нужно было не только тут же, не теряя времени, исследовать пробы воды, добытые с разных глубин, и пойманных личинок, но и часть «научной добычи» сохранить для будущих наблюдений. А для этого требовалось создать крошечным угорькам в лабораториях точно такие же условия, что и в открытом океане: почти полную тьму, ровную температуру, непрерывно доставлять им свежую морскую воду, строго определенного состава с больших глубин.

Опять перед Волошиным возникало немало сложных задач, и мы не виделись с ним целыми днями. К тому же почти каждый день велись и наблюдения за плывущими в глубине личинками с помощью мезоскафа. Отыскав стаю личинок, мезоскаф дрейфовал вместе с ней по течению. Многочисленные приборы непрерывно отмечали все изменения, которые могли бы ощущать по дороге личинки угрей: темпе-

ратуру воды и соленость, вариации магнитного поля, перемены в напряженности и направлении электрических токов, струящихся в океане, — все, что могло бы подсказать угрям правильный путь. Течение подхватит личинок потом, когда они поднимутся в верхние слои воды. Но для этого им надо сначала найти именно то течение, которое понесет их к берегам Европы, а не Америки. Как они это делают? И откуда знают, на какой именно глубине нужно держаться?

Все эти дни мезоскаф всплывал лишь на короткое время, чтобы пополнить запас кислорода и сменить экипаж. Вести длительные наблюдения под водой было трудно, люди уставали и становились невнимательными, поэтому их меняли через каждые шесть часов. Конечно, желающих нести подводную вахту всегда хватало. Но и мне, наконец, подвезло. Я тоже получил возможность нырнуть в гости к угрям.

Теперь я смог хорошо осмотреть и по достоинству оценить подводный корабль. Он был тесноват внутри, но конструкторы зато ухитрились разместить в отдельном отсеке две откидные койки и даже крошечный камбуз с портативной электроплитой.

Из больших иллюминаторов открывался отличный обзор. А прожекторы расставлены так, что равномерно освещалось все поле обзора. Наблюдать за пугливыми обитателями глубин можно было и при погашенных прожекторах: Сергей Сергеевич установил для этого в мезоскафе походную модель звуковизора.

Механические «руки», выступавшие в носовой части корпуса, могли захватывать в особые ловушки и мелких и крупных обитателей моря, чтобы потом в целости и сохранности доставить их на поверхность в специальных герметических контейнерах.

Наконец Сергей Сергеевич занял свое место за командирским пультом. Мы с Макаровым пристроились поудобнее возле иллюминаторов. Погружение началось...

Но увидел я мало интересного — гораздо меньше, чем ожидал. Пока мы погружались, за иллюминатором промелькнуло несколько рыбешек, но так быстро, что я даже не успел их толком рассмотреть.

Потом я заметил вдали словно какие-то странные клубящиеся тела. Но что это было такое, нам не удалось разглядеть: загадочные тела держались на почтительном расстоя-

нии, не заплывая в освещенную зону. Значит, это живые существа, а не просто комки водорослей.

Появилась какая-то рыбешка сантиметров в десять длиной и потыкалась носом в стекло иллюминатора. Она была совершенно прозрачной, отчетливо виднелись и ее позвоночник и все внутренние органы. Рыбешка, видимо, недавно плотно пообедала, ее набитый желудок резко выделялся непрозрачным темным пятном.

Я придвинулся поближе к иллюминатору — и тут же испуганно отшатнулся.

С края стекла тонкой струйкой сочилась вода...

Авария?!

Сейчас вода выбьет стекло и ворвется в мезоскаф...

— Сергей Сергеевич, вода! — потянул я Волошина за локоть.

— А? Ничего страшного, — ответил он. — Просто температура за бортом меняется, стенки потеют. Мы еще не тонем.

Он показал мне на другую струйку воды, стекавшую прямо по металлической стенке кабины в стороне от иллюминатора...

И вдруг я увидел за иллюминатором кальмара. Он был невелик и спокойно рассматривал меня большим печальным глазом, вокруг которого кольцом располагались мелкие разноцветные огоньки: голубые, красные, зеленые. Выглядело это очень красиво, но я вспомнил гигантских кальмаров, атаковавших однажды мезоскаф, и мне стало немножко не по себе. Правда, этот кальмар маленький и совсем безвредный, но, может, его послали на разведку старшие братья?

— Посмотрите, трехзвездный удильщик, — позвал меня к своему иллюминатору Макаров.

Он подвинулся, уступая мне место, и я увидел за стеклом небольшую черную рыбку с крохотными глазками. Они почему-то были не круглые, а овальные, продолговатые. Вся спина рыбки сияла довольно сильным желтоватым светом. А над ее головой поднимались как бы три длинных стебелька, и на каждом из них покачивался яркий розоватый фонарик.

Мне даже стало немножко обидно, что не мы открыли эту удивительную рыбешку и она уже имеет название. Но Макаров меня утешил, сказав, что до нас живого трехзвездного

удильщика видели лишь два человека на земле — Биб и Бартон, впервые опустившиеся в батисфере на глубину километра где-то в этих же краях.

А потом мы вошли в стаю личинок угрей, мелькавших в свете прожекторов серебристой метелицей, и смотреть уже совсем стало не на что.

Прожектора погасили, чтобы не распугать личинок. И мы несколько часов дрейфовали вместе с ними в полной темноте, попросту парили в океане. Изредка только Макаров или помогавший ему молодой биолог зажигали на короткое время лампочку над лабораторным столом, чтобы взять очередную пробу воды и проверить, как работают приборы-самписцы.

Потом кабина снова погружалась во тьму. Было тихо, лишь негромко пощелкивали приборы.

Меня вскоре стало клонить в сон, и я даже обрадовался, что нашей однообразной и скучноватой подводной вахте пришел конец и мы стали всплывать. Сменились наблюдатели. Не очень романтическое плавание — пока никаких открытий.

Пора бы, впрочем, мне уже привыкнуть, что в исследовательской работе будней куда больше, чем праздников...

Опять бесконечные научные станции. Снова кровавые волдыри на ладонях, изрезанных тросами, за которые мы вытаскиваем сети, набитые скользкими, никому не нужными водорослями. Потом их приходится часами разбирать на палубе под тропическим солнцем в надежде найти хоть несколько прозрачных, как призраки, личинок...

Дни были целиком заполнены такой однообразной работой, и лишь два события внесли оживление и опять вызвали споры.

Гидролокаторы работали теперь круглые сутки, выискивая в толще воды скопления личинок. Однажды среди ночи Волошина разбудил дежурный техник с поразительным сообщением: кажется, удалось случайно подслушать сигналы одного из угрей, привезенных на самолете с Балтики и выпущенных у Босфора, а потом бесследно пропавших во время шторма и магнитной бури!

Я поспешил за Волошиным в локаторную. Сергей Сергеевич долго вслушивался в слабые сигналы, долетавшие от-

куда-то из глубины, менял настройку, потом решительно сказал:

— Да, это пропавший балтийский, никаких сомнений. Где же он блуждал столько времени?

Разбудили Логинова, Елену Павловну. Скоро на «Богатыре» уже никто не спал. Всех взволновало это событие. И конечно, снова разгорелись споры.

Как ухитрился сбившийся с пути угорь все-таки отыскать дорогу в Саргассово море? Он так долго блуждал в океанских просторах, что приплыл сюда, когда нерест уже закончился, но ведь все-таки нашел дорогу, о которой ничего не мог вспомнить, потому что никогда раньше не проплывал через Гибралтар и провел всю свою жизнь в тихой прибалтийской речке.

Другим событием, которое, правда, вызвало больше иронических замечаний, чем серьезных споров, было то, что Волошину как будто снова удалось подслушать загадочный голос неведомого обитателя морских глубин. Они были такими же, как и в первый раз: сигнал, потом отраженное эхом, а потом снова сигнал, примерно через полторы секунды. Но запись их на ленте оказалась такой смутной и неразборчивой, что Волошин даже не стал на этот раз заводить разговор об остановке «Богатыря» для охоты за морским змеем.

В один из дней наш радист принял вызов радиостанции института на Бермудах. Профессор Конлей интересовался, как идут наши исследования.

Логинов рассказал об этом, а потом по просьбе Волошина упомянул о развалинах непонятного здания, которые мы раскопали.

Не знает ли профессор, кто и зачем его построил?

После паузы Конлей ответил:

— Никогда не слышал, чтобы в этом районе строились большие и хорошо оборудованные дома. Вы говорите, есть даже водопровод?

— Да, и остатки каких-то бассейнов, весьма напоминающих лабораторные аквариумы. К ним подводилась морская вода.

— Вы меня заинтриговали. Постараюсь выяснить, что это был за дом, и немедленно сообщу вам. До свидания. Желаю удачи, — профессор добавил это по-русски, смешно искажая слова.

Несколько раз участники нашей экспедиции совершали продолжительные полеты на дирижабле, чтобы охватить наблюдениями большую площадь и получше разведать, где и как расходятся в глубинах пути личинок американских и европейских угрей.

При одном из полетов милях в сорока от «Богатыря» удалось обнаружить стадо кашалотов. Как ни загружены были ученые наблюдениями за угрями, Логинов все-таки решил изменить курс, чтобы еще раз проверить, как ориентируются эти гиганты океанов.

Результаты оказались неожиданными. Шесть часов мы следовали за стадом, держась в некотором отдалении, чтобы не беспокоить кашалотов. Через каждые пятнадцать минут брались пробы воды и измерялась ее температура.

Но на этот раз не удалось уловить никакой связи между движением кашалотов и соленостью воды. Не обращая никакого внимания на скопления планктона и рыб в некоторых местах, киты плыли почти точно на север!

Конечно, сторонники магнитной гипотезы ликовали. Но Казимир Павлович не сдавался:

— Наступает лето, кашалоты всегда уходят в это время на север, в холодные воды. И они сейчас сыты, поэтому и не задерживаются у скоплений рыбы. Надо понаблюдать за ними подольше.

Возможно, он был и прав. В таком случае оставалось загадкой, каким же образом кашалоты узнают, где именно север? Но нам некогда было отвлекаться от основных исследований.

И все же, прежде чем расстаться с кашалотами, было решено провести еще один небезопасный опыт.

— Даром, что ли, мы готовили датчики, которые можно установить прямо на ныряющем кашалоте? — настаивал Волошин на импровизированном Ученом совете в штурманской рубке. — Надо их проверить в работе. Личинки никуда не скроются, а кашалотов мы больше можем и не встретить. Они сейчас уходят в холодные воды.

Отметив радиобуем место, где мы оставили в глубине скопление личинок, «Богатырь» повернул на северо-восток, и часа через три вахтенный уже заметил с марса серебристые фонтаны на горизонте.

На этот раз семья нам попалась более многочисленная:

вокруг «папаши», достигавшего в длину добрых двадцати метров, неторопливо «паслись» шесть самок и резвились четыре шаловливых китенка.

— Возьмите одну из маток, — настаивал Логинов. — С ней будет все-таки проще управиться.

— Нет! Изучать, так уж самый лучший экземпляр, — настаивал Волошин. — Во-первых, он ныряет гораздо глубже...

— Это верно, — подхватил Казимир Павлович. — Чем глубже он нырнет, тем ценнее материал мы получим. Я полностью согласен с предложением Сергея Сергеевича.

— Вы только не давите на мою психику, — поморщился Логинов. — Ишь, как насели: вы согласны с Волошиным, а он уверяет, будто печется лишь о ваших интересах. Я-то прекрасно понимаю, что ему вовсе не интересы науки в данном случае важны...

— А что именно? — воинственно перебил его Сергей Сергеевич.

— А то, что ваш неумный характер, тот самый бес, который вечно вас толкает под ребро, дьявольски хочет, конечно, «пухнуть», как вы выражаетесь, в самого большого кита.

Кругом засмеялись. Но лицо Волошина приняло обиженно-скорбное выражение.

— Жалкий, недостойный выпад, — сказал он с горечью. — Но я буду выше личных обид. Столько я их принимаю от вас каждый день, что уже привык.

— Короче, киты уйдут, — перебил его капитан.

Логинов молча кивнул, и это было всеми принято как сигнал для действий. В руках у Волошина, точно у ловкого фокусника, тут же очутилось ружье, и он стал с деловитым видом придиричиво осматривать его.

Капитан ушел на мостик, и вскоре наш «Богатырь» начал медленно и осторожно приближаться к самому большому кашалоту. Сделать это было не так-то просто, потому что тот, не обращая на нас никакого внимания, продолжал нырять, надолго исчезая под водой и появляясь снова на поверхности совсем в другом месте.

Это подкрадывание, похожее на какую-то игру, продолжалось довольно долго. Наконец мы оказались всего в двух десятках метров от вынырнувшего кашалота. Волошин, забравшийся на самый нос, тщательно прицелился...

Странное и смешное зрелище: человек делится в огромного кита из мелкокалиберной винтовочки.

На этот раз пули были начинены каким-то снотворным. Но подействует ли оно на кита?

— Постарайтесь попасть возле головы, поближе к мозгу, — негромко сказал в напряженной тишине Логинов.

И в тот же момент так же негромко и суховато щелкнул выстрел...

И ничего. Кит даже не заметил, что в него стреляли. «Как слону дробинка», — подумалось мне. Или Волошин промазал?

Прошло несколько минут.

Я только хотел съязвить по этому поводу, как вдруг кто-то вскрикнул:

— Смотрите, засыпает!

В самом деле: кашалот как-то сразу обмяк, дернулся и замер на поверхности воды темной безжизненной глыбой!

Волошин и Казимир Павлович спустились в шлюпку, поджидавшую их у борта.

— Но я тоже должна поехать! — наставала Елена Павловна, раскрасневшаяся от возмущения.

— Я не могу этого разрешить, — покачал головой Логинов. — Это ведь все-таки кашалот, Елена Павловна, а не угорь. Отчаливайте! И поторопитесь! Через полчаса он проснется.

— Ничего, еще снотворного дадим. Киты любят, когда их гладят, — весело отозвался Волошин.

Шлюпка подошла к заснувшему на волнах киту, и ученые начали устанавливать на теле гиганта свои приборы. Было видно, как Волошин дважды пытался взобраться на спину кашалота, но срывался, скатывался по его мокрой глянцевиной коже, словно с ледяной горки.

— Черт, а вдруг проснется, — пробормотал опасливо кто-то у меня за спиной.

— Сматри, к ним китихи подбираются!

Две самки действительно направились к вожжаку, собираясь, видно, выяснить, что с ним случилось.

— Берегитесь! — крикнул кто-то из болельщиков, толпившихся на палубе.

Момент был напряженный...

Я посмотрел на Логинова. Он то поглядывал на кашалота, то переводил взгляд на часы. Сколько минут осталось?

Басовито рявкнул гудок. Это капитан, тоже следивший за временем, дал ученым сигнал поторапливаться.

— Ну, Волошин любит потянуть нервы, — вздохнув, проговорила Елена Павловна. — Не надо было его пускать.

Гудок рявкнул вторично.

Успели...

Шлюпка отвалила от кита и направилась к нам. Матросы гребли как на показательных флотских учениях.

Кит шевельнулся, и по палубе прошелестел общий тревожный вздох. Что он сделает, очнувшись от сна? Не кинется ли вдогонку за шлюпкой?

Кашалот словно «повел плечами», разминаясь, выбросил высокий сверкающий фонтан водяных брызг и медленно, как-то неуверенно поплыл к самкам, успевшим за это время отойти довольно далеко.

Шлюпка подошла к борту. Десяток рук протянулось, чтобы помочь смельчакам подняться по трапу.

Волошин и Бек поспешили в локационную, куда должны были поступать сигналы от прикрепленных к киту приборов.

Звуковизор не включали, «чтобы не тревожить кашалота и не загрязнить опыта», как пояснил мне Волошин. Поэтому из локационной на сей раз ничего не было видно. Только по-маргивали лампочки да попискивали и негромко гудели приборы, принимая и записывая непонятные мне сигналы из глубины моря.

— А какая у него кожа, вы потрогали? — оживленно спросил Волошин у Казимира Павловича. — Вся в шрамах и следах от присосок — вот таких, с тарелку. — При этом Сергей Сергеевич описал в воздухе большой круг, величиной уж никак не с тарелку, а, пожалуй, с поднос. — Видно, частенько ему приходилось драться с кальмарами. И ныряет, значит, глубоко. Будут интересные материалы.

Но пока никаких новостей не было. И я поднялся на палубу. Отсюда хоть видны были другие кашалоты.

Когда кашалот всплыл в третий раз и, отдыхая, начал выбрасывать один фонтан за другим, «Богатырь» снова осторожно приблизился к нему, и Волошин вторично выстрелил в гиганта «усыпительной дробинкой».

Опять мы с волнением следили, как наши товарищи плывут к заснувшему киту на шлюпке, — на этот раз чтобы снять с него приборы. Но эта операция прошла быстрее первой, и

кит проснулся, когда шлюпка уже успела вернуться и все были на борту.

И опять он не стал выражать никакого недовольства или враждебных намерений, а не обращая на нас ни малейшего внимания, повел свою семью в открытый океан, салютуя на прощание серебристыми фонтанами, взлетающими к небу.

Вскоре Волошин снова появился на палубе с развевающимися полосами длинных, бумажных лент в обеих руках.

— Вот вам, пожалуйста, — ликующе объявил Волошин. — Первая кардиограмма кашалота! Приличный пульс — двадцать семь ударов в минуту при нырке. А вот и анализы выдохнутого воздуха: полтора процента углекислого газа, девятнадцать процентов кислорода. Отлично сработала техника!

Казимир Павлович взял у него одну из лент, на которой перо самописца вывело причудливую кривую, и начал внимательно изучать.

— Как, помогут эти данные научиться и нам нырять на два километра? — поинтересовался я.

— Посмотрим, они весьма любопытны. — Казимир Павлович, как всегда, не спешил с обещаниями. — Правда, дыхательная система кашалота, к сожалению, весьма отличается от нашей, человеческой. Кровь у них богата миоглобином, связывающим кислород. Нет в ней свободного азота, поэтому им не страшна кессонная болезнь. Плюс недоступные нам возможности бескислородного дыхания с увеличением запаса молочной кислоты в организме... Но и тут химия, если хорошенько поискать, может кое-что сделать. Во всяком случае, в науке бесполезных наблюдений не бывает... Все пригодится, все.

16. ПРОВАЛ В ГЛУБИНУ

Личинки американских угрей стремятся в одну сторону, европейских — в другую. И надо еще не упустить момент, когда личинки, плывущие к берегам Европы, начнут расходиться: часть отправится в Балтийское море, другие — в Средиземное, а затем в Черное. Как уследить за всеми, чтобы выведать их тайну?

Чтобы ускорить исследования, на Ученом совете решили временно разделить нашу экспедицию на два отряда. «Богатырь» должен был отправиться на запад, чтобы перехватить личинки угрей, плывущие к берегам Америки. А с мезоскафа предстояло вести наблюдения в морской глубине за личинками европейских угрей, начавших свой трехлетний путь к устьям далеких рек.

Я останусь благодарен Волошину до конца жизни за то, что мне посчастливилось принять участие в этом плавании, хотя оно оказалось и небезопасным.

Мезоскаф мог взять лишь

четверых. Двое, конечно, должны быть биологами, чтобы вести наблюдения посменно. А подвахтенным для себя Сергей Сергеевич взял меня, убедив Логинова, что я, во всяком случае, сумею быстро разбудить его, если во время моего дежурства у пульта управления выйдет какая-нибудь заминка. Уж что-то, а будить Волошина я, дескать, наловчился, пока мы с ним живем в одной каюте. Довод был, пожалуй, не слишком лестный для меня, но, разумеется, я возражать не стал. Лишь бы плыть!

Кроме нас двоих, в команду мезоскафа вошли Елена Павловна и ее муж.

Рано утром мы один за другим спустились в узкий люк. Волошин задрал его и сел на свое место за пультом.

— Дать свободу! — весело приказал он в микрофон.

Над нашими головами простучали по палубе сапоги матроса, освобождавшего мезоскаф от швартовых. Мягко зашипел воздух в трубах, змеившихся по стенкам кабины. Мы начали погружаться.

Елена Павловна села возле иллюминатора, разложила перед собой на откидном столике блокнот и несколько разноцветных карандашей. Потом она достала из кармашка комбинезона марлевую повязочку и зачем-то закрыла ею всю нижнюю часть лица, как это делают продавцы в аптеках при эпидемиях гриппа.

Назначение повязочки я понял, когда сам придвинулся поближе к иллюминатору и стекло быстро запотело от моего дыхания. Приходилось его то и дело протирать.

Мы погружались быстро, и в иллюминатор почти ничего не удавалось рассмотреть. Оставалось лишь любоваться переменах освещения. Быстро исчезали теплые желтые тона... Потом потускнел и синий цвет. И вот уже все за окном погрузилось в какое-то тусклое, зеленоватое марево.

Спуск немного замедлился.

На глубине трехсот шестидесяти метров в лучи света перед моим иллюминатором внезапно ворвалась длинная и тонкая рыба с непомерно большой, широко разинутой пастью, густо усеянной мелкими острыми зубами. Я подумал, что это какой-то необычный вид угря или уже подросшая личинка, и позвал Елену Павловну, чтобы она посмотрела.

— Нет, это не угорь, — покачала головой Елена Павловна. — Это золотохвостый дракон. Они тут часто попадаются.

Наконец мы достигли заданной глубины, выбрали стаю личинок побольше и начали медленно дрейфовать вместе с нею. Елена Павловна с помощью мужа решила поймать несколько экземпляров для контроля. Ловушка сработала отлично, и всего через пять минут прозрачные личинки, только что шнырявшие в воде за бортом, уже оказались в руках наших биологов. Одну из них Елена Павловна тут же вскрыла на маленьком лабораторном столике.

— Все в порядке, — сказала она. — Сто тринадцать мюеров.

Угри были европейские. У них никогда не бывает меньше ста одиннадцати микроскопических мышечных сегментов, из которых потом разовьются позвонки.

Началась будничная исследовательская работа.

Мезоскаф был совершенно неподвижен. На этой глубине не ощущалось ни малейшей качки. Мы медленно двигались, несомые течением. Но поскольку личинки за иллюминаторами двигались вместе с нами точно с такой же скоростью, казалось, будто мезоскаф замер на месте, повис в черной воде.

— Лена, опять два лептоцефала, — оторвался от своего иллюминатора Макаров. — Держатся рядом и быстро вибрируют. Надо обратить на это внимание: почему эти личинки так часто плавают попарно? Я их, пожалуй, сниму. Задержитесь на минуточку, Сергей Сергеевич.

Макаров сделал несколько снимков, стараясь, чтобы личинки угрей, похожие на прозрачные лепестки, не исчезли в свете прожекторов.

— Порядочек, — удовлетворенно сказал он. И мы тронулись дальше.

Тут я увидел несколько рыбок совершенно изумительной окраски. Они были небольшие, сантиметров десять в длину, и напоминали обыкновенных шурят. Но голова и длинные, вытянутые вперед хищные челюсти были ярко-красного, прямо-таки пламенеющего цвета, тонкое тело раскрашено в сочный голубой цвет, а хвост — ярко-желтый. Зачем наделила их природа таким пестрым нарядом?

Большую часть времени за иллюминаторами было пусто, только личинки угрей серебрились в свете прожекторов.

Волошин вдруг достал бинокль и стал что-то рассматривать через него в иллюминатор, меняя фокусировку. Это бы-

ло довольно странное и забавное зрелище. Но Сергей Сергеевич держался невозмутимо, словно находился на мостике и высматривал неведомые земли.

Наконец он отнял бинокль от глаз и осторожно спрятал его в шкафчик.

— Что вы там высматривали? Атлантиду? Или морского змея? — не удержался я.

— Николаевич, мне не нравится ваш насмешливый тон. — Волошин поднял брови.

— Нет, правда, что вы изучали в бинокль под водой?

— Ага, теперь тон стал уже лучше. Но все-таки вам показалось, будто я немножко рехнулся, а? Не пугайтесь, это был чисто научный опыт. Просто я решил выяснить, как далеко достаёт луч нашего прожектора.

— И что же? — заинтересовался я. — При чем тут бинокль.

— Опыт еще не закончен, и результаты мы узнаем, лишь вернувшись на палубу «Богатыря». Я навел фокус на самых мелких козявок, резвящихся в дальнем конце луча. И отложил бинокль, не меняя фокусировки. А потом, по возвращении, выберу на палубе какое-нибудь пятно и буду пялиться от него, пока оно не окажется именно в этом же фокусе...

— А потом измерите расстояние до него...

— Элементарно.

Интересно, как менялся свет прожектора. В начале спуска он был желтого цвета. Этот луч заканчивался небольшим бирюзовым пятном. Но мы погружались глубже, и бирюзовое пятно все разрасталось, постепенно надвигаясь ближе и ближе. А желтый свет, отступая, постепенно превращался в светло-серый, пока надвигающаяся бирюза совсем не поглотила его.

Теперь уже весь луч прожектора, разрывающий тьму глубин, стал ярко-голубым, и вдоль него по границе с непроглядным мраком тянулась узкая кайма красивого бархатисто-синего цвета.

Наше время было разбито на вахты, как и на «Богатыре». Я с некоторой тревогой ожидал своего дежурства, когда окажусь один на один с бесчисленными кнопками и циферблатами, заполонившими не только пульт управления, но и всю стенку над ним. Правда, Волошин успокоил меня, что

постоянно следить нужно за показаниями всего шести приборов. Но все-таки на душе было не спокойно.

— Спите, а то будете потом на вахте клевать носом, — несколько раз говорил мне Сергей Сергеевич.

Но, конечно, мне было не до сна. Я отлично выспался за ночь в каюте и теперь, то и дело отрываясь от иллюминаторов, украдкой следил, как ведет себя за пультом командир. Скоро, ведь уже совсем скоро мне самому придется занять его место...

А Волошин, словно нарочно, держался совершенно безмятежно. Казалось, он вообще не обращал никакого внимания на показания приборов. Увидев что-нибудь интересное, надолго прикивал к иллюминатору, оживленно обмениваясь впечатлениями с биологами. Вернувшись, наконец, к пульту, он скользил по нему беглым взглядом, небрежно подкручивал какую-нибудь рукоятку и снова долго не обращал на приборы никакого внимания. Потом выдвинул продолговатую доску, заменявшую ему походный письменный стол, и занялся какими-то расчетами. Или он все это делал нарочно, чтобы успокоить меня и показать, что управлять мезоскафом вовсе не сложно?

И все-таки я вздрогнул, когда Сергей Сергеевич потянулся и спокойно сказал:

— Прошу вас, маэстро. Принимайте вахту. А я немножечко сосну. Вот вам вахтенный журнал, тут все записано: какую глубину держать, какой курс. Конечно, если личинки вздумают повернуть, следуйте за ними. А так, без нужды, пожалуйста, никаких кнопок не нажимайте. Это все, что от вас требуется.

Он прошел в соседний отсек и, громко зевнув, улегся на откидной койке. А я, точно на иголках, сидел в мягком кресле перед пультом, и глаза мои метались от одного циферблата к другому.

Кажется, увеличивается глубина? Нет, это мне показалось, просто на шкалу указателя от моего резкого движения упал блик света...

Легла вскоре спать и Елена Павловна. Мы остались на вахте вдвоем с Макаровым. Иван Андреевич был занят наблюдениями. Не отрываясь от иллюминатора, он время от времени включал кинокамеру, заметив, видимо, что-то интересное. Потом Макаров вытащил из ловушки причудливую

светящуюся рыбку и занялся упаковкой ее в специальный контейнер.

Управляться ему одному, видать, было трудно. Макаров несколько раз покосился на меня. Но я не мог оторвать глаз от пульта, и вид у меня, наверное, был такой напряженный, что Иван Андреевич не решился позвать меня на подмогу, и, усмехнувшись, продолжал возиться с рыбешкой один.

Закончив свои наблюдения, Макаров начал мне рассказывать, как сам впервые погружался в мезоскафе и с перепугу случайно нажал не ту кнопку и как ничего не понимавший Волошин долго не мог разобраться в странном поведении подводного кораблика...

История была забавная, Макаров рассказал ее очень живо, весьма похоже изображая недоумевающего Волошина. Но я слушал его невнимательно.

То мне начинало казаться, будто мы почему-то всплываем, и я судорожно хватался за штурвал балластных цистерн. То вдруг подозрительно уходила куда-то в неположенную сторону стрелка курсового указателя...

Но постепенно нервы мои успокаивались. Вскоре я уже даже стал поддерживать разговор, хотя и односложными восклицаниями, вроде:

— Ну да?!

— А вы что?

Но когда Волошин проснулся, я вдруг почувствовал, что и минуты не могу больше высиживать за этим проклятым пультом. А Сергей Сергеевич все не спешил принимать вахту. Он неторопливо умылся, потом побрился так тщательно и аккуратно, словно собирался на дипломатический прием. Затем он скрылся в крошечном камбузе и, негромко насвистывая, долго готовил там ужин.

Когда он, наконец, сменил меня, я с трудом поднялся с кресла. Шея у меня затекла и не поворачивалась. Все тело одеревенело. От ужина я отказался, только жадно выпил две бутылки нарзана и завалился спать.

Уснул я моментально, хотя койка была узкой, неудобной. Но и во сне перед мной все металась и плясали какие-то стрелки, и эта призрачная вахта выдалась, пожалуй, такой же утомительной и напряженной.

Но вахта за вахтой, и постепенно я привыкал к подводному плаванию.

Время будто остановилось. За стеклами иллюминаторов постоянно царил тьма, лишь изредка оттесняемая светом наших прожекторов. Ни дня, ни ночи — только вахты, похожие одна на другую.

За пультом я уже не дергался и вел с Макаровым длинные беседы обо всем на свете. А сменившись, ложился спать или пристраивался к иллюминатору.

Свободного времени было много. И Волошин никуда не спешил, не то что на корабле, когда его вечно вызывали из одной лаборатории в другую. Теперь у нас было время обо всем поговорить подробно и обстоятельно, и я старался не упустить удобного случая, исписывая один блокнот за другим.

Это меня утешало, потому что я испытывал некоторое разочарование оттого, что плавание оказалось довольно скучноватым.

Все мы ждали того момента, когда Сергей Сергеевич скажет:

— А не полюбоваться ли нам небом в алмазах?

Это значило, что сейчас мы всплывем на поверхность, чтобы пополнить запасы воздуха и поговорить по радио с «Богатырем».

Наш мезоскаф мог находиться на глубине, не всплывая, больше двух суток. Но мы поднимались на поверхность каждый день, точнее, каждую ночь, всегда в одно и то же время. Ночью воздух был свежее, чище, легче поддерживать радиосвязь с «Богатырем» и меньше опасности, что нас протаранит какое-нибудь случайное судно. Днем едва выступающую из воды рубку мезоскафа трудно заметить, а ночью ходовые огни видны издали.

Конечно, никто из нас не ложился спать в это время, как бы ни устал. В тесном люке мог стоять, высунувшись до пояса, только один человек, поэтому мы вылезали «посмотреть небо в алмазах» по очереди, и каждый имел право дышать вдоволь пятнадцать минут.

Короткими казались эти минуты. Пожалуй, лишь теперь, высунувшись до пояса из люка и жадно вдыхая чистый морской воздух, приятно пахнувший сыростью и вянувшими водорослями, я не то что до конца понял, а прямо-таки про-

чувствовал, что время в самом деле относительно. Оно может то ползти и тянуться, то мчаться с бешеной скоростью...

Рубка поднималась над водой едва на метр. Было как-то странно стоять вот так — буквально по пояс в океане. Океан спал, темная вода была неподвижной, только изредка набегала с мягким шелестом небольшая волна — словно океан тихонько и ласково вздыхал во сне.

Кругом темнота, но совсем иная, чем окружала нас под водой. Там вечная ночь казалась сумрачной, ее не могли оживить и согреть даже самые яркие и пестрые огоньки причудливых рыб. А ночь над океаном была ласковой, трепетной и живой. И небо над головой сплошь усеяно живыми, мерцающими алмазами звезд. Стоило посмотреть на эти сверкающие звездные россыпи несколько секунд, не отрываясь, как начинала кружиться голова. Казалось, будто созвездия срываются с места и пускаются в какую-то бешеную космическую карусель.

Но вот уже кто-то нетерпеливо дергает меня за ногу... И я, бросив жадный прощальный взгляд на небо и поспешно делая несколько вдохов поглубже, начинаю спускаться по узкой стальной лесенке, чтобы уступить свое место под звездами товарищам.

Волошин, только что закончивший разговор с «Богатырем», спешит сообщить последние новости: Логинов все возится с осьминогами, Бек просидел целый час в барокамере, имитируя погружение в акваланге на глубину километра. Час тому назад закончился банкет по случаю шестидесятилетия нашего капитана, все жалеют, что мы не приняли участия в этом веселье...

Так прошло четыре дня и четыре ночи. Я уже чувствовал себя за пультом довольно спокойно, даже разрешал себе отвлекаться ненадолго, чтобы поглазеть в иллюминатор или помочь Макарову поймать какую-нибудь глубоководную живность.

И тут мы внезапно попали в приключение, об отсутствии которых я слегка сожалел, и как раз во время моей вахты...

Все произошло так стремительно и неожиданно, что нелегко об этом теперь как-то связно рассказать.

Только я повернулся к иллюминатору, заинтересованный возгласом Макарова:

— Полюбуйтесь, какое страшилище!

И в тот же миг оказался почему-то на холодном металлическом полу.

Мезоскаф вдруг накренился и ринулся в глубину. Казалось, еще минута, и он врежется в морское дно!

Макаров тоже упал, но поднялся быстрее меня и первым, цепляясь за что попало, кинулся к пульту. Я видел, как он всем телом навалился на штурвал, пытаюсь продуть цистерны и прекратить опасное падение.

Я подскочил к нему...

Но тут же, оттолкнув нас обоих от пульта, за штурвал взялся проснувшийся Волошин. Он был в одних трусах, всклокоченный со сна...

Стрелка глубиномера продолжала бежать от деления к делению.

800 метров... 900 метров... 1000...

Каждую секунду я ожидал лязга и грохота от страшного удара о дно.

Или дно здесь так глубоко, что нас, прежде чем мы его достигнем, раздавит ужасающим давлением воды — так, кажется, погиб американский «Трешер»?

— Стоп, кажется, приехали, — пробормотал сквозь зубы Волошин и вытер пот со лба. — Елена Павловна, вы не ушиблись?

— Нет, — донеслось из спального отсека. — А что случилось?

— Я ничего не трогал и никаких ручек не поворачивал! — так испуганно и поспешно вырвалось у меня, что Макаров с Волошиным рассмеялись.

— Дорогой мой, у вас начинается мания величия, — сделав большие глаза, сказал Волошин. — Вы сильно переоцениваете свои способности. Ни вам, ни мне, к сожалению, не удалось бы при всем желании так быстро погрузиться на целый километр.

— А что же произошло?

— Похоже, мы наткнулись на слой с очень пониженной плотностью, — ответил Сергей Сергеевич, посмотрев на Макарова. Тот молча кивнул. — Сейчас выровняемся окончательно и проверим.

Стрелка указателя глубины, наконец, замерла на цифре

1446. За считанные минуты мы провалились в глубину океана больше чем на километр!

Макаров начал брать пробу заборной воды.

— Бывают в океанах такие хитрые места, где плотность воды в силу разных сложных причин вдруг резко падает, — пояснил, наблюдая за ним, Волошин. — Тогда подводные лодки внезапно проваливаются, словно самолет в воздушную яму. Приходилось испытывать это удовольствие?

— Приходилось.

— Нечто подобное и случилось с нами. Да еще от разницы плотностей возникают сильные вертикальные течения. Вот и потащило нас вниз со скоростью пятьдесят метров в минуту...

— Неужели мы проваливались целых двадцать минут?

— Около того.

Макаров, оторвавшись от пробирок, коротко назвал несколько цифр. Для меня они звучали китайской грамотой, но Волошин удовлетворенно кивнул:

— Видите, я прав. Слой с очень низкой плотностью и какой мощный, почти в километр толщиной! Откуда же он взялся?

Сергей Сергеевич окинул быстрым взглядом приборы на пульте.

— Эге, видать, мы наткнулись на какое-то глубинное течение. Посмотрите, как быстро нас тащит на юг. Скорость, пожалуй, не меньше двух с лишним метров в секунду. Прямо второй Гольфстрим!

Волошин подошел к карте, укрепленной на стене возле пульта, и стал ее внимательно рассматривать.

— Полагаю, что мы его первыми обнаружили. В этом районе ничего похожего не отмечено. — Волошин хлопнул меня по плечу и торжественно предложил: — Слушайте, Николаевич, вы имеете шанс войти в историю великих географических открытий. Ведь если бы не вы, мы не провалились бы в тартарары, и человечество еще долго не подозревало бы о существовании этого глубинного противотечения. Так что вам, по неписаным законам, принадлежит право дать ему имя — или свое, если вы не страдаете ложной скромностью, или, скажем, имя любимой женщины. Ну, предлагайте скорее: «Течение имени...»

— Богатырское течение, — засмеялся я, не принимая этого всерьез.

— А что? — сказал Волошин, подняв палец. — Звучит. Представляю, как обрадуется наш почтенный капитан. Вы тонкий подхалим, Николаевич! Ладно, так и запишем: «Богатырское течение. Обнаружено такого-то числа в 16 часов 14 минут по местному времени...»

Он протянул мне ручку:

— Прошу. Как первооткрыватель и вахтенный вы должны скрепить этот торжественный акт своей подписью... Отлично. Ну что же. Теперь торжественная часть окончена, снова начинаются суровые трудовые будни. Надо нам всплывать повыше, чтобы найти осиротевших лептоцефалов. Они плывут на север, нас далеко утащило на юг. Найти их, пожалуй, будет нелегко.

Покачив головой, Волошин сел за пульт, подумал и взялся за пусковую рукоятку мотора...

— Подождите, Сергей Сергеевич! — вдруг окликнула его Елена Павловна.

Она приникла к иллюминатору, прикрывая рот платком, чтобы не запотело стекло, — видно, так спешила, увидев нечто интересное, что не успела найти и надеть марлевую повязку.

— Что там? — спросил Волошин.

— Не пойму. Они держатся на самой границе света.

Мы тоже все пристроились к иллюминаторам.

Сначала я ничего не увидел. Потом, присмотревшись, начал различать в отдалении, где свет наших прожекторов постепенно поглощала вечная тьма океанских глубин, какие-то смутные изгибающиеся полосы. Порой они словно сплетались в клубок и становились видны отчетливее, но затем разделялись и опять делались почти невидимыми, словно расплывчатые тени.

— Похожи на лептоцефалов, только громадные какие, — неуверенно проговорила Елена Павловна.

— Нет, просто глубоководные рыбы, — возразил Макаров.

— Почему же они не светятся? Сергей Сергеевич, попробуйте подойти к ним поближе.

Волошин включил мотор и начал поворачивать штурвал, не отрываясь от иллюминатора.

— Нет, уходят.

— Вот видишь, они упорно избегают освещенной зоны, — сказала мужу Елена Павловна.

— Значит, это какие-то типично глубоководные рыбы, раз избегают света.

— Но почему они сами не светятся? Ведь должны они как-то приманивать добычу и находить ее в темноте?

Свет прожекторов вдруг погас, и тьма прильнула вплотную к стеклам иллюминаторов.

— Зачем вы погасили, Сергей Сергеевич, мы их упустим! — вскрикнула Елена Павловна.

— Хочу попробовать увидеть их ушами, — ответил Волошин, склонившийся в полутьме над пультом походного интроскопа.

Небольшой экран засиял мягким серебристым светом, озарив наши напряженные лица. Он был пуст, лишь изредка по нему пробегали темные тени.

Волошин настраивал прибор, подбирая нужную частоту.

— Какие-то помехи, — пробормотал он.

— Только не распугайте их!

— Ага, есть.

Весь экран заполнили полупрозрачные широкие ленты, словно колеблющиеся и развевающиеся на ветру.

— Это все-таки личинки угрей! — воскликнула Елена Павловна.

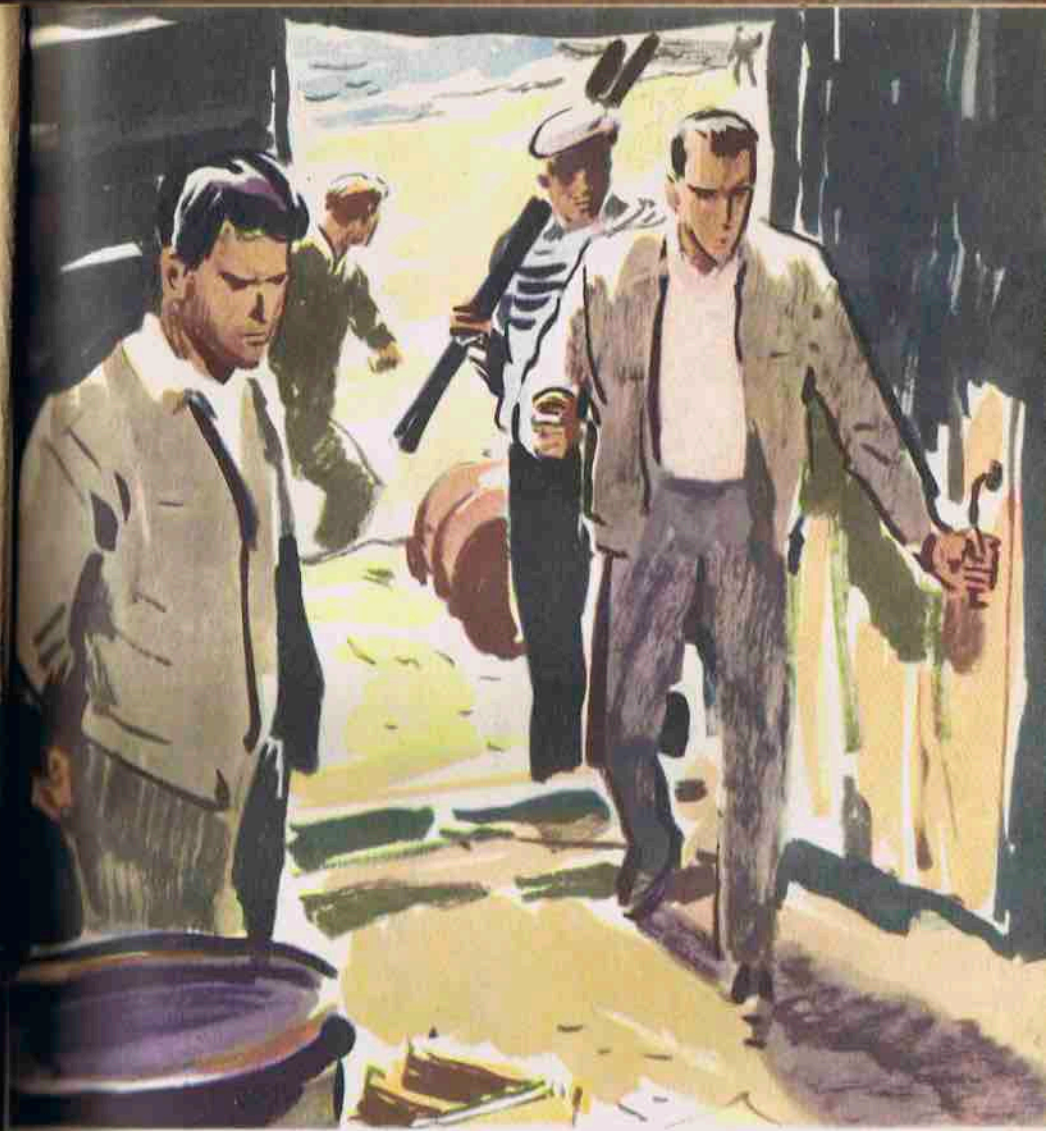
— Кажется, ты права. Но какой же должен быть взрослый угорь?! — тихо сказал Макаров. — Сережа, надо непременно поймать хоть одну личинку.

— Попробуем. Готовьте контейнер.

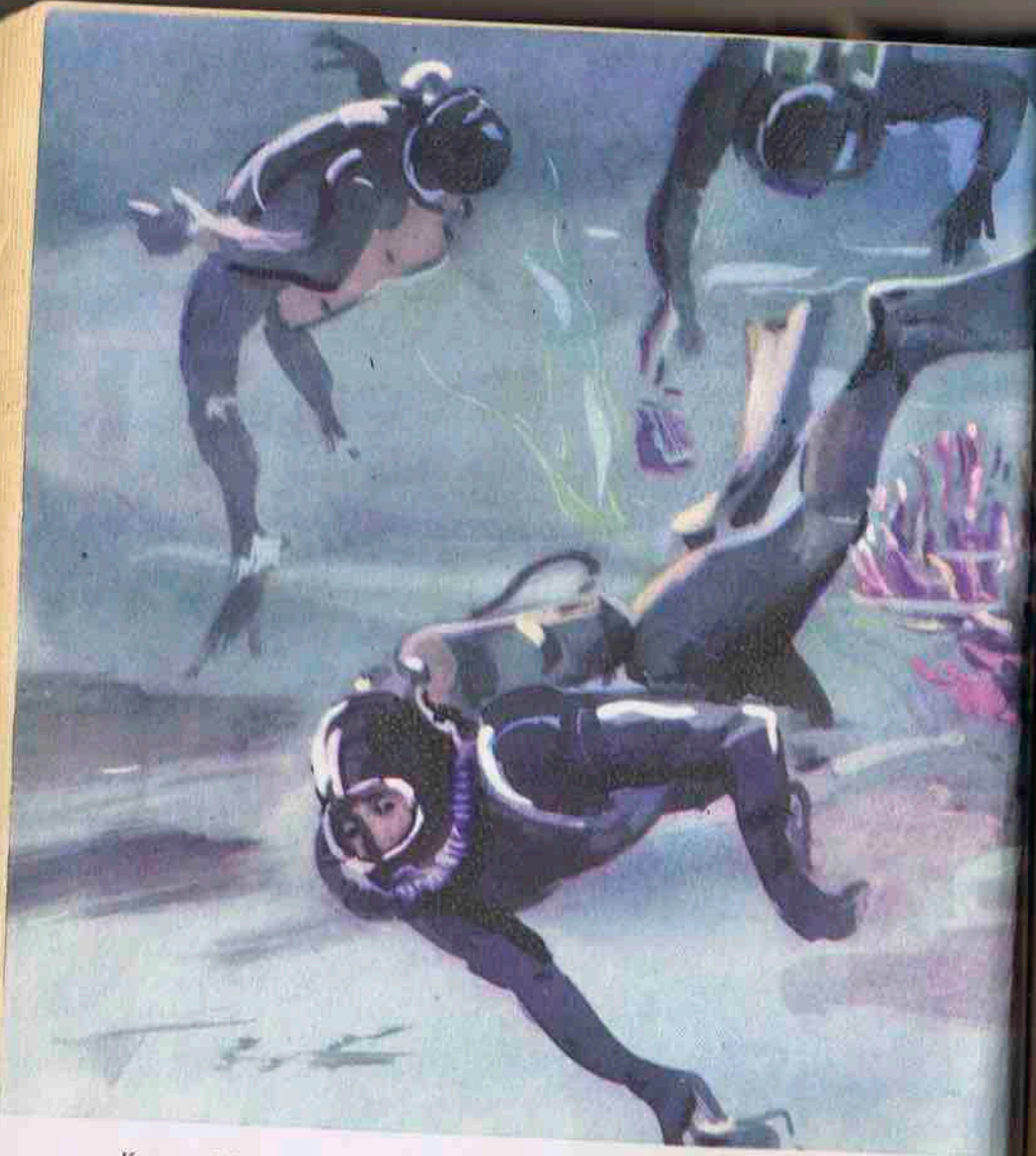
Елена Павловна с мужем бросились разбирать свое лабораторное оборудование, а Волошин, усевшись поудобнее в кресле и не отрывая глаз от экрана, начал манипулировать кнопками и рукоятками.

Задача у него нелегкая: найти в полной темноте, лишь по смутным изображениям на экране прибора снующих в воде исполинских личинок и заманить их в ловушку, укрепленную снаружи на корпусе мезоскафа. Изображение на экране ведь плоское, лишенное перспективы. Глядя на него, трудно понять, на каком расстоянии находятся личинки — далеко от нас или совсем близко?

Прищуренные глаза Волошина не отрывались от экрана,

К стр. 201

К стр. 210

а руки сами уверенно находили на пульте нужные кнопки и рукоятки.

Вот он включил привод ловушки...

Громкий щелчок.

— Есть! — воскликнул Волошин.

Но он ошибся: ловушка оказалась пустой. Пришлось все начинать сначала.

Чертыхнувшись, Волошин на миг включил прожекторы. Мы увидели, как громадные личинки стремительно ринулись в темноту. Значит, они подплывали к самому мезоскафу, пока свет был выключен.

Пожалуй, их не так-то просто испугать. Только света они не переносят.

Волошин опять выключил прожекторы и занялся трудной охотой, похожей на игру в жмурки в океанской глубине.

На этот раз охота оказалась удачной. Через полчаса одна из гигантских личинок очутилась в контейнере ликующих биологов. Вскоре удалось поймать и вторую.

— Каким же должен быть угорь, когда вырастет из такой личинки? — спросил я.

— Метров пятнадцати в длину, не меньше, — прикинула Елена Павловна.

— Настоящий морской змей! — сказал Волошин. — Вот бы кого выловить. Где же они прячутся, эти змеи? Личинок тут масса, и все спешат куда-то на юг. Может, изменим маршрут и последуем за ними? Лептоцефалов мы наловили достаточно и наблюдали за ними почти четверо суток. Все главные характеристики сняты. По-моему, стоит понаблюдать и за этими гигантами, о них ведь еще ничего не знает наука.

Елена Павловна и Макаров согласились. Какой же биолог откажется от редкостной возможности понаблюдать хоть одни сутки за неизвестными науке личинками гигантских угрей, плывя с ними в одной стае?

Мы двинулись на юг вслед за угрями. Их, видимо, плыло рядом с нами много. Экран почти ни на минуту не оставался пустым, все время на нем извивались гибкие полупрозрачные ленты.

Время от времени Волошин ненадолго включал прожекторы, чтобы дать нам возможность понаблюдать за личинками через иллюминаторы. Сергей Сергеевич пускался на всякие хитрости, стараясь не вспугнуть их: включал иногда лишь

один прожектор, и при его отраженном свете удалось даже снять на киноленту несколько личинок, державшихся на небольшом отдалении от мезоскафа.

— Надеюсь, когда они вырастают, то перестают быть такими пугливыми, — сказал Волошин задумчиво. — Хотел бы я познакомиться поближе с их родителями.

Я подозреваю, что Сергей Сергеевич мечтал об этом давно, потому что тут он начал рассказывать одну за другой самые удивительные истории о встречах с легендарным морским змеем. Видно, Волошин не зря их так тщательно собирал. И теперь с живописной красочностью очевидца, все видевшего собственными глазами, он вдохновенно рассказывал и об уже ставшей классической Несси из Лох-Несса, о загадочном гигантском существе, всплывшем, после того как его оглушило взрывом, у берегов Патагонии, о каком-то чудовищном скелете, выброшенном якобы совсем недавно волнами на камни возле Ванкувера...

Слушать все это было чрезвычайно интересно, особенно на глубине полутора километров, да еще в окружении неведомо куда плывущих таинственных исполинских личинок.

Волошин рассчитывал ночью, как обычно, подняться на поверхность и сообщить начальнику экспедиции, почему мы изменили курс и глубину.

Но на этот раз нам не удалось подышать свежим воздухом и «увидеть небо в алмазах»...

Плывя на глубине полутора километров, мы и не подозревали, что творится на поверхности. Начали всплывать. Но где-то на глубине пятидесяти метров, когда я уже пристроился возле люка, намереваясь первым выбраться на палубу, мезоскаф начало слегка покачивать.

С каждым метром качка усиливалась.

— Нас ждет хороший штормик, — пробурчал Волошин, поглядывая на указатель глубины.

Всплыть нам не удалось.

Точнее, хотя мы и всплыли на поверхность, судя по указателю, но все равно оставались под водой.

Штормовые волны захлестывали рубку, открыть люк хоть на секунду не было никакой возможности. Даже в иллюминаторы ничего не удавалось разглядеть. За ними бушевала вода...

Мезоскаф так швыряло, что невозможно было устоять на

ногах или усидеть на неудобных откидных креслицах. Вскоре все мы, кроме Волошина, очутились на полу, цепляясь за что попало, чтобы не кататься из угла в угол.

Балансируя возле передатчика, Сергей Сергеевич несколько минут пытался связаться с «Богатырем», но потом выключил аппарат.

— Еще покалечу рацию, — мрачно сказал он. — Да и разряды мешают. Надо уходить на глубину и там отсиживаться. Сама судьба говорит: «Вернемся к нашим баранам...»

И мы опять начали поспешно погружаться, радуясь, что с каждым метром глубины избавляемся от мучительной качки. «Вернулись к нашим баранам» и стали продолжать дрейф на юг в окружении гигантских белых личинок.

Измученная Елена Павловна легла спать. Сергей Сергеевич велел лечь и мне, не решаясь, видно, доверить вахту в такую тревожную ночь, хотя здесь, на глубине полутора километров, как и прежде, царили тишина и покой.

Сергей Сергеевич долго рассматривал карту, потом повернулся ко мне и многозначительно спросил:

— Видите, куда они плывут?

— Личинки?

— Да.

— Куда?

Вместо ответа он обвел карандашом небольшой овал на карте, окрашенный темнее соседних участков. Это означало, что здесь большие глубины. Наклонившись, я прочел: «Впадина Пуэрто-Рико».

То самое место, где несколько лет назад впервые были подслушаны загадочные сигналы из глубины, которые потом дважды удалось записать и с борта «Богатыря»...

— Логово морского змея? — спросил я.

— Не знаю, не знаю. Но гигантские личиночки-то плывут именно туда.

Днем мы попытались всплыть снова. Шторм не утихал, и нас опять начало швырять волнами, как жалкую щепку.

Пришлось нам терпеть удары бушующего океана больше часа, пока через специальные трубки-шноркели компрессоры засасывали воздух в баллоны. Открыть люк и высунуться из рубки по-прежнему было невозможно.

Все это время Волошин пытался связаться с «Богатырем», но опять тщетно. На его вызовы никто не отвечал. Либо маг-

питная буря прервала связь — стрелка компаса так и плясала, либо «Богатырь» просто не ожидал от нас вестей в неурочное время. Хотя там наверняка уже беспокоятся, куда мы исчезли, и рация корабля работает непрерывно.

— Ну что ж, отдохнем снова на глубине, — сказал Волошин, выключая рацию и снимая наушники.

Пожалуй, он был даже рад, что есть предлог продолжить странствие на юг, к таинственной впадине Пуэрто-Рико вслед за личинками каких-то неведомых обитателей океана.

Лишь на вторую ночь, когда шторм немного утих и позволил нам всплыть, сквозь шипение и треск атмосферных разрядов прорвался сердитый голос Логинова. Тон у него был такой, что я опасался, как бы Андрей Васильевич не выругал Волошина на весь мир...

Но Логинов только категорически приказал прекратить все наблюдения, всплывать и немедленно с максимальной скоростью идти навстречу «Богатырю».

Андрей Васильевич, судя по всему, не очень поверил объяснениям Волошина. В том районе, где работал «Богатырь», никакого шторма, оказывается, не было. Это только нас, унесенных далеко к югу Богатырским глубинным течением, задел краешек урагана «Мэри», наделавшего немало бед на Антильских островах.

Больше начальник экспедиции разговаривать с нами не стал. Курс «Богатыря» и координаты предполагаемой встречи нам сообщил уже подошедший к микрофону штурман.

— Н-да, настоящая буря еще впереди, — так грустно говорил Волошин, что мы все рассмеялись. — Уж вы меня поддержите, братцы.

17. СЛЕДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Встретились мы с «Богатырем» на следующий день под вечер. Он пришел не один. Рядом с нашим красавцем-кораблем плыл белый «Альбатрос».

Видно, гнев Логинова поостыл, или он просто отложил пока неприятные разговоры. Во всяком случае, все встретили нас весело и радушно. А весть о том, что мы добыли две личинки исполинского морского угря — хитрый Волошин, не преминул, разумеется, первым делом громогласно объявить об этом, — вызвала сенсацию. Плюс еще открытое нами Богатырское течение, которое штурман поспешил нанести на карту... Итак, мы вернулись победителями, а их, как известно, не судят.

Елена Павловна ошиблась в своих расчетах. Когда пойманных нами личинок точно измерили, то длина одной из них достигла полутора метров, а другой — даже ста восьмидесяти четырех сантиметров. Если это

действительно мальки какого-то гигантского угря, то он вполне может вымахать до тридцати метров в длину!

Таково было общее мнение биологов. Одну из личинок, покрупнее, они решили сохранить целиком. Вторую немедленно Логинов отправил в лабораторию, у дверей которой тут же выстроилась длинная очередь жаждущих получить «хоть кусочек этого уникама» для своих исследований.

Но и нас ожидало несколько сюрпризов. Оказывается, профессору Конлею удалось выяснить, что за остатки странного здания мы раскопали на безымянном острове.

Волошин угадал правильно. Это в самом деле была когда-то превосходно оборудованная лаборатория. Ее построил в этом уединенном месте американский ученый-биолог Сидней Роу. Мне это имя ничего не говорило, но Логинов сказал, что работы Роу по нейрофизиологии и высшей нервной деятельности считаются классическими до сих пор, а экспериментатором он был таким, что о его опытах в свое время ходили легенды.

— Его называли вторым доктором Моро. Помните увлекательный роман Уэллса о гениальном хирурге, пытавшемся на необитаемом острове превращать животных в людей? Конечно, тут сыграло психологическую роль то, что Роу, как и доктор Моро в романе, укрылся от мира на диком острове среди океана, но опыты он действительно ставил блестящие, особенно с осьминогами в последние годы.

— А зачем же он спрятался на этом острове?

— Его стали травить после печально знаменитого «Обезьяньего процесса» — слышали, был такой в Америке в 1925 году, когда там начались гонения против дарвинизма? Роу резко осуждал и всячески высмеивал этот позорный процесс, отстаивая всюду, где только мог, дарвиновское учение. Он считал себя учеником Павлова и вторгался своими смелыми исследованиями в святая святых — в тайны мозга, мышления. На это смотрели в те времена весьма косо. Кончилось все тем, что Роу бросил университет и перенес свою лабораторию на этот пустынный островок, — человек он был состоятельный и мог себе это позволить.

Обозлившись на весь мир, жил он с тех пор весьма замкнуто и никаких работ не публиковал, хотя наверняка, конечно, трудился особенно продуктивно, ведь тут его ничто не отвлекало от научных исследований. Эйнштейн мечтал для

научной работы уединиться в башне какого-нибудь маяка. А для биолога не придумаешь лучше места, чем вот такой тропический островок.

Сидней Роу умер в 1932 году. Был он, видимо, человеком со странностями: изучение мозга ухитрился сочетать с увлечением теософией и оккультными «науками». Был высокомерен и заносчив с коллегами, но каждый год с трогательным постоянством приезжал в сельскую школу, где когда-то учился, чтобы побеседовать запросто с ребятами.

И умер он как-то нелепо: был строгим вегетарианцем, что, наверное, не дешево обходилось на островке, почти лишенном растительности, и погиб от гнойного аппендицита, попытавшись сам сделать себе операцию, — другого хирурга на островке не нашлось.

Это рассказал мне позднее профессор Конлей. Он так заинтересовался тем, что мы раскопали остатки лаборатории Роу, что решил отправиться на островок и посмотреть, нельзя ли ее восстановить. Вот почему «Альбатрос» и приплыл вместе с «Богатырем».

Волошин предложил изменить на время план намеченных работ и тоже пройти южнее, чтобы понаблюдать за гигантскими личинками и попытаться поймать хотя бы еще несколько экземпляров, — при этом, показывая предлагаемый маршрут, он упорно вел пальцем по карте в сторону впадины Пуэрто-Рико...

Биологи поддержали его, но Логинов колебался.

— Личинки обычных угрей куда не денутся, мы их всегда нагоним. Им ведь три года понадобится, чтобы доплыть до Европы, — убеждал его Сергей Сергеевич. — Можем по дороге зайти и на этот Остров Чудака, вам ведь наверняка нужны еще осьминоги для опытов. Вы же говорили, что интересные факты выясняются и для понимания загадки угрей...

Андрей Васильевич весьма иронически посмотрел на Волошина в ответ на столь откровенную попытку «научного шантажа», но тут подал голос капитан:

— На остров зайти, в самом деле, не помешало бы, Андрей Васильевич. Плавание нам предстоит неблизкое, надо все танки залить пресной водой. А там, на острове, родник хороший, вода отличная. Все равно ведь придется заходить в какой-нибудь порт.

Это решило дело. Вместе с «Альбатросом» мы направились к Острову Чудака, как теперь все стали его называть с легкой руки Волошина, чтобы запастись там пресной водой и выйти потом наперерез гигантским личинкам, плывущим куда-то на юг в глубинах океана. Может, в самом деле, к загадочной впадине Пуэрто-Рико, где подает таинственные сигналы неведомое существо?

Застанем ли мы еще на острове кладоискателей, или они уже отправились дальше в поисках заветных сокровищ?

Я думал об этом, когда впереди показались темные шапки трех палм и вокруг «Богатыря» засновали крачки — «моряцкие души», приветствуя нас своими печальными, стонущими криками. Или они предостерегали нас? Все мы всматривались в приближающийся островок, никак не подозревая, сколько сюрпризов нас ждет впереди...

— Вижу флаг! — крикнули с марса.

Значит, остров перестал быть необитаемым. Скоро мы опять встретимся с Майклом Сондерсом и его грустным, но таким деятельным компаньоном.

Э, да они, кажется, решили обосноваться тут надолго!

На бугре, неподалеку от места наших недавних раскопок, появилась какая-то хижина, и возле нее на высокой мачте развевался знакомый «Веселый Роджер» с дымящейся трубкой в оскаленных зубах.

Но берег был пустынным, никто не вышел нас встречать. Да и чудо-лодки нигде не видно. Вероятно, искатели сокровищ устроили здесь свою основную базу, а сами обшаривают соседние островки, их ведь тут много рассыпано в океане.

Мы бросили якорь в почтительном отдалении от белого пенистого кольца бурунов, спустили шлюпки, и вот я уже снова спрыгиваю, утопая по щиколотку, на горячий белый песок.

Логинов сразу же во главе большого отряда биологов и добровольных помощников из команды отправился ловить осьминогов. Видимо, они ему действительно были нужны для опытов, и Сергей Сергеевич не зря упомянул осьминогов, уговаривая начальника экспедиции еще раз посетить «Остров Чудака».

А мы с Волошиным сначала решили навестить старых знакомых и направились к хижине.

Может, хозяева дома, но только спят, укрывшись от зноя? Хотя их давно бы разбудили веселые голоса матросов, наслаждавшихся возможностью побегать по твердой земле среди зеленых кустов, полежать на раскаленном песке, нырнуть в прозрачную теплую воду...

На берегу валялись металлические бочки, пахнущие мазутом. Неподалеку зияли две глубокие ямы.

— Остров принимает цивилизованный вид, — мрачно проворчал шагавший впереди Волошин.

Хижина была небрежно сколочена на скорую руку из каких-то досок, крышек от ящиков и проржавевших листов железа. Никто из нее не вышел при нашем приближении. Полуоткрытая дверь тихонько поскрипывала, раскачиваемая ветром.

Переглянувшись, мы заглянули внутрь. В хижине царили полнейший разгром и беспорядок: неубранные постели, повсюду раскиданы какие-то тряпки, ящики, канистры. У самого порога валялась на земляном полу грязная пластмассовая миска.

— Узнаю стиль буйного пирата Майкла, — вздохнул Волошин. — Он всегда отличался аккуратностью и любовью к порядку. Однако входить в дом без хозяев не рекомендуется. Пошли обратно.

Мы прикрыли дверь поплотнее и направились напрямик через заросли к месту раскопок остатков лаборатории.

По дороге нам попались еще три ямы. Видно, Майкл тут не терял времени зря.

Мне показалось, что в стороне от тропинки торчит из песка нечто вроде книжки. Это в самом деле была небольшая брошюрка в непромокаемом пластиковом переплете. Она называлась заманчиво: «Как уцелеть на суше и на море» — и была издана Пентагоном, военным ведомством США.

Мы с Волошиным тут же с интересом полистали ее. Нечто вроде карманного справочника на все несчастные случаи в жизни — от обморожений конечностей до укусов ядовитых морских змей.

— Уникальная книга! — с восхищением сказал Волошин. — Обладатель ее может считать себя практически бессмертным.

Я поспешил отобрать у него книжку и спрятать в карман.

ведь нашел ее все-таки я. Но, не знаю почему, мне стало вдруг тревожно и беспокойно от этой находки...

Осмотрев остатки лаборатории, наши биологи и профессор Конлей надели акваланги и отправились к осьминогам. Я тоже хотел присоединиться к ним, но Волошин таинственно отозвал меня в сторонку и сказал:

— Вы не откажетесь мне помочь? По старой дружбе.

— А что надо делать?

— Я хочу пошарить в земле вокруг этих развалин.

— Вы тоже заразились кладоискательской горячкой? Вас укусил «золотой жук»?

— Нет. Я надеюсь на большее, чем какой-то вульгарный пиратский клад. Этот старый чудаков Роу был, как вы знаете, человеком скрытным, с причудами. Не оставил ли он где-нибудь в тайнике свои рукописи? Куда девались материалы его последних исследований?

Эта идея мне понравилась, и я согласился служить для Волошина «разумным ишаком», как ни манило к себе море. Ишаком я стал в буквальном смысле: таскал с места на место под палящим солнцем тележку, на которой Волошин уже успел смонтировать передвижной звуковизор с мощным металлоискателем.

— Видите, как мы научились? — похвастал Волошин. — Заглядываем в землю на любой глубине, прощупываем ее, будто слоеный пирог, но не разрезая при этом! Тут уж никому кашалоту или летучей мыши с нами не потягаться. Дудки!

Мы обследовали метр за метром, описывая возле развалин лаборатории постепенно расширяющиеся круги. Несколько раз металлоискатель подавал басовитый сигнал. Тогда Волошин включал аппарат и, постепенно углубляясь, слой за слоем прощупывал землю волшебными лучами.

Один раз мы нашли дырявое ведро, видно, выброшенное в свое время на помойку. Другой находкой оказалась бочка, зачем-то закопанная в землю. Волошин, не выкапывая, «заглянул» внутрь ее. Бочка оказалась пустой.

Я уже хотел взбунтоваться и сбежать, как вдруг прозвучал новый сигнал. Через несколько минут на экране возникли очертания продолговатого предмета...

— Похоже на ящик, — сказал Волошин. — И не глубоко, всего на глубине каких-то полутора метров. Надо копать.

— Сундук мертвеца? — хмыкнул я, но взялся за лопату.

Земля в этом месте оказалась почему-то рыхлой, словно тут уже копали совсем недавно. Не прошло и получаса, как мы вырыли большую яму...

И увидели два ящика! Один был большой, металлический, окрашенный в ядовитый зеленый цвет. На крышке его отчетливо виднелось желтое фабричное клеймо, гласившее, что сделан он в Мобридже, штат Южная Дакота.

— Похоже на сейф, вам не кажется? — с легкой растерянностью пробормотал Волошин, пряча от меня глаза.

Я промолчал.

Но злился я напрасно, потому что этой странной находке было суждено перевернуть весь ход дальнейших событий.

Когда вскрыли большой ящик, он оказался набит автоматными патронами. Они были хорошо смазаны, чтобы не ржавели, и тускло блестели — совсем иначе, чем старинные дублоны.

Второй ящичек был совсем небольшим — скорее пластмассовая коробка, тщательно обернутая в несколько слоев синтетической непромокаемой пленки. В коробке лежали пакеты, наполненные каким-то белым порошком.

Что это могло быть? Щепотку порошка передали для анализа химикам.

— Это ЛСД, сильнейший наркотик, — озабоченно сообщил через пятнадцать минут Казимир Павлович Бек. — Препарат диэтиламидовой кислоты. Одной крупинки достаточно, чтобы привести нормального человека в состояние, близкое к безумию. А всей этой коробочки хватит, чтобы свести с ума на несколько часов примерно миллионы пять людей...

— Сколько?! — переспросил кто-то.

— Пять миллионов, не меньше.

— Контрабанда! — заволновался профессор Конлей. — Мы наткнулись на тайник контрабандистов, устроенный на британском острове. Это нарушение законов. Мы должны задержать преступников.

— Н-да, вот тебе и светлая голова. — Волошин невесело присвистнул. — Ах, Майкл, Майкл. Видно, акула остается хищницей, даже когда выходит в отставку...

Но Сергей Сергеевич поспешил с упреками. Находка преступного клада оказалась не последним событием этого дня.

Вскоре прибежал один из молодых биологов и сказал, что,

пыряя возле самого рифа, обнаружил на дне обломки какого-то судна.

Мы немедленно отправились туда и, надев акваланги, один за другим спустились с баркаса в синюю спокойную воду.

Странное зрелище представилось нашим глазам. На глубине двадцати шести метров были разбросаны по белому песку изуродованные и покореженные куски металла. Некоторые из них были окрашены в яркий красный цвет... И все-таки я не сразу понял, что вижу перед собой обломки чудолодки, на которой «наследники капитана Флинта» отправились в океан искать пиратские клады...

Лодку буквально разнесло на куски каким-то взрывом большой силы. Собирая ее обломки со дна, мы все ломали головы о причине катастрофы. Лопнули баллоны с кислородом? По какой-то непонятной причине сдетонировала взрывчатка, которую, может быть, Майкл возил с собой, чтобы облегчить раскопки?

Даже Волошин ничего не мог понять, хотя лучше всех на «Богатыре» разбирался в технике. Он только пожимал плечами в ответ на наши расспросы:

— Пожалуй, мы никогда уже не узнаем, что с ними стряслось.

Видимо, катастрофа произошла совершенно внезапно. Искатели кладов вовсе не собирались еще покидать остров, все их вещи остались в хижине. Вероятно, они просто поплыли обследовать какой-нибудь соседний островок.

Да, наверное, Волошин прав, и мы уже никогда не узнаем, что же произошло. Некому рассказать об этом. Море навсегда поглотило «наследников капитана Флинта» и скрыло тайну их гибели.

Так мы думали, но очень скоро убедились, что заблуждаемся...

Больше всех потрясла загадочная катастрофа, пожалуй, Ричарда Лоринсона — друга Майкла по службе в отряде подводных диверсантов, — того самого, что так поразил нас в свое время мастерским взрывом полузатонувшего «Дункана». Мы ему рассказали, как познакомились с Майклом, и Дик предвкушал удовольствие от встречи со старым другом.

Но встреча не состоялась. И теперь Дик метр за метром обшаривал дно на месте непонятной катастрофы, упрямо на-

деясь найти хоть что-нибудь, проливающее свет на ее причины.

И он нашел!

Сначала Дик отыскал в песке с десяток тяжелых золотых дублонов. На трех из них отчетливо был виден год чеканки: 1728.

— А ведь те монеты, которые Майкл, по его рассказам, нашел у берегов Флориды, были, как мне помнится, более раннего времени, — задумчиво проговорил Волошин, вертя в пальцах монету.

— Да, галион, остатки которого он там раскопал на дне, затонул в 1715 году. У меня записано, — подтвердил я.

— Странно.

Мы с Волошиным переглянулись. Неужели Майклу в самом деле повезло, и он нашел новый клад уже здесь, на «Острове Чудака»? Иначе откуда же могли взяться эти монеты более поздней чеканки?

Но тогда почему их так мало? Что же это за клад, состоящий всего из десятка дублонов. Кто их стал бы зарывать?

Монет, конечно, было больше, если Майкл в самом деле раскопал здесь клад. Но куда они тогда подевались? Ведь не могли их проглотить акулы или растащить по своим расщелинам осьминоги...

После этой находки Лоринсон стал продолжать свои поиски с удвоенной энергией.

На второй день он вынырнул, держа в руках киноаппарат.

Мы сразу его узнали. Это был один из аппаратов неугомонного Фрица, так донимавшего нас своими назойливыми съемками.

Киноаппарат, как рассказал Дик, лежал на песке довольно далеко от места катастрофы.

Вода не проникла в герметический бокс, аппарат выглядел совершенно невредимым. Это казалось странным, если его так далеко отбросило взрывом.

Камеру передали нашим техникам, чтобы вскрыть ее в фотолаборатории и проявить пленку, если она в ней найдется.

Пленка и принесла разгадку. Она оказалась совершенно неповрежденной, а оператором Фриц был блистательным. И вечером, собравшись в кают-компании, мы увидели его последний фильм...

Сначала перед нами возникло несколько крупных планов разных причудливых рыб, резвившихся среди рифов. Потом камера вдруг сделала резкий рывок...

И в кадре появилась чудо-лодка Майкла Сондерса.

Она плыла нам навстречу, и у кормы ее что-то болталось, бросая тревожно мечущуюся тень на белый песок...

Не сразу стало понятно, что это плывет какой-то человек, уцепившись за лодку. Он был с ластами на ногах и в маске.

Было видно, что ему с трудом удастся удержаться, цепляясь за лодку одной левой рукой, — сбивали и тянули назад завихрения воды.

А в правой руке пловец держал какой-то непонятный темный предмет...

Вот он изловчился и приложил этот предмет к борту лодки. В тот же миг пловец отцепился и поспешно начал всплывать.

Лодка продолжала двигаться на нас... Вдруг она содрогнулась от взрыва и стала разваливаться на куски!

А камера снова резко дернулась, лодка исчезла, на экране замелькало что-то непонятное...

И все.

Дальше промелькнуло лишь несколько кадров совершенно пустынного песчаного дна, снятых совсем нерезко, в упор и с очень низкой точки, — видимо, камера, лежала на дне и уже заканчивала съемку автоматически...

Все это заняло считанные минуты. Потрясенные, мы трижды прокрутили пленку, а потом долго пытались разобраться, что же произошло.

Человек, цеплявшийся за лодку, был третьим и неизвестным никому из нас. Мы его никогда не видели.

Майкл, несомненно, находился в лодке. Фриц снимал свой последний фильм. А человек, плывший за лодкой, взорвал ее, в этом не оставалось теперь никаких сомнений.

Кто же он был, этот таинственный третий? Откуда он взялся?

Видимо, на кладоискателей напали современные пираты — контрабандисты, облюбовавшие этот островок под укромное убежище для себя. Сначала они, вероятно, жили в мире с «наследниками капитана Флинта» — может быть, среди контрабандистов тоже нашлись какие-то дружки Майкла по службе в диверсионных войсках. Он же намекал нам, что

некоторые из «отставных акул» занялись каким-то темным бизнесом. Но потом, видимо, Майкл почувствовал, что надо спастись от этой гангстерской шайки подальше. И это решение пришло к нему внезапно — может, вспыхнула какая-то ссора?

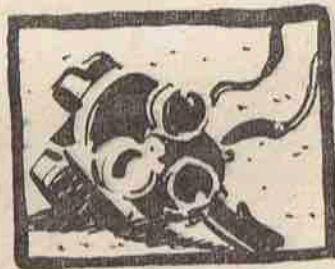
Во всяком случае, ничего не подозревавший Фриц, как обычно, занимался в это время подводными съемками. Майкл не мог его бросить и отправился на поиски товарища, чтобы подобрать Фрица и тотчас же уйти в море.

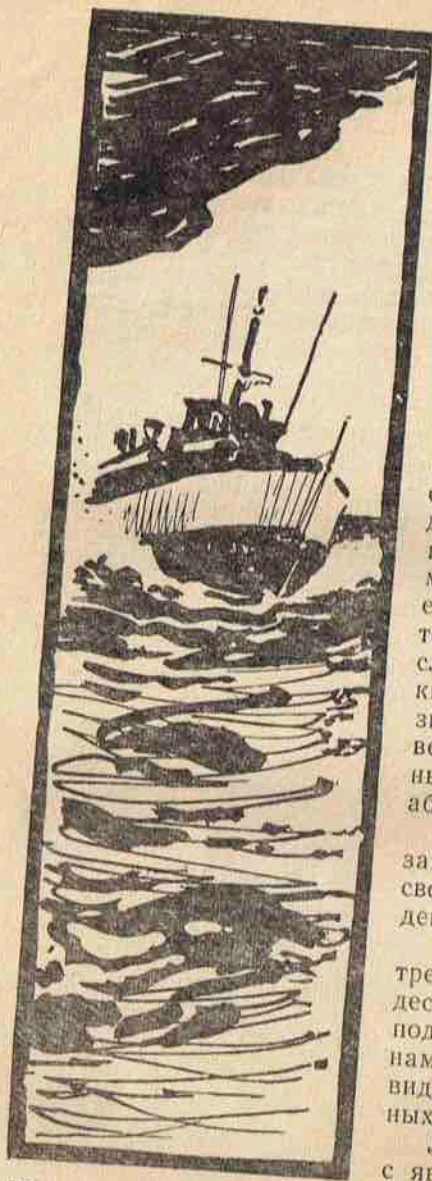
Это их и погубило. Успев погрузиться на глубину, они стали бы недосыгаемы для убийц. Но на мелководье, пока Майкл плыл на малой скорости и высматривал товарища, чтобы забрать его на борт, двуногие акулы настигли чудо-лодку и предательски взорвали.

Мы видели это преступление собственными глазами. Непровержимой уликой стала пленка, найденная в кинокамере, продолжавшей снимать, когда ее хозяин уже, наверное, был убит или оглушен взрывной волной. А потом и Фриц стал жертвой налетевших акул. Они чувствуют добычу издалека...

— Я должен немедленно известить обо всем этом власти в Нассау, — сказал профессор Конлей.

Он тут же связался по радио с администрацией Багамских островов. Оттуда сообщили, что высылают катер береговой охраны с одного из ближайших к нам островов.

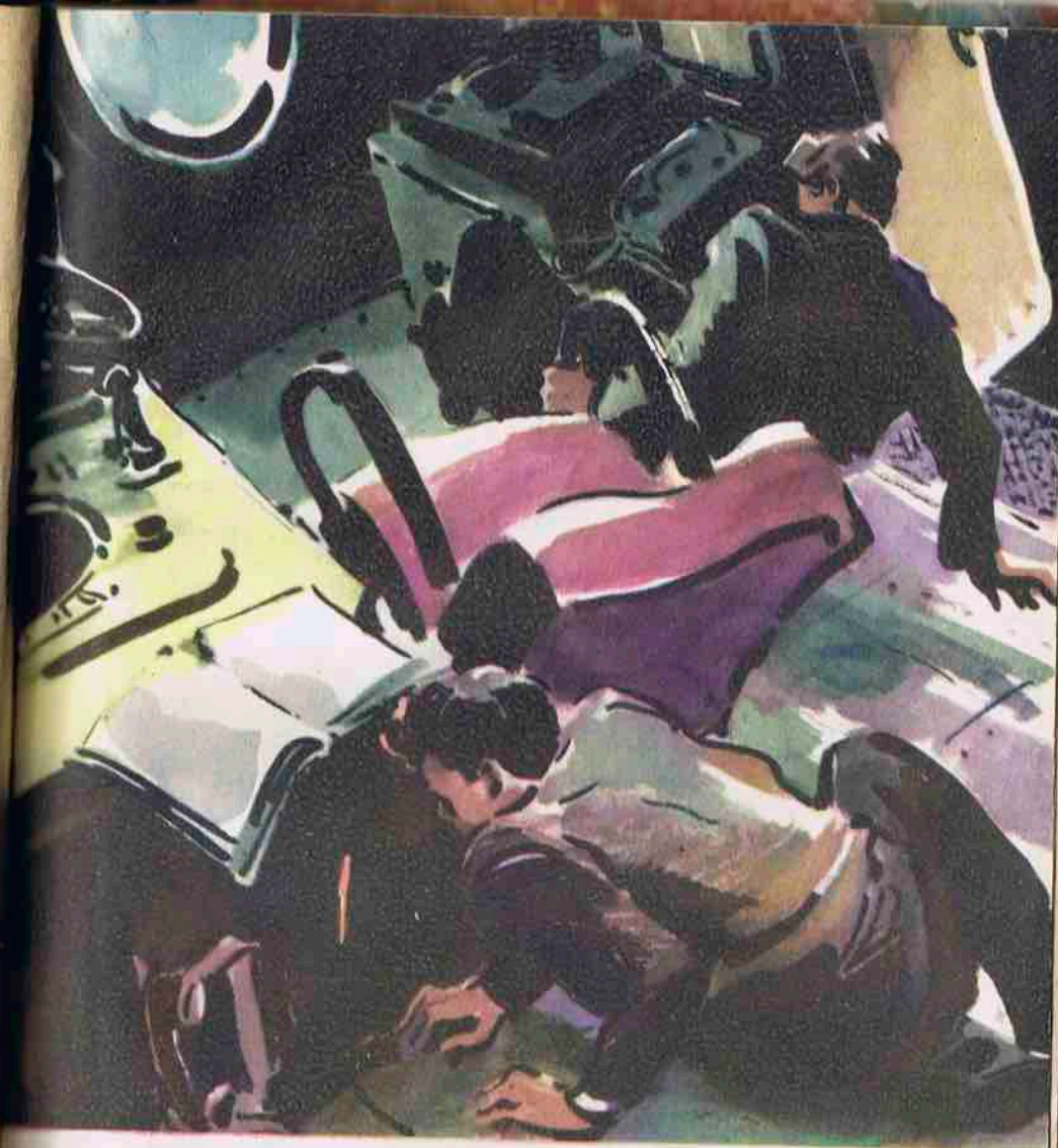
18. ПИРАТЫ АТАКУЮТ

Последовавшие за этим события слились в памяти в какое-то бешеное мелькание отдельных сцен, кажущихся теперь неправдоподобными, — словно смутно вспоминаешь фильм с гангстерами и погонями. Но что поделаешь, если та часть мира, в которой мы тогда находились, пока еще слишком часто напоминает какие-то кошмары. И пираты, оказывается, там еще существуют, и весьма кровожадны. Они и поныне пытаются бросаться на abordаж...

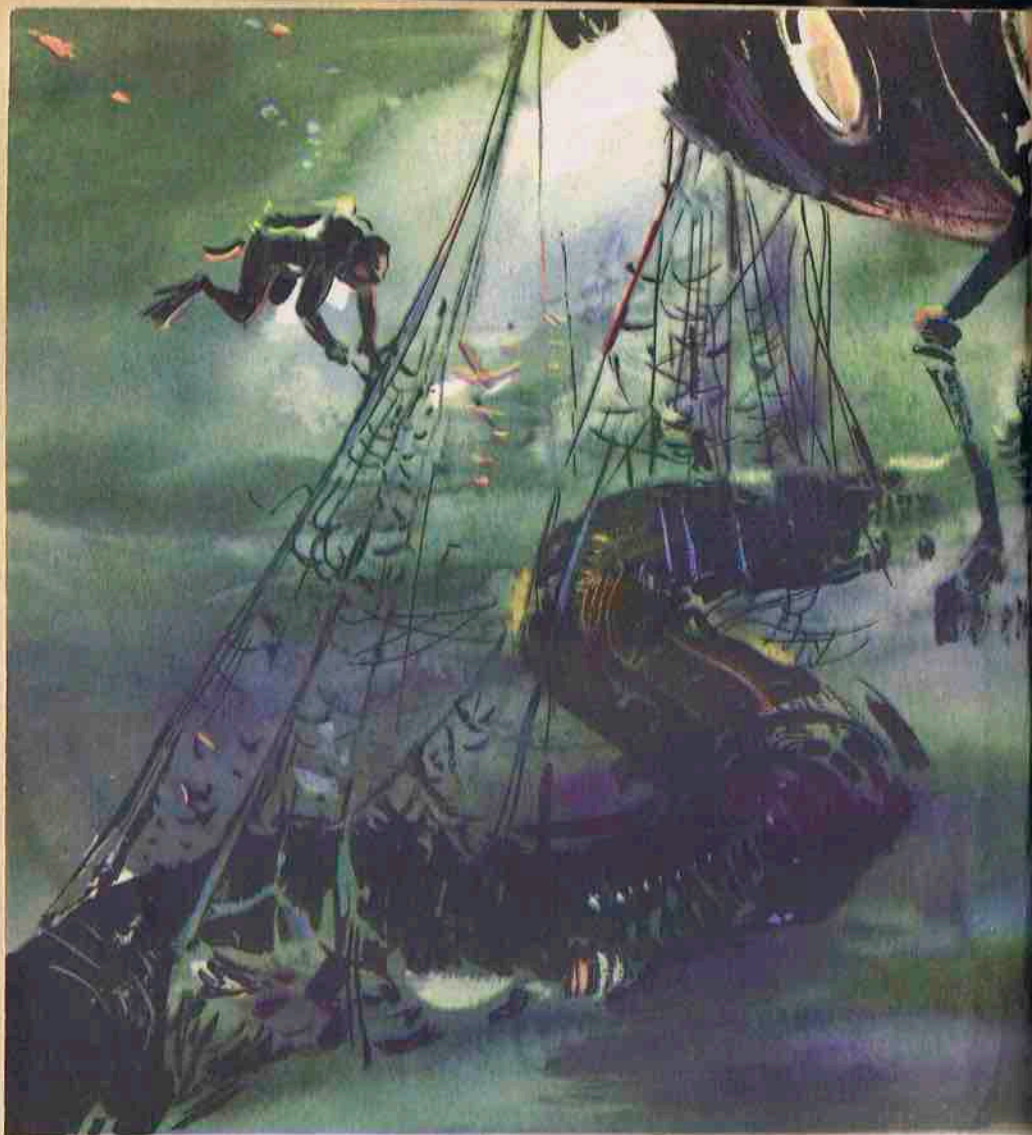
Но расскажу по порядку, что запомнилось. Записывать же свои впечатления в тот памятный день было некогда.

Утро не предвещало никаких тревог и опасностей. Часов в десять с мостика стоявшего неподалеку на якоре «Альбатроса» нам прокричали в мегафон, что видят на горизонте два патрульных катера.

Логинцов выслушал эту весть с явным облегчением. Ему, ко-

К стр. 221

К стр. 229

нечно, уже надоела эта детективная история, в которую мы так внезапно оказались втянутыми. Пусть теперь местные власти распутывают темные дела контрабандистов, а мы сможем спокойно продолжать научные исследования.

Катера были хорошо видны и с мостика «Богатыря». Они мчались к острову совершенно бесшумно, зарывшись острыми носами в белую пену и окутавшись облачком водяных брызг.

— Не вижу флага, — негромко проговорил капитан, опуская бинокль и повернувшись к Логинову.

Я не обратил на это внимания, но на катерах в самом деле почему-то не было ни национальных флагов, которые обязано нести на мачте каждое судно, ни каких-нибудь опознавательных знаков. Но разве это так важно?

— И почему их два? Ведь говорили, что высылают один катер, — добавил капитан, снова поднимая бинокль к глазам.

— Непонятно, — согласился Логинов. — На мостике «Альбатроса» какая-то суеда. Похоже, они тоже чем-то удивлены.

Катера стремительно приближались. С них никто теперь не сводил глаз.

— Немедленно вызвать людей с берега, — приказал капитан вахтенному помощнику. — Отправить за ними все шлюпки.

— Есть!

...Это напоминало торпедную атаку. Катера мчались прямо на нас. Потом они резко изменили курс, сбавили скорость и скрылись за ближайшим береговым мысом.

Теперь уже не оставалось никаких сомнений. Это приплыли морские гангстеры, а вовсе не береговая охрана, которую мы ожидали.

Вахтенный помощник доложил, что все с берега эвакуированы. И от этого зловещего слова будто потянуло пороховым дымком...

Катеров по-прежнему не было видно. Значит, они пристали к берегу за мысом. Наверное, сейчас контрабандисты высаживаются и скоро обнаружат, что их тайник с наркотиками пуст. Легко ли им будет примириться с потерей такого богатства? Вряд ли. Ведь тут пахнет сотнями тысяч долларов.

Хотя, наверное, они уже знают, что мы нашли их тайник, поэтому и примчались. Ведь англичане сообщали местным властям о находке и преступлении, совершенном на острове, открытым текстом, не шифровкой. Конечно, этот разговор по радио было легко подслушать...

В таком случае появление зловещных катеров внушает еще большую тревогу. Что они задумали?

— Андрей Васильевич, я думаю, надо внимательно следить за водой вокруг, — сказал Волошин.

Логинов молча кивнул, и они быстро стали спускаться по трапу.

«Пошли в локаторную», — понял я.

Торпедных аппаратов на пиратских катерах, к нашему счастью, вероятно, нет. Брать на бордаж два больших судна, конечно, бессмысленно. Но вот тихонько подобраться под водой и прикрепить к днищу «Богатыря» пластиковую бомбу — на это «отставные акулы» вполне способны.

Я хотел тоже пробраться в локаторную, но на сей раз это не удалось. Логинов не пустил меня. Пришлось вернуться на палубу, и всей, так сказать, «подводной стада» боя я не видел. Она осталась скрытой от меня, как и от многих других, в напряженном ожидании толпившихся на палубе нашего судна.

Мы видели только пустынный берег и зеркальную гладь моря за кольцом пенных бурунов. Нам казалось, будто ничего не происходит, до того момента, когда загрели выстрелы и катера ринулись в атаку...

Лишь потом мы узнали, что бой начался гораздо раньше.

О том, как развивались события под водой, рассказали мне позднее Волошин и Петя, его помощник.

Примерно через полчаса на экране локатора появились фигуры трех плывущих у самого дна диверсантов. Они пользовались, видимо, не аквалангами, а кислородными аппаратами военного типа, с замкнутым циклом дыхания. Такие аппараты не выпускают пузырьков отработанного воздуха, и поэтому приближающегося пловца нельзя заметить с поверхности моря.

— Подкрадывались, словно волки, — рассказывал мне потом Петя, смеши тараща глаза. — Сразу стало ясно, что не с добром плывут.

Диверсанты, конечно, и не подозревали, что каждое их

движение прекрасно видно на экране. Не знали они ничего и о том, на что способны аппараты Волошина...

— Как ударили мы по ним ультразвуком... — рассказывал Петя.

— Не ударили, а только малость пощекотали, — строго уточнил Волошин. — Частота и мощность были выбраны такие, чтобы лишь отпугнуть этих собак, но не причинять им особенного членовредительства...

— Ну, в общем как включили ультразвук, — продолжал Петя, — они и замесались по экрану. Только руки-ноги замесались!

(Потом мы нашли на дне вещественные доказательства: две мины, каждая из которых могла бы пустить к рыбам даже военный корабль, защищенный броней, прибор для ориентировки под водой, портативный гидролокатор с клеймом военного ведомства, сигнальный фонарик, позволявший переговариваться в полной тьме невидимыми инфракрасными вспышками. Все это буквально вывалилось из рук опешивших диверсантов, когда их — как скромно выразился Волошин — «пощекотал» ультразвуковой луч...)

— Один вроде даже потерял сознание, болтался в воде, как неживой. Но два других подхватили его и кинулись улетывать, — закончил свой рассказ Петя.

Что произошло дальше, все мы видели уже собственными глазами, а боцман даже получил об этом памятную отметину на всю жизнь...

Мы увидели, как катера вдруг вылетели из-за мыса и бросились в атаку на наши мирные исследовательские суда!

Это произошло как раз в ту минуту, когда с мостика «Альбатроса» крикнули, что на горизонте показался долгожданный катер береговой охраны.

Непонятно, на что надеялись взбесившиеся морские гангстеры. Вряд ли они все-таки решились бы таранить «Богатырь» и пойти вместе с ним ко дну. А рассчитывать на успех пиратского бордажа было слишком глупо. Скорее всего это была просто отчаянная вспышка слепой ненависти и злобы.

С обеих катеров загрели автоматные очереди. Они пустили в дело и крупнокалиберный пулемет!

— Ложись! — крикнули с мостика.

Но мы и так уже все повалились на влажный после недавней приборки палубный настил, пряча головы за фальш-

борт. Пули гулко стучали по нему, словно клепальные молотки...

И вдруг стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась.

Выждав еще минуту, я осторожно выглянул из-за борта. Пиратский катер, волоча за собой белый хвост пены, убежал в открытое море.

Второй катер куда-то исчез. Только на воде медленно расходилось большое маслянистое пятно, играя на солнце всеми цветами радуги.

И два человека хорошим стилем плыли к берегу, часто оглядываясь на это пятно.

Сторожевик резко изменил курс и бросился вдогонку за пиратским катером. Скорость у него явно была больше. Наверное, он его нагонит.

Из люка, жмурясь от яркого солнца, вылезли Логинов и Волошин. Логинов быстро прошел на мостик, а Сергей Сергеевич подошел к борту и долго смотрел на радужное пятно, постепенно терявшее свои очертания.

— Да... Как это говорил Леонардо: «Одно и то же пламя и сжигает и прогоняет тьму»?

— Двое спаслись, доплыли до острова, — сказал я.

Сергей Сергеевич ничего не ответил, пожал плечами и тоже ушел на мостик.

Обстрел не причинил больших повреждений. Только выбило стекла в штурманской рубке да кое-где облупилась краска и на борту остались вмятины от пуль.

Из команды пострадал лишь боцман. Шальная щепка, сколотая пулей с палубы, рассекла ему лоб.

Сторожевой катер вернулся часа через три — один. Неужели он не смог нагнать пиратов?

— Они укрылись на острове, который принадлежит Гаити, — смущенно пояснил хмурый профессор Конлей, приехав к нам вскоре после возвращения катера. — Наш военный катер не может заходить в чужие воды. Придется действовать через дипломатические каналы.

Англичане попросили нас обследовать на дне его обломки, стараясь набрать побольше улик. Нашим водолазам удалось поднять со дна шесть автоматов американского производства, три пластиковые мины и крупнокалиберный пулемет.

Был найден и небольшой, но весьма увесистый сейф. Его

вскрыли. Там оказалось около сотни золотых дублонов в парусиновом мешочке — видно, остатки клада, украденного у Майкла, — и довольно пухлая пачка подмоченных долларов. Все это тут же опечатали и отправили на «Альбатрос».

Нашлась в сейфе и какая-то тетрадь в пластиковом переплете. Страницы ее слиплись от воды, проникшей в сейф, записи расплылись, так что разобрать их было трудно. К тому же эти записи выглядели довольно загадочно: даты, географические координаты, пометки, похожие на шифровку.

Может, один из этих зловещих крестиков обозначал и погребенную в прошлом году «Влюбленную Сирену»? Координаты и дата подозрительно совпадали...

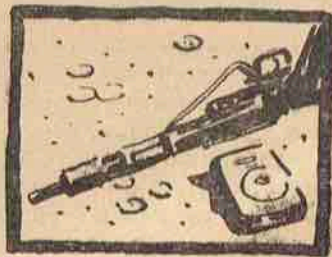
Но пусть в этом уж разбираются полицейские эксперты.

Необходимо упомянуть еще об одной находке. Кажется, тайник, где Сидней Роу прятал свои рукописи, все-таки существовал.

Только обнаружили его не мы. Нас опередил Майкл Сондерс, обшаривая островок в поисках клада...

Когда моряки с «Альбатроса» и сторожевого катера осматривали хижину убитых кладонскателей, профессор Конлей наткнулся на несколько пожелтевших страниц, весьма заинтересовавших его. Это были остатки какой-то рукописи Роу. Еще несколько листов валялось возле хижины в песке. Видимо, раздосадованный своей находкой, которая показалась ему совершенно бесполезной, вспыльчивый Майкл швырнул в сердцах рукопись в окно хижины...

И мысли Сиднея Роу так и останутся скрытыми от человечества. Их подхватил и унес в открытый океан ветер, шелестя бумажными листами.

19. ГОСТЬ ИЗ МОРЯ

— Ну, кажется, полоса приключений кончилась и мы сможем заняться тихой, спокойной работой, — сказал Волошин, глядя, как медленно опускаются, словно утопая в море, кудрявые кроны трех пальм покинутого нами «Острова Чудака».

— Сергей Сергеевич, вы повторяетесь, — засмеялся я. — Вы это уже говорили.

— Когда?

— Точно в такой же ситуации. Когда мы покидали остров в первый раз. Но предсказание ваше не оправдалось. После этого мы охотились за кашалотами, проваливались в морские глубины...

— Ну, теперь-то мой прогноз более точен. Ведь работа почти закончена, все приключения уже позади. Нам остается лишь вспомнить о них и вздохнуть. Скоро поплывем домой вслед за личинками. Нужно только наловить побольше этих гигантов. Сколько пришлось уговаривать

Логинова, чтобы он изменил курс и свернул на юг. А ведь в этих личинках-то и пряталась разгадка...

Да, кажется, нашим исследователям удалось, наконец, приблизиться к разгадке самых сокровенных секретов морских скитальцев! И решающие сведения неожиданно принесло изучение нервных клеток осьминогов и той гигантской личинки, что выловили мы на глубине полутора километров в струях Богатырского течения.

Вчера в лаборатории мы с Волошиным восхищенно следили, как ловко Андрей Васильевич с помощью микроманипулятора выделяет из полупрозрачного студенистого тела «нашей личинки» одну нервную клетку. Правда, Логинов потом сказал, что это вовсе не так трудно, потому что клетка была гигантской, под стать личинке, — около двух миллиметров в диаметре.

— Вот у обычных угрей, пока выделишь, приходится потеть...

Но нам и эта операция казалась чудом.

Вокруг операционного стола собрались руководители почти всех лабораторий. Это был важный контрольный опыт. Перед этим личинку «обучали» в особом закрытом аквариуме, где двенадцать часов полной темноты чередовались с искусственным «днем» такой же продолжительности — и так несколько раз.

И нервная клетка это запомнила! Даже через несколько дней после тренировки отдельная, выделенная из организма нервная клетка приходила в состояние возбуждения и затем успокаивалась точно в том же ритме — через каждые двенадцать часов.

Логинов рассказал нам, как биологи вместе с химиками ухитрились затем передать опыт, накопившийся в нервной клетке, другим морским организмам — в том числе и личинкам речных угрей. Для этого им просто впрыскивалась эмульсия из «натренированных», обученных клеток. Память, несомненно, очутилась в руках ученых, раз они могли передавать ее точно рассчитанным уколом шприца!

— Так что не остается никаких сомнений: память прячется в молекулах РНК, и угри передают ее личинкам по наследству, — закончил Андрей Васильевич свои объяснения, привычным жестом потирая небритую щеку. — Можно сказать, что в основе каждой ошибки, неверной мысли лежит

химически изуродованная молекула. Верно, Казимир Павлович?

Бек кивнул.

— Ясно, — с глубокомысленным видом проговорил Волошин. — Как сказал не Леонардо да Винчи, а другой мудрец: «Все почему-то жалуются на свою память, а не на свой ум...»

— Но что же все-таки запоминают угри, странствуя в глубинах моря без всяких ориентиров? — спросил я.

— Магнитные воздействия, это теперь тоже доказано, — ответила Елена Павловна. — Малейшие изменения магнитного поля немедленно влияют на воду и любые растворы, а из них и состоит в основном каждая клетка...

— Меняется химизм раствора, — подхватил Казимир Павлович, — и это сказывается на молекуле РНК, как бы записывается в памяти...

— Как вы ловко продолжаете мысль друг друга, — засмеялся я, едва успевая делать записи в блокноте. — Сразу видно, что решали эту задачку общими усилиями.

— Да, тут объединились почти все науки, представленные на борту «Богатыря». Пригодились даже некоторые наблюдения покойного профессора Роу, — кивнул Логинов. — А в результате мы теперь знаем, что при пересечении плывущим в океане угрем магнитного поля в его нервных клетках возникает сигнал, который сравнивается с теми, что записаны в памяти.

— Значит, справедливой оказалась все-таки магнитная гипотеза? — спросил я. — Елена Павловна, Иван Андреевич, поздравляю!

— Спасибо, — Елена Павловна улыбнулась и хотела что-то сказать, но ее перебил Бек.

— Не спешите, — сказал он. — Это ведь личинки морских угрей...

Что он хотел этим сказать, я не понял. Но расспрашивать ученых сейчас было некогда. Волошину сообщили из локаторной, что на глубине примерно полутора километров удалось нащупать скопление каких-то движущихся существ.

— Это они! — обрадовался Волошин.

Все поспешили в локаторную.

Косяк рыбы, конечно, не мог забраться на такую глубину, но для проверки все-таки включили звуковизор.

Мы увидели на экране знакомые извивающиеся смутные ленты. Сомнений не оставалось: личинки исполнинских угрей.

Потом спустили за борт приборы. Они принесли пробы воды с различной глубины. Оказалось, что и здесь на большой глубине, есть слой воды с пониженной плотностью. А спущенная «вертушка», похожая на маленькую ракету, отметила значительную мощность и скорость движения воды. Видимо, это было все то же Богатырское противотечение, открытое нами, и личинки плыли, подхваченные его струями.

Логинов сначала не хотел спускать мезоскаф, предложив просто закинуть глубинную сеть и выловить несколько личинок.

— Ничего не выйдет, — покачал головой Волошин. — Закидывать с борта сети — пустое дело. Все равно, что слепому на лугу сачком бабочек ловить.

— Почему?

— Они ориентируются главным образом, прощупывая воду ультразвуком. Глаза им бесполезны во тьме, царящей на этой глубине, и не случайно личинки не имеют никаких светящихся органов — верно, Елена Павловна? А их ультразвуковой локатор столь чувствителен, что они прекрасно обнаружат сеть из самых тонких капроновых нитей и не зайдут в нее.

— А как же вам удалось их поймать? — спросил Бек.

— Я их приманивал.

— Чем?

— Тем же ультразвуком. Когда мы наблюдали за ними, я заметил, что все время мешают какие-то посторонние импульсы. Проверил и убедился, что их посылают личинки. Не знаю, с какой целью: может, ищут добычу, а может, переговариваются между собой, обмениваются мнениями о нашем мезоскафе. Во всяком случае, я стал излучать импульсы той же частоты и мощности, и несколько личинок подошли вплотную к мезоскафу. Только так их и удалось заманить в ловушку.

— Ну что же, придется спускать мезоскаф, — закончил Логинов это коротенькое совещание прямо на палубе.

— Вот именно, — весело подхватил Волошин. — Буду вам вместо загонщика...

— Только, пожалуйста, держитесь подальше от сети, — предупредил Логинов.

— Конечно. Я же понимаю, что запутаться в ней — весьма сомнительное удовольствие. Но мой локатор не менее чувствителен, чем у этих личинок. Уж сетку-то он нащупает за десять метров, если не дальше. — И поманив меня, Волошин деловито зашагал к мезоскафу.

Отправились вместе с нами на ловлю гигантских личинок опять Елена Павловна и Макаров.

Поскольку в этот раз мы погружались ненадолго, Волошин решил увеличить экипаж и захватить своего постоянного помощника Петю. Одному ему не управиться с аппаратурой.

Погружение шло уже привычным порядком. Опять быстро затухали красные лучи спектра, и казалось, будто в кабине становится холоднее. Когда тьма сгустилась, зажгли прожекторы, и они голубыми мечами начали рассекать ее.

Погружались мы быстро, поэтому трудно было рассмотреть изредка мелькавших за иллюминаторами рыб. Биологи ворчали, но Волошин сослался на строгий приказ начальника экспедиции: заниматься сегодня только личинками.

Вот и они замелькали смутными, словно клубящимися тенями на границе освещенной зоны. Волошин погасил прожекторы и включил аппарат. Личинки сразу осмелели и стали подплывать к самому мезоскафу. Их змеящиеся изображения заполнили весь экран.

Время от времени по экрану пробегали разряды.

— Видите, — сказал Волошин. — Перекликаются. Могут даже дать послушать. Сейчас переведу их ультразвуковые сигналы в область слышимых частот.

Он поколдовал со своими приборами, из динамика раздались довольно противные квакающие звуки.

— Можно их сделать помелодичнее, — поспешно сказал Волошин.

Звуки стали тоном выше, но, по-моему, вовсе не приятнее. Волошин поспешил выключить эту какофонию.

По его команде с «Богатыря» начали спускать прочную глубинную сеть. Личинки первыми обнаружили ее приближение и забеспокоились. Сергей Сергеевич был прав: заманить в сети их не так-то просто.

Через несколько минут решетчатое переплетение тонких капроновых нитей возникло и на экране.

— Почувствовал за двенадцать метров, — довольным то-

ном проговорил Волошин, погладив черную металлическую стенку прибора.

Потом он уселся за пульт, и началось длительное маневрирование. Надо было встать так, чтобы сеть оказалась между мезоскафом и личинками. Волошин рассчитывал своим аппаратом как бы сбить, заглушить импульсы, посылаемые во все стороны личинками, чтобы они потеряли ориентировку и не заметили сети.

Давая по гидротелефону короткие указания на мостик «Богатыря», Сергей Сергеевич включал то один мотор, то другой, то сразу оба. В кабине стало довольно неуютно. Ее трясло и дергало в разные стороны, словно грузовик, вдруг заехавший в болото. Мы цеплялись за что попало и все-таки порой ощутительно стучались о холодные мокрые стенки.

Наконец толчки прекратились. Мезоскаф недвижно повис в воде. Теперь в наступившей тишине только слышались дробное щелканье переключателей да отрывистые реплики, которыми обменивались Сергей Сергеевич и Петя:

— Прибавь еще десяток...

— Она уходит.

— Давай на шестой!

— Возьми чуток ниже...

Заманивать личинок в сеть им приходилось буквально «вслепую». Чтобы не пугать чутких обитателей глубин, пришлось даже выключить звуковизор. Экран загорался лишь изредка, для контроля.

А нам оставалось сидеть в полной темноте и терпеливо ждать.

Мы уже порядком истомились от этого бездеятельного ожидания, как вдруг Волошин включил сразу все прожекторы и устало сказал:

— Готово.

Я приник к иллюминатору и увидел, как всего метрах в шести от мезоскафа бились в сеть пойманные личинки. Теперь они никуда не могли спрятаться от света наших прожекторов. Отчетливо были видны не только гибкие, извивающиеся тела угрей, их непомерно большие, испуганно выпученные глаза, но и тонкие капроновые нити. Они напоминали паутину, и я забеспокоился, выдержит ли сеть рывки мускулистых, бешено мечущихся тел.

— Выдержит, — засмеялся Волошин.

Подтянув к себе поближе микрофон, он кашлянул и проговорил, повысив голос:

— На «Богатыре»... Вира помалу. Поднимайте.

— Подождите! — остановил я его.

— Почему?

— Там что-то виднеется...

— Где?

— На границе света, левее сети, видите? Что-то большое, длинное.

— Где?

А может быть, громадное, уходящее во тьму продолговатое тело лишь померещилось мне в синеве на границе света наших прожекторов и вечной тьмы?

Нет!

— Там в самом деле кто-то прячется, — тихо пробормотал Волошин. — Видите, Елена Павловна?

— Кажется, вижу.

— Нельзя ли подойти поближе? — попросил Макаров.

— Оно уйдет. Оно явно избегает света, — ответил Волошин, шаря рукой по пульту в поисках нужного переключателя.

Это словечко «оно» звучало таинственно и немного зловеще. «Так говорят о привидениях в старинных романах», — промелькнуло у меня в голове.

Свет прожекторов погас. Мы все с нетерпением смотрели, как медленно разгорается серебристое сияние экрана...

Было совершенно непонятно, что мы увидели. Похоже, какая-то огромная толстая труба заняла почти весь экран. Но она двигалась...

Она живая!

— Вы будете смеяться, но мы встретились-таки с легендарным морским змеем, — медленно проговорил Волошин, не сводя глаз с этого странного изображения.

Что это за существо? Как же оно велико, если на экране уместается лишь небольшой кусочек его громадного тела? Волошина словно подстегнули.

— На «Богатыре»! — закричал он в микрофон. — Распускайте сеть! Немедленно распускайте сеть!

— Что случилось? — встревоженно спросил репродуктор голосом Логинова. — А личинки?

— Личинки подождут. Никуда они не денутся, наловим снова.

— Но что все-таки случилось? Отвечайте, Волошин.

— Вижу морского змея! Не пугайтесь, шеф. Не «зеленого змея», а обыкновенного, морского. Сейчас будем его ловить, как вы обещали. Он сам просится в гости!

После длинной паузы Логинов ответил:

— Хорошо, выпускаем личинок. Только будьте осторожны, Сергей Сергеевич. Слышите?

— Слышу, слышу, — торопливо ответил Волошин, опять занявшийся своими бесчисленными кнопками и переключателями.

Снова нас начало дергать и раскачивать. Заманить в сеть морского змея оказалось потруднее, чем личинок. Несколько раз Волошин уже считал, что загадочный обитатель океанских глубин пленен, но в последний момент он выскальзывал из сети, и трудную охоту приходилось начинать сначала.

Пот лился по лицу Волошина. Он уже дважды просил меня вытереть ему лоб платком:

— А то глаза щиплет, ничего не вижу...

Щелкая переключателями, Сергей Сергеевич бормотал, словно заклинание:

— Ловись, рыбка большая и маленькая... Ловись, рыбка большая и маленькая... Ловись...

Договорить он не успел.

Из репродуктора вдруг раздался тревожный голос Логинова:

— Он рвет тросы! Один трос уже лопнул...

— Значит, попался! — ликующе воскликнул Волошин.

И в тот же миг мезоскаф загремел, наполнился гулом от сильного удара, и нас начало швырять, словно игрушку, подхваченную расшалившимся щенком!

Меня сбило с ног, и я катался в крошечной тьме по полу, тщетно стараясь за что-нибудь уцепиться и в то же время не переломать себе рук.

— Лена, держись крепче, — начало этой фразы Макаров выкрикнул из одного угла, а окончание ее донеслось уже совсем с другой стороны.

— Волошин, что случилось? Что случилось? Отвечайте! — загремел в репродукторе голос начальника экспедиции.

Короткая пауза, потом в репродукторе слышались чьи-то встревоженные отдаленные голоса...

И снова голос Логинова:

— Порвался еще один трос. Что случилось? Отвечайте!

А нас все швыряло, мотало, раскачивало. Что это могло быть?!

— Он зацепил нас, — вдруг спокойно, почти не повышая голоса, проговорил в темноте Волошин. — Вы слышите меня, Андрей Васильевич?

— Слышу.

Кашлянув, Волошин добавил:

— Я вынужден убить его.

— Разумеется! Немедленно, — ответил Логинов.

Я все еще ничего не понимал. Кто нас зацепил? Кого собирается убить Волошин?

Голос его доносился от пульта управления. Совершенно непонятно, как он там удержался...

И вдруг мезоскаф еще раз как-то судорожно тряхнуло, и загадочная качка прекратилась.

Щелкнул выключатель.

— Все целы? — спросил Волошин.

Вцепившись в подлокотники кресла, он осматривался по сторонам, щурясь от света.

— Елена Павловна, Ваня, как вы?

— Кажется, цела, только... — Елена Павловна не успела договорить. Ее прервал голос Логинова из репродуктора:

— Почему молчите? Держите связь непрерывно. Не выключайте микрофон.

— Я не выключаю, — ответил Волошин. — Разбираемся в обстановке.

Внимательно осматривая приборы на пульте, он одновременно массировал себе то одну руку, то другую, сгибая и разгибая пальцы, словно пианист, уставший от долгих упражнений.

Мы с Петей поднялись с пола.

Елена Павловна, потирая плечо, заглядывала в иллюминатор.

— Сергей Сергеевич, а прожекторы включить нельзя? — спросила она.

— Что? — рассеянно откликнулся Волошин. — Ах, прожекторы. Можно. Теперь уже можно. Пожалуйста. Вы ушиблись?

— Пустяки, немножко. Но в мой иллюминатор почему-то ничего не видно.

Волошин подошел к Елене Павловне, заглянул в иллюминатор, потом перешел к соседнему...

— Все ясно, — сказал он. — Висит как раз на этом борту.

— Да. С той стороны свет в иллюминаторах виден, — подтвердил Макаров.

Значит... Я не успел еще сообразить всего до конца, как Волошин подтянул к себе микрофон и начал говорить:

— Андрей Васильевич, докладываю. Мезоскаф цел и невредим, но сеть с этим морским чудом висит у нас на правом борту.

— Всплыть вы можете? А то уцелел лишь один трос...

— Ясно. Сейчас я проверю винт вертикального подъема.

20. ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ

Все мы молча следили за тем, как Сергей Сергеевич включил мотор. Мотор загудел натужно, с надрывом, и Волошин поспешно выключил его.

— Винт не работает, видимо, обмотан сетью, — сказал Волошин в микрофон. — Я сейчас сброшу аварийный балласт. Как только начнем всплывать, выберите сеть. Только не дергайте, трос может порваться...

— Понял вас. Действуйте, — было слышно, как Логинов приказал кому-то вполголоса: — Внимательно следите за тросом.

Волошин положил руку на красную кнопку, чуть-чуть помедлил и нажал ее.

Ничего... Мезоскаф лишь слегка качнуло.

Неужели не сработали электромагнитные запоры, удерживающие аварийный балласт?!

— Что у вас? — негромко спросил Сергей Сергеевич.

— Вы сбросили балласт? — ответил вопросом Логинов.

— Да.

— Трос дал лишь маленькую слабину. Мы не решаемся его выбирать.

— Пожалуй, правильно, — согласился Волошин и, повернувшись к Елене Павловне, вдруг спросил: — Как, по-вашему, сколько может весить это морское страшилище?

— Трудно сказать. Ведь мы же его так и не видели.

— Ну, примерно. Тонн десять потянет?

— Возможно, — ответил, кивнув, Макаров.

— Понятно. Вы слышали, Андрей Васильевич?

— Слышал.

— Вы там посоветуйтесь, а мы тоже будем думать. — Обведя нас глазами, Волошин спросил: — Ситуация всем ясна?

Ему никто не ответил. Теперь уже каждый из нас хорошо понял, что же произошло.

Попавший в сети морской змей начал так резко бросаться из стороны в сторону, что задел мезоскаф. Сеть зацепилась за винты, вероятно, за стойки прожекторов и другие выступающие части. Всплыть мы не можем, даже сбросив аварийный балласт: пойманная «рыбка» держит нас всей своей многотонной тяжестью.

Вот тебе и ловись рыбка... Кто кого поймал?

И вытащить нас, выбирая сеть, не могут. Вряд ли выдержит единственный уцелевший трос, а ведь это последняя ниточка, пока еще связывающая нас с миром.

Но, может быть, убитый морской змей постепенно сам всплывет на поверхность? Ведь всплывают же погибшие глубоководные кальмары, мы сами были тому свидетелями...

Я посмотрел на Елену Павловну, но не решился задавать никаких вопросов. Если бы этот змей всплывал, как кальмар, мы бы уже были в безопасности.

А может, наоборот, мы теперь держим его на глубине, и постепенно он станет погружаться все глубже и глубже?..

Раз уж сброшенный балласт не помог, дело действительно плохо.

Эти мысли проскакивали у меня в голове, пока я заглядывал то в один иллюминатор, то в другой, пытаюсь рассмотреть, что происходит вокруг.

Мои мысли вспугнул неожиданно загудевший мотор. Почему он вдруг ожил?

Неужели Волошину удалось распутать сеть и освободить винт?!

Нет. Он пытается порвать сеть. Но она прочная, только ту же накручивается на винт...

Из мотора вдруг вырывается голубоватая вспышка, и он безжизненно замолкает. Противно и резко пахнет горелой резиной.

— Пробовал освободить винт. Мотор сгорел, — говорит в микрофон Волошин.

Ему никто не отвечает.

Пауза.

— Вы меня слышите, Андрей Васильевич? — повышает голос Волошин.

— Слышу. Подождите несколько минут. Микрофон не выключайте, — отвечает Логинов.

Ждать? Но чего?

Я смотрю на Волошина, на Макарова, потом на Елену Павловну, сидящую в дальнем углу. Лампочку она погасила, так что ее лица не видно.

— Сергей Сергеевич, вы меня слышите? — раздается из репродуктора.

— Да.

— Мы приняли такое решение... — Логинов на мгновение замолкает, потом заканчивает: — К вам идет Казимир Павлович.

Пауза.

Очень длинная пауза.

— Вы меня поняли? — спрашивает Логинов.

Кашлянув, Волошин отвечает:

— Да. Но мне кажется...

— Я тоже решительно против! — Елена Павловна порывисто вскакивает, подходит к микрофону и повторяет громче: — Андрей Васильевич, это безумие! Вы должны запретить. Ваня, ну объясни же ты, — поворачивается она к мужу.

— Но это единственный выход, Елена Павловна, вы же понимаете, — тихо доносится из репродуктора.

— Андрей Васильевич, ведь еще ни разу не пробовали... — говорит сумрачно Макаров.

— Бек уверяет, что вся методика отработана. Он представил нам протоколы испытаний в барокамере. До двухсот атмосфер.

— Андрей Васильевич, позовите Казимира Павловича к микрофону, — перебивает Елена Павловна.

— Его нет в рубке. Он готовится к погружению. Что ему передать?

Елена Павловна качает головой, отмахивается от репродуктора и уходит в свой темный угол.

— Сергей Сергеевич, дайте полный свет и будьте внимательны, — помолчав, говорит Логинов.

— Понятно.

— Этот ваш... морской змей мертв?

— Вполне. Десять тысяч вольт! Могу ударить еще раз, но он не подает никаких признаков жизни.

— Хорошо. Только все-таки посматривайте за ним. В воде нет никаких изменений?

— Сейчас возьмем пробу. — Волошин оглянулся на Елену Павловну.

— Я сделаю, — сказал Макаров.

Он начал брать пробу забортной воды, а мы смотрели и ждали.

Значит, вот как убил Волошин это неведомое морское чудовище — электрическим разрядом высокого напряжения. А ведь это была моя идея: снабдить мезоскаф такой защитой. Хотя, если быть точным... Я вспомнил, как мне тогда сказал Волошин: «Занятное предложение. Но я лучше скопирую защиту у электрических скатов...»

Похоже, что морской змей сражен наповал. Он ни разу не шевельнулся после удара током, мы бы сразу это почувствовали. Чего же они тогда опасаются? Что электрический разряд как-то изменил состав воды или, может, «змей» способен чем-то отравить воду, сделать ее ядовитой? Это, пожалуй, чепуха. Ведь Бек будет в герметическом скафандре. Но почему именно ему поручили нас спасать?

Я хотел спросить об этом Волошина, но тут послышался голос Макарова:

— Все нормально. Передайте, пожалуйста, Казимиру Павловичу, анализ совершенно нормальный, никаких добавочных примесей.

— Хорошо, — немедленно откликнулся из репродуктора Логинов. — Он идет к вам. Ждите.

— Сколько займет погружение? — спросил Волошин.

— По его расчетам — около часа.

— Пусть покажется с левой стороны. Иллюминаторы правого борта у нас закрыты.

— Ясно, — в репродукторе что-то щелкнуло. Видимо, Логинов выключил его.

Этот час, наверное, был самым длинным в моей жизни.

Мы все молчали, до боли в глазах всматриваясь в голубоватое сияние, появившееся за иллюминаторами.

Боясь пропустить момент появления нашего спасителя, я спросил у Волошина:

— Сергей Сергеевич, а в каком скафандре он спускается? И почему именно Бек? Ведь есть же у нас водолазы?

Волошин непонимающе посмотрел на меня, потом помотал головой и сердито ответил:

— Он спускается без скафандра. В простом акваланге. Ясно?

В обычном акваланге на такую глубину?!

Покосившись на Волошина, я еще плотнее прижился к иллюминатору.

И вот я увидел...

Мы все увидели человека в акваланге, в гидрокombинезоне с капюшоном непривычной формы, спускающегося к нам на выручку.

Он плыл так легко и свободно, словно нырял где-нибудь среди прибрежных рифов, а не впервые погружался без всяких громоздких скафандров на глубину полутора километров!

Из мундштука вырывались пузырьки воздуха и веселой цепочкой уносились вверх, к солнцу.

Бек приветственно и успокаивающе поднял правую руку... Как он может двигаться с такой легкостью? Ведь на него давит страшная тяжесть водяного слоя полуторакилометровой толщины?

Впрочем, Казимир Павлович, рассказывая мне о своих опытах, напоминал всегда, что тяжесть окружающей воды уравнивается, исчезает, если точно таким же будет противостоящее ей внутреннее давление жидкости и воздуха в живом организме, — поэтому и не погибают глубоководные рыбы. Я сам не раз видел этих рыб, свободно плавающих на большой глубине. Но человек...

В это трудно поверить, даже видя собственными глазами.

Значит, Казимир Павлович разгадал-таки секрет таинственного «алито»! И в каких необычайных обстоятельствах ему выпало осуществить свою мечту — нырять впервые на такую глубину!

Бек что-то делал, держась обеими руками за пояс и наклонив голову...

Вот в правой руке его тускло сверкнуло лезвие кинжала... Еще раз ободряюще помахав нам, Казимир Павлович скрылся из виду.

Удастся ли ему освободить нас из плена?

Я старался представить: вот сейчас он перерезает одну нить, вторую... Сколько их могло зацепиться за стойки прожекторов, намотаться на винт?

— Вы видите его? — заставив меня вздрогнуть, встревоженно спросил репродуктор. — Он должен быть возле вас.

— Он уже начал обрезать сеть, — ответил Волошин. — Все в порядке...

— Почему же сразу не сообщили? — по тону Логинова мы все почувствовали, как же они волнуются там, на борту «Богатыря», и за нас и за Казимира Павловича. Ведь они-то его не видят, и никакой связи с ним нет.

Прошло двадцать пять минут. За это время я раза четыре подносил часы к уху: мне казалось, будто они остановились. Волошин тоже то и дело поглядывал на свои часы.

И все-таки, как ни ждали мы этого момента, он наступил совершенно неожиданно!

Мезоскаф вдруг качнулся и начал плавно подниматься...

В иллюминаторы правого борта, теперь тоже очистившиеся, мы еще успели увидеть какую-то темную удаляющуюся массу. Это была сеть с едва не погубившим нас мертвым морским чудовищем.

А немного в стороне — человек в акваланге, приветственно поднявший руку.

Он тоже быстро удалялся. Мы уплывали, а он оставался один в этих мрачных глубинах, в непроглядной тьме...

— Сергей Сергеевич, Бек там остался! — воскликнул я. — Подождите его!

— Не могу! — ответил Волошин, пожав плечами. — Ведь мы сбросили аварийный балласт...

Да, нас теперь ничто не удержит на глубине. Мезоскаф

будет всплывать, как пробка, пока не окажется на поверхности.

— Но почему он не уцепился за мезоскаф? — пробормотал жалобно Петя. Кажется, он впервые за все погружение подал голос. — Всплывал бы вместе с нами.

— Нельзя, — покачал головой Волошин. — Ты что, забыл все законы физики? Это переживания на тебя так действовали? Ему нужно подниматься осторожно, с остановками, иначе — кессонная болезнь, смерть.

Тьма за стеклами иллюминаторов постепенно отступала. Вокруг быстро светлело, словно занимался рассвет. И через двадцать четыре минуты мы уже увидели солнце, ярко сиявшее над морем, и синее небо, и белый борт «Богатыря» совсем недалеко от нас!

Но тревога за товарища, освободившего нас из подводного плена и теперь медленно поднимавшегося где-то в полном одиночестве и во тьме, как-то приглушила радость спасения.

И друзья, толпившиеся на палубе «Богатыря», смотрели не на всплывший мезоскаф. Все не сводили глаз с того места, где вскипали на поверхности воды вырывающиеся из глубины воздушные пузырьки...

Почему их так мало?

Нет, это мне лишь кажется... Во всяком случае, пузырьки появляются непрерывно. Значит, все в порядке.

А вот и наш спаситель! Его голова показывается из воды... Он плывет к «Богатырю», не снимая маски.

Навстречу уже спешит шлюпка.

Казимиру Павловичу помогают подняться по трапу. Мы видим, как его обнимают, целуют. Жаль, что наш мезоскаф еще покачивается у борта «Богатыря» и мы пока не можем отблагодарить нашего спасителя...

А когда настает наша очередь и мы тоже поднимаемся на борт, переходя из одних дружеских объятий в другие, Казимира Павловича уже не видно. Конечно, его захватили врачи и теперь долго станут доносить всякими анализами и профилактическими процедурами.

Мы обнимаемся, жмем протянутые со всех сторон руки, отвечаем сразу на десяток вопросов, сыплющихся со всех сторон...

А все еще, признаться, не очень верится, что мы спасены!

Над палубой вдруг раздался какой-то странный звук — басовитый, протяжный, гудящий...

Мы переглядывались, не понимая, в чем дело.

— А-а! — бросаясь к борту, вскрикнул Волошин. — Лопнул последний трос. А я-то надеялся все-таки выудить этого змея!

Да, мезоскаф перестал поддерживать сеть, последний трос не выдержал тяжести морского змея и лопнул. Так мы и не увидим его...

— Жалко, — вздохнул Волошин. — Но нельзя же лишать океан сразу всех загадок. Ничего, доберемся еще и до змея!

21. ЗАГАДКИ МАНЯТ ДАЛЬШЕ

И вот мы уже в самом деле плывем домой. Теперь-то, пожалуй, все приключения действительно позади, и почему-то при мысли об этом становится немножко грустно...

Наступила пора подводить итоги. Только что закончилось заседание Ученого совета. Оно растянулось на целых два дня, так много было сделано интересных докладов и сообщений.

Не пугайтесь, я не стану их все пересказывать. Вы сможете, если захотите, узнать об этом из специального научного сборника, посвященного итогам экспедиции.

Сергей Сергеевич со своими «молодыми Эдисонами» испытывает новый навигационный прибор, сборкой которого они занимались всю последнюю неделю днем и ночью. В этом необычном «компасе» правильный курс подсказывают нервные клетки гигантских личинок, подсоединенные к электронной ма-

шине (вот когдагодились, оказывается, так удивившие меня поначалу опыты с ослом!..).

Значит, тайна ориентации угрей наконец-то разгадана?

Увы, еще не до конца. Об этом напомнил вчера в своем докладе Логинов:

— Мы, кажется, доказали (и теперь пробуем использовать это уже в приборе), что личинки гигантских угрей ориентируются в открытом океане по земному магнетизму. Но ведь это морские угри, им проще. А речным угрям приходится проходить через сложные лабиринты проливов, вроде Каттегата и Скагеррака, с весьма запутанной схемой течений и резкими перепадами температуры и солености воды. Тут одним каким-то «компасом» — будь он магнитный или иной — не обойдешься...

Андрей Васильевич на множестве примеров, добытых во время плаваний «Богатыря», и лабораторных опытов, доказывает, что речные угри, отправившись в далекое плавание еще личинками, «запоминают» самые различные воздействия на пути — и магнитные, и температурные, и малейшие перемены в химическом составе воды. И видимо, все это откладывается в их «памяти» раздельно, как у осьминогов, меняя химизм и молекулярное строение соответствующих нервных клеток.

Так что помогают затем угрям найти верную дорогу к местам нереста не один, а сразу несколько «компасов». Каждый из них включается в случае необходимости в зависимости от меняющихся внешних условий. Там, где надежными ориентирами служат температура и соленость воды, угри плывут по соответствующей «программе». А в другом месте они могут переключиться на свой «магнитный компас», который природа предусмотрительно сделала в отличие от наших несовершенных приборов надежно защищенным от магнитных бурь и других случайных сильных воздействий.

Слушая Логинова, очень было интересно следить, как из многих опытов и наблюдений, казалось бы, противоречащих друг другу, постепенно рождается новая интереснейшая гипотеза. Созданию ее помогли и опыты по магнетизму, озадачившие поначалу Елену Павловну с Макаровым, и наблюдения над осьминогами, и случайная встреча с кашалотами, и упрямый скептицизм Бека, и наши приклю-

чения под водой, закончившиеся поимкой гигантских личинок.

— Но, конечно, эта гипотеза еще нуждается в проверке и доработке, — закончил свое выступление Логинов.

Вопросов в самом деле возникает еще немало. Как, например, нашел правильную дорогу сначала заблудившийся балтийский угорь? Что он мог «вспомнить» о пути, по которому ни разу раньше не плавал?

Главная загадка еще остается, маня исследователей. Но как много мы уже узнали, странствуя за уграми по океану!

Я сижу в каюте, просматриваю свои записи — и все больше прихожу в отчаяние. Звуковизор, кашалоты, загадки памяти и странные обычаи осьминогов... Как связать все это воедино? Ощущение такое, будто книга расплзается. Да и всяких приключений, пожалуй, многовато...

Но ничего не поделаешь, раз бionика такая наука, что вторгается в самые неожиданные области и почти каждое открытие в ней сопровождается приключениями. Мне остается лишь честно описать, как все было. И утешаться мыслью о том, что в нашем мире, еще полном загадок и тайн, правда порой выглядит слишком фантастичной.

Некоторые события обрываются, не имея завершения, — скажем, встречи с профессором Конлеем или схватка с пиратами. Но так чаще и бывает в жизни.

Кто это сказал: «Нет ничего более фантастического, чем реальная действительность...»? Надо бы уточнить и взять эти слова эпиграфом...

Заглядывает в каюту Волошин и насмехается, как всегда:

— Советую вам писать по принципу: «Во избежание...» Так один мудрый восточный историк делал. Дошел он до описания злодейств некоего визиря и тут вовремя вспомнил, что местный правитель приходится этому злодею прямым потомком по материнской линии. Как быть? Мудрец не растерялся, пропустил десять чистых страниц, на каждой только написал: «Во избежание...» И перешел сразу к описанию проделок другого правителя, у которого не осталось потомков нигде поблизости...

Ему хорошо смеяться. Он усаживается в сторонке за стол и начинает что-то чертить. Похоже, это какая-то хит-

роумная ловушка для морского змея. Не уйдет этот змей от Волошина!

Итак, подведем итоги:

Прибор, способный теперь уже «видеть» сквозь любые преграды, — Волошин даже грозитя вскоре сделать изображение объемным.

Сложнейшая механика памяти...

А умение нырять по примеру кашалотов на большие глубины?

Когда наши дотошные медики и биологи убедились, что Казимир Павлович себя прекрасно чувствует после своего рекордного погружения, мы напали на него с восторженными расспросами.

— Все-таки это выглядело очень страшно! — сказала Елена Павловна, зябко передернув плечами. — Когда я вас увидела за окном в акваланге...

— Но, дорогая Елена Павловна, ведь никакого риска решительно не было, поверьте мне, — перебил ее смущенный Бек. — Я нырял наверняка, без всяких опасений. Мы же предварительно доводили давление в барокамере до двухсот атмосфер — это все равно, что нырять на два километра. Так что у меня еще был запас прочности, как сказал бы Сергей Сергеевич.

— Но одно дело опыты в барокамере, а другое — спускаться в эту холодную тьму. Вам могли встретиться и акулы и кальмары — страшно даже подумать...

— Не встретились, — улыбаясь и разводя руками ответил Казимир Павлович.

После доклада Казимира Павловича на Ученом совете все встали и устроили ему настоящую овацию. Он шел по проходу совсем смущенный, как-то забавно сгорбившись и понурившись, — совсем неподходящая поза для победителя. Сел на свое место и постарался спрятаться за спинами соседей.

В перерыве я все-таки поймал его.

— Опять? — умоляюще спросил Казимир Павлович, косясь на блокнот у меня в руке. — Очень прошу вас, не изобржайте этот научный опыт каким-то подвигом. Просто научный эксперимент, практическая проверка некоторых гипотез.

— Но почему вы решили проверить их именно на се-

бе? Ведь можно было найти опытного водолаза и помо-
ложе...

— Конечно, добровольцев вызывалось немало. Но я ведь и сам неплохой ныряльщик, вы, помнится, оценили это? Вот и пригодилась спортивная закалка. И потом: самому провести опыт гораздо интереснее, чем потом анализировать его с чужих слов. Так что убедительно прошу вас...

— Ладно. Только несколько цифр, я не успел записать, — сдался я.

— Это, пожалуйста. Всегда к вашим услугам.

— Значит, вам все-таки удалось разгадать состав загадочного «калито»?

Казимир Павлович задумался.

— Как вам сказать... Честно говоря, не знаю. Ведь та смесь, какую Леонардо зашифровал в своих трудах словом «калито», так и осталась засекреченной. Великий ученый лишь подсказал нам направление поисков, и, кажется, мы пришли к цели. Тем же путем, что и он, или другим — этого ведь проверить нельзя. Разве только найдут еще какие-нибудь не известные до сих пор рукописи Леонардо, но это, по-моему, сомнительно... Повторяю: гениальные работы Леонардо да Винчи подсказали нам, в каком направлении искать, и, так сказать, внушали уверенность в достижимости цели. Но шли мы своим путем: тщательно изучали скорость выделения различных газов из тканей живого организма в зависимости от давления, подбирая оптимальный состав газовой смеси для дыхания на больших глубинах. Работа эта была довольно кропотливой. Достаточно сказать, что мы проверили на электронно-вычислительной машине около шестидесяти тысяч разных вариантов. Ну, а потом, конечно, специальные опыты в барокамере — сначала над животными, затем... Таким вот образом...

— Ясно. И каков же состав этой смеси, проверенной вами при спасении мезоскафа? И какова методика погружения — в самых общих чертах.

— Пожалуйста, запишите, — сказал Бек и о чем-то снова задумался.

Я ждал, глядя на него.

— Нет, — сказал вдруг он, кладя ладонь на мой блокнот. — Закройте ваш блокнот и закончим на этом.

— Почему?

— Вы помните, почему Леонардо не хотел раскрывать свой секрет и зашифровывал многие удивительные открытия? Я, кажется, приводил вам его замечательные слова. — И подняв палец, Казимир Павлович торжественно процитировал: — «Как и почему я не описываю своего способа пребывать под водой — сколько я могу оставаться без еды, и этого не опубликовываю или не распространяю? По причине злой природы людей, которые совершали бы смертоубийства на дне морей путем разрушения кораблей и потопления их вместе с находящимися на них людьми...» К сожалению, запрет Леонардо пока должен оставаться в силе. И поныне, как мы сами могли недавно убедиться, есть еще на свете немало желающих использовать любое открытие во вред человеку. Думаю, хотя бы эти самые «акулы в отставке» весьма бы обрадовались, получив возможность нырять на большие глубины и долго там находиться, незаметно подкрадываясь к кораблям или подводным лодкам, верно?

— Понятно, — сказал я, закрывая блокнот. — Значит: «Одно и то же пламя...»

— Вот именно, — закивал Казимир Павлович. — Вот именно.

Да, к сожалению, он прав. И поэтому я не стану раскрывать деталей других интересных открытий, сделанных нашими учеными во время плавания «Богатыря». Нельзя забывать, что мы с вами живем пока еще в таком мире, где одно и то же пламя может и освещать дорогу и сжигать все живое, в зависимости от того, в чьи руки оно попадет.

Важных открытий сделано было немало. Но на Ученом совете больше говорили о новых загадках, еще ждущих своих исследователей, намечали планы новых работ и дальних путешествий.

Намечено заняться и проблемами старения, продления жизни. Помните пометку, которую сделал в блокноте Логинов: «Гибель запрограммирована»? Теперь исследователи хотят разобраться, как и где записана в нашем организме программа старения, — может, удастся менять ее, исправлять?

Казимир Павлович предложил включить в план специальные исследования над каракатицами: каким образом они

так быстро и легко могут перемещаться с одной глубины на другую?

— Есть серьезные подозрения, что вертикальное движение осуществляется исключительно за счет способности каракатиц каким-то образом менять химический состав воды в своем организме и тем самым по желанию то увеличивать, то уменьшать ее плотность и, следовательно, удельный вес, — высказал предположение Казимир Павлович.

Сидевший рядом Волошин толкнул меня локтем в бок и возбужденно зашептал:

— Красивая идея! Представляешь, если удастся применить тот же метод в мезоскафе? Никаких водяных цистерн, никакого балласта. Вот тогда мы поныряем! Похоже, не зря я мучался, приспособливая по просьбе Казимира всякие датчики к этим каракатицам. Но если тому утвердят, вот когда мне достанется...

«Встречную» тему предложил биологам и Сергей Сергеевич.

— Вот я тут как-то, отдыхая, слушал радио, — начал он, вынимая из кармана и разворачивая небольшой листочек бумаги, — и так, случайно, уловил любопытное сообщение. Из Антарктиды. Я записал для памяти. Гостили в Мирном американские ученые и, улетаая к себе на базу Мак-Мердо, захватили несколько местных пингвинов. У себя они их окольцевали и выпустили. И вот через год с лишком один из окольцованных пингвинов благополучно притопал обратно в родные края. А это по прямой две тысячи шестьсот километров. Интересно бы узнать, как он нашел дорогу? Местность однообразная, кругом снега. Полгода день, полгода — ночь. Ориентиров никаких. И ведь шел больше года!

В зале оживились.

— Пустил я им ежа под череп, — шепнул мне, подмигнув, Волошин, с довольным видом усаживаясь на свое место и вытягивая длинные ноги. — Тут ведь магнитная теория не подойдет. Среда не та. Да и характерен этот район частыми магнитными бурями и возмущениями. Там летчикам пользоваться обычными компасами почти не приходится. Может, пингвины помогут придумать для них какой-нибудь иной компас, понадежнее?

В самом деле, предложение Сергея Сергеевича тут же

вызвало споры. Уже одна за другой выдвигались разные гипотезы — начиналась очередная «мозговая атака»...

Я вышел на палубу и поднялся на мостик, чтобы узнать от вахтенного, скоро ли покажется хоть какая-нибудь земля.

С другой стороны мостика в рубку вошел капитан. Он зачем-то оглядел в бинокль пустынный горизонт, потом поспешно посмотрел сначала на компас, перевел взгляд на карту с проложенным контрольным курсом и удовлетворенно крикнул.

— Так держать!

Пожалуй, этими словами лучше всего и закончить рассказ о нашем плавании.

Хорошая, приятная команда. Она обещает новые удивительные загадки и новые приключения...

Так держать!

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Гибель „Влюбленной Сирены“	5
1. Странный институт	19
2. Коза в аквариуме и другие чудеса	27
3. Бурная ночь	39
4. Отдать швартовы!	49
5. След потерян	60
6. Таинственное „алито“	69
7. Тревога!	80
8. Сигналы из глубины	92
9. Призрак в океане	100
10. Умелый взрыв	114
11. В объятиях калымара	125
12. Смерть по плану?	135
13. Наследники капитана Флинта	142
14. „Я — акула в отставке...“	159
15. Киты любят, когда их гладят	169
16. Провал в глубину	181
17. Следы преступления	197
18. Пираты атакуют	208
19. Гость из моря	214
20. Чудесное спасение	224
21. Загадки манят дальше	232

Редактор
А. Строев

Оформление
художника
И. Пчелко

Художественный
редактор
Г. Позин

Технический
редактор
Н. Строева

Голубев Глеб Николаевич
ГОСТЬ ИЗ МОРЯ. М., «Молодая гвардия»,
1967. 240 с., с 8 л. илл. Р2

A01165. Подписано к печати 3/III 1967 г.
Бум. 60×84¹/₁₆. Печ. л. 15 (13,95)+8 вкл.
Уч.-изд. л. 14,2. Тираж 100 000 экз. Цена
79 коп. Т. П. 1967 г. № 222. Зак. 2484.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Мо-
лодая гвардия», Москва, А-30, Суще-
сная, 21.